Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТРАБОТА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР — ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТРАБОТА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

1914—1918 гг.

ОБРАБОТКА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Главлит № А—6082. В—10/ Гиз № 23857 Тираж 5 000 экз.

Тип. Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская ул., дом 16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор рассчитывает достичь своей работой двух целей.

С одной стороны помочь изучению опыта Мировой войны в затрагиваемой автором области, с тем чтобы все, подходящее к нашим условиям и задачам, использовать в нашей подготовительной к неизбежным в будущем войнам работе.

С другой стороны—автор держится того мнения, что значительные числом политические работники и командиры представляют себе политическую работу буржуазии, связанную с вопросами войны (до и во время ее), чрезвычайно упрощенной, прямолинейной и потому легко поддающейся нейтрализации и разоблачению нашей политической работой. Причина этого—в некритическом перенесении опыта гражданской войны 1917—1921 гг. на обстановку будущих войн. В задачу данной книги не входит разбор значительных политических особенностей, коими по сравнению с минувшей гражданской войной будет отличаться будущая война. Наличие этих особенностей бесспорно. Своей работой автор стремится на опыте Мировой войны помочь читателю приподнять завесу над обстановкой в предстоящих военных столкновениях и тем самым попытаться проанализировать, что мы должны ждать от наших будущих противников—буржуазных стран. Что каждый политический работник, партиец, комсомолец и активный советский гражданин должны быть подготовлены не только к политической работе в своей стране и армии, но и среди населения и в рядах армии противных стран,—сомнению не подлежит.

Необходимо сразу же оговориться о р а м к а х данной книги. Совершенно немыслимо было бы добиваться написать историю по затрагиваемому вопросу. Для этого необходимы и огромный срок и работа на месте, хотя бы в основных воевавших странах. Ни того, ни другого условия у автора налицо не было. Настоящие материалы в этом отношении явятся подготовительной работой для более глубоких исследований.

Автор же поставил перед собою более скромные задачи: п р о и л л ю с т р и р о в а т ь на наиболее характерных

(и доступных к использованию) материалах и документах **важнейшие принципы и методы**, которыми буржуазия пыталась разрешать стоящие перед ней задачи, вызванные войной. Приэтом автом главным образом базируется на двух сторонах, выбор которых вызван и положением этих стран в Мировую войну, как противников, и наибольшей доступностью материалов. Речь идет о **бывшей Российской империи** и (к сожалению, пока еще не «бывшей») **Германской «империи»**.

Эти рамки определили и характер изложения, принятый автором. Ограничиваясь кратким разбором основных принципов и методов буржуазного политического арсенала и основных проблем, разрешения которых требовала война, автор иллюстрирует высказываемое рядом документов и материалов. Последние снабжены краткими комментариями, помогающими понять эти документы.

Материалы, документы и библиографические сведения собраны автором из книг, журналов и газет как по русским источникам (переводным и оригинальным), так и по иностранным (главным образом—немецким). Таким образом часть материалов не является оригинальной. Эту часть материалов автор все же считал полезным привести в своем труде, так как, находясь разбросанными по разным книгам, лишь попутно затрагивающим интересующий автора вопрос, они (материалы) проходят мимо читателя.

Материалы из иностранных источников собраны главным образом в иностранном отделе Ленинградской публичной библиотеки и библиотеки Ленинградского отделения Государственного издательства.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Принципы буржуазной политработы.

Прежде всего следует уяснить себе, насколько полно определяет термин «обработка общественного мнения» содержание, вкладываемое в него. Мы остановились на этом термине потому, что он у нас имеет довольно широкое употребление и приблизительно выражает нужную мысль.

Но этот термин требует своего уточнения и оговорок.

Можем ли мы по отношению к своей работе—деятельности партии в массах, деятельности государства в области пропаганды коммунизма—применять это определение? Можем ли мы сказать, что в данной книге разбирается «обработка» «общественного мнения» буржуазией, но можно написать книгу и об «обработке» общественного мнения нашей партией или государственной властью? Нет, это было бы совершенным извращением действительной сущности нашей политической деятельности в массах, прежде всего по двум причинам.

У нас нет «сплошного», внеклассового общества, однородного, единого по своим интересам и идеологии. Следовательно, говорить об общественном мнении в нашей стране приходится с оговорками, имея ввиду в каждом конкретном случае единодушное мнение всех трудящихся классов или отдельных классов (рабочих, крестьян). Общественное мнение, т. е. единодушное отношение к какому-нибудь явлению, политической задаче в нашей стране есть отражение положения рабочего класса, как гегемона в стране, и крестьянства—как его союзника. Это—вопервых. Вовторых, уж никак неприменим термин «обработка» *к сущности* нашей политической деятельности в массах. Что собой представляет эта деятельность? Коммунистическая партия не из воздуха или из кабинета берет свои программу, тактику, практику и теорию революционной борьбы, социалистического строительства. Все это есть результат осознания, оформления объективного положения вещей—классовых интересов рабочих, крестьян, неизбежного и объективно заложенного в капиталистическом строе пути развития послед-

него к коммунизму. Задачей партии является—осознав исторически неизбежный ход развития человеческого общества, осознав классовые интересы и обобщив опыт революционного движения—суметь на практике строительства и пропагандой, своим примером и агитацией нести трудящимся коммунистическое просвещение, т е. сделать классовые интересы рабочего ясными и неоспоримыми для каждого отдельного рабочего, интересы крестьян—понятными каждому крестьянину.

Иначе говоря, политическая деятельность нашей партии и правительства базируется и совпадает с интересами рабочих, сделать которых классово наиболее сознательными и ставит себе целью партия, в частности, та часть ее политической деятельности, которую мы называем агитационно-пропагандистской работой, работой по коммунистическому просвещению, государственной пропагандой коммунизма.

В какой мере нуждается в уточнении разбираемый термин в отношении деятельности буржуазии? Правильно ли, что в буржуазном обществе есть или возможно единое общественное мнение? Конечно, нет. Разделенное на резко враждебные по своим интересам классы, буржуазное государство не может иметь единодушного мнения по вопросам политики. Но буржуазии до-зарезу нужно, и она добивается того, чтобы ее интересы, ее «мнение», т. е. отношение к той или иной политической задаче стало бы мнением всех классов. Так как этого не удается достичь, то буржуазия *подтасовывает* своим мнением мнение трудящихся. Всей своей системой политического воздействия на массы буржуазия стремится это осуществить.

Но вот слово «*обработка*» целиком выражает существо дела. Объективное расхождение своих интересов и эксплоатируемых классов буржуазия пытается замазать, обезвредить созданием выгодного ей субъективного понимания этими классами своих интересов. Для этого буржуазия и «обрабатывает», т. е. всяческими методами пытается усыпить классовое сознание, заменив его таким пониманием событий, своих интересов и долга, как это выгодно буржуазии.

Итак, избранный нами термин может быть применен только односторонне—*по отношению к буржуазии*, и то с приведенными выше оговорками.

Нелишне поставить и другой вопрос: *проводит ли* буржуазия политическую пропаганду, или, проще говоря, политическую работу, в частности в той области, которая является предметом нашего исследования?

Безусловно проводит. Если до Мировой войны это еще вызывало некоторые сомнения благодаря скрытому, завуалированному характеру этой работы, то практика этой работы в Мировую войну и особенно после нее рассеяла

всяческие сомнения. Стоит хотя бы для частного доказательства привести название трех немецких книг (Германия особенно богата такого рода литературой) послевоенного периода, чтобы увидеть, как спали с классовой политической работы буржуазии последние стыдливые покровы: в 1921 г. вышла книга «Пропаганда как орудие политики» д-ра Эдгара Штерн-Руберта, в 1924 г.—«Немецкая пропаганда» проф. И. Пленге, в 1926 г. (2-е издание)—«Искусство воздействия на массы в Соединенных штатах Америки» Ф. Шенемана. Характерен и пример издания английской книги такого рода, К. Стюарта «Тайны дома Крю». Книга эта раскрывает нам картину военно-политической работы английской буржуазии.

Но попутно с этим—более близкий к теме вопрос: вела ли буржуазия политическую работу, оторванную от общей, по подготовке своих стран к войне и задачам обороны?

Тут следует иметь ввиду самую классовую и экономическую природу войны, чтобы понять, каково отношение общей политической пропаганды буржуазии к специально «военной» пропаганде, т. е. пропаганде, готовящей население к войне.

Вот краткое определение Лениным сущности войны:

...«Война—не случайность, не «грех», а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» [1].

Буржуазия не разделяет на две стороны свою государственную пропаганду. Как «химически» выделяющаяся из капиталистического строя классовая борьба требует со стороны буржуазии колоссальных усилий, в том числе и пропагандистских, чтобы эту борьбу притупить, так и «химически» выделяемая капитализмом война требует тех же усилий. Пропаганда войны, подготовка к ней есть одна из составных частей всей пропагандистской, т. е. политической работы, обеспечивающей господство буржуазии.

Вывод отсюда: своеобразная политическая работа буржуазии во время войны заключается прежде всего в реализации тех достижений (покорность трудящихся, навязанная им идея «национальной» защиты и т. д.), которые являются результатом всей политической работы десятилетий мирного времени.

Это, конечно, не исключает того, что буржуазия в мирное время проводит ряд мероприятий, которые имеют непосредственной задачей подготовку к войне. Например, вос-

---

[1] В. И. Ленин, т. XIII (1-е изд.), стр. 16.

хваление офицеров, высших лиц армии, выпуск законов о пенсиях семьям убитых на фронте и т. д.

Все такие мероприятия, вообще укрепляя страну, одновременно рассчитаны на свой эффект во время войны.

Посмотрим, как определяют сами буржуазные деятели сущность своей политической работы. Как указывалось в предисловии, мы будем приводить «показания обвиняемого»— буржуазные высказывания, документы из их деятельности и т. д.

Штерн-Руберт в уже названной книге, разобрав деятельность ряда стран, говорит следующее:

«Кроме этих, отличающихся своей оживленной пропагандистской деятельностью государств, следовало бы упомянуть о России, но освещение советской пропаганды не входит в круг задач этой книги уже потому, что она является носительницей социальной, а не национальной идеи, и не может считаться политической пропагандой в принятом нами смысле. По этой же причине мы не рассматриваем ведущейся при помощи больших средств и богатой в последнее время успехами расовой пропаганды— например, работы высоко стоящих интеллектуально американских негров под лозунгом «Африка для африканцев...»

Тут автор выдает себя с головой. Он делит пропаганду на три категории: пропаганда социальной идеи, пропаганда национальной идеи, пропаганда расовой идеи.

Автор признает политической пропагандой только такую, которая преследует цели защиты буржуазных интересов, ибо только в этом смысле он употребляет слова «национальная идея». «Расовую идею», т. е., понашему, пропаганду действительно национально-освободительной борьбы порабощенных народов, в особенности Востока, автор обходит молчанием—это «не пропаганда». И наконец совсем страшной, а потому не подлежащей разбору является пропаганда «социальной идеи», ибо разбор такой пропаганды завел бы автора далеко,—ведь пришлось бы дать пояснение разницы «национальной», т. е. буржуазной пропаганды, притупляющей классовое сознание трудящихся, и социальной, т. е. пропаганды, разъясняющей классовое сознание.

Убогость автора замечательна! И не только данного автора. Всякий буржуа, говоря о пропаганде, мыслит ее исключительно в рамках буржуазных задач, сознательно суживая эти рамки, дабы не «запачкаться» о страшную область классового, коммунистического просвещения.

Но вот вам более откровенное определение пропаганды, которое мы находим в книге «За кулисами французской печати» (автор скрылся за тремя звездочками):

«Понятие пропаганды истолковывалось весьма различно. Английский министр Шорт утверждал, что распространение истинных фактов не является пропагандой. Американская газета «Unity» в одной передовице (15 декабря 1921 г.) заявила:

«Пропаганда—описательное выражение для лжи. Кто хочет вести пропаганду, должен уметь лгать. Нужна не правда, а правдоподобие».

Робер де-Жувенель в газете «Oeuvre» от 18 апреля 1922 г. характеризует Бюро пропаганды как «орган одурачивания». Все сходятся в том, что ложь и пропаганда связаны неразрывно».

Мы выше уже достаточно подробно излагали действительную классовую подоплеку буржуазной пропаганды. Ее задача—не из легких. Ведь буржуазия «прет» против истории, она вынуждена во имя собственного спасения «переделывать» неумолимый ход истории—потушить пожар классовой борьбы. Сделать это нелегко, и поэтому главный спутник, основной метод—ложь.

Это особенно становится ясно, если разобрать, какие задачи буржуазия выдвигает перед пропагандой и как она определяет последнюю.

Главная цель, конечно, «защита». Германия говорит, что она только защищается своей пропагандой от нападок на нее, бедную, других стран. Франция говорит, что ее пропаганда—только самозащита от всепроникающего германизма. Германия только защищается от царского деспотизма и абсолютизма; Франция, в союзе с русским царем-жандармом, только защищает свою «великую» демократию от деспотизма и абсолютизма немецких юнкеров. И очень редко вскользь и невольно проскочит прикрытое признание, что пропаганда имеет целью заставить все население страны объединиться вокруг одной идеи, одной задачи, вопреки классовой розни.

Тот же Штерн-Руберт, деля пропаганду на «морально допустимую» (т. е. помогающую и полезную буржуазии этой страны) и «морально недопустимую» (т. е. вредную для буржуазии этой страны), пишет следующее:

«Франция старается представить дело так, будто бы собственно политическая пропаганда военного времени стала проводиться в жизнь лишь для обороны от таковой же, угрожавшей со стороны Германии. Так, например, Бодрильяр (Baudrillart) в своей книге «Французская кампания» («Une campagne française») пишет, что Франция в первые месяцы войны должна была убедиться, насколько превзошла ее Германия в деле завоевания общественного мнения, как и в других областях, в подготовке войны словом, как и войны оружием. Германский генеральный штаб будто бы

охватил густой организованной сетью прессы и пропаганды с позолоченными петлями Италию, Испанию, балканские государства, Скандинавию, Голландию, Швейцарию и Северную и Южную Америку. Франция же, наоборот, будто бы слишком верила в правоту своего дела и в уверения о сохранении мира; она будто бы была немного беспечна, легкомысленна, робка и поэтому уступила поле действия своему противнику. Лишь теперь ее дети и союзники своими жалобами «представили положение вещей в его настоящем свете», и она уяснила себе, насколько насущно необходимо предпринять что-нибудь в противовес ложным известиям, недоброжелательным толкованиям и гнусной клевете, которые распространялись насчет Франции у нейтральных. Поэтому была создана организация (небезынтересно отметить: автор указывает, что это произошло еще в августе 1914 г.), которая должна была бороться с подпольной работой Германии. «Alliance pour la vulgarisation de la langue française» предложил свои услуги, и с его помощью уже 1 ноября 1914 г. вышел «Bulletin de guerre de l'alliance Française» («Военный бюллетень Французского союза»), который позже стал издаваться на десяти языках, а в 1917 г.—уже в количестве 200 000 экземпляров».

Вот такая пропаганда—«антиморальна».

И тут же, противореча себе, тот же автор говорит:

«Безукоризненно моральной является всякая форма положительной пропаганды, так как она служит прославлению собственных преимуществ и достижений, распространению собственных изделий и продуктов, установлению дружественных и полезных связей и вредит соперникам лишь постольку, поскольку они не могут противопоставить ей ничего равноценного; она ведется без намерения повредить другому... В области собственно политической пропаганды сюда относятся методы привлечения на свою сторону других, преимущественно малых или отсталых народов и т. д.».

Вот это—«морально».

Цели, которые буржуазия ставит перед своей пропагандой, ясны. Замечательны следующие слова, сказанные после войны по случаю открытия в одном из немецких научных институтов специальной кафедры по изучению пропаганды:

«Если мы с вами изучаем науку о пропаганде, мы это делаем не ради самой теории, а ради практических целей, причем речь идет не о мелких практических достижениях, а о величайших целях. Наивысшим устремлением при этом должно быть—в полном сознании правоты и справедливости нашего дела—желание усилить и укрепить духовную силу сопротивления Германии, так нуж-

ную ей во взаимоотношениях международных политических сил.

Основная мысль государственно-научного обновления и организационного социализма служила всегда указанием к тому, что мы должны работать, чтобы внутри (страны) притти к единству, а во вне завоевать идейное руководство.

В введении к вполне заслуженному труду д-ра Штерн-Руберта («Пропаганда как орудие политики») значится:

«Орудие, которым нас победили, орудие, которое осталось за нами, орудие, которое завоюет нам вновь подъем» [1].

Итак, из всего сказанного выше явствует, что центральной задачей политической пропаганды буржуазии является стремление добиться наиболее прочного гражданского мира, т. е. наибольшего притупления классовых противоречий, сведения на-нет классовой борьбы и разрешения этой борьбы и противоречий путем наименее опасным, наиболее выгодным для буржуазии—реформистским путем.

Эта задача—добиться гражданского мира в мирное время, реализовать достигнутое и еще больше укрепить его во время войны—имеет целью создать такую политическую базу, на которой можно строить армию, всю систему обороны страны (читай: интересов буржуазии этой страны), базу, на которую можно опираться во время войны.

Никакие частные мероприятия (восхваления героев, почести убитым, пенсии вдовам, ложь оперативных сводок) не помогали бы, если бы эта база—в лице гражданского мира—дала трещину, развалилась бы. Пример России перед всеми на виду. Стоило появиться первым признакам революции, которая означала, что рабочим и крестьянам надоели соглашательство и примирение с буржуазией на платформе «защиты родины» и кошельков капиталистов, как считавшиеся самодовлеющими, чуть ли не «гипнотизирующими» золотые погоны, георгиевские крестики, портреты царя и полководцев, авторитет офицеров—оказались побрякушками и пустышками.

Гражданский мир—стержень всей пропаганды, и вокруг него строилась в частности вся система пропаганды подготовки войны и обработки населения во время войны.

В дальнейшем, разбирая методы, средства и «приводные ремни» буржуазной пропаганды, надо иметь ввиду, что сплошняком все буржуазные страны брать нельзя. В основном воевавшие страны можно разделить на три группы: страны с закончившейся буржуазной революцией, достигшие зрелой буржуазной демократии (Фран-

[1] **Проф. Пленге, Немецкая пропаганда.**

ция, Англия, Соединенные штаты Северной Америки); крупнокапиталистические страны с пережитками феодализма (Германия, Австрия); и наконец капиталистические страны, в которых еще не закончилась борьба за власть двух сил—феодалов-помещиков и промышленников-капиталистов (Россия).

Примерно по этим трем группам можно различать и особенности политической пропаганды воевавших стран. В первых мы видим перенесение центра тяжести пропаганды на «демократические» основы,—застрельщиками пропаганды являются партии, общественные организации, профессиональные союзы, «свободная» печать,—иначе говоря, имеется налицо сращение государственной и общественной пропаганды. Во второй группе стран мы видим характерные колебания, боязнь: попытка удержать и непосредственно проводить пропаганду в формах государственных, понимание ценности пропаганды в общественных формах и в то же время боязнь их и т. д. И наконец в третьей группе стран—продолжение довольно резкого водораздела между государственной пропагандой и общественными формами ее.

Естественно, что такое положение давало значительное преимущество первой группе стран.

В соответствии с только что приведенной дифференциацией стран, буржуазия вышла на войну в основном с подготовленными и идущими за нею массами.

Масштаб, размах войны перегнал предвидение буржуазии. Буржуазия рассчитывала почти исключительно на реализацию накопленного до войны политического капитала. Жизнь, невиданные доселе масштабы войны поставили перед буржуазией новые политические и организационные задачи. Сращение фронта и тыла—вот основное, что заставило многое из организационных предположений пересмотреть, дополнить.

Возьмем такой вопрос, как массовое выбытие раненых, убитых, больных, пленных. В одной только России насчитывается таковых 9 млн. человек. Если считать, что в среднем на каждую из этих жертв буржуазных зверств падает около 4—5 человек родных и ближайших родственников, то мы получаем грандиозное число—от 45 до 50 млн. человек, т. е. 30—40% жителей России, затронутых войной с самой ее тяжелой, дезорганизующей и ломающей привычные основы жизни стороны. Колоссальная проблема для буржуазии—в этой обстановке удержаться самой, сохранить страну единой, боеспособной.

Возьмите вопрос о колоссальных потребностях, предъявленных войной к укомплектованию офицерского корпуса. Колоссально трудная проблема для буржуазии—сохранить за собою офицерский корпус, расслабленный и разведен-

ный в своей классовой монолитности другими классовыми элементами.

Возьмите наконец вопрос о настоятельной необходимости срочно добиться единства политического руководства в области пропаганды и печати.

Ко всем этим задачам буржуазия была слабо подготовлена, война потребовала дополнительных мероприятий, в перестройке и пригонке буржуазной системы политического руководства страной к особенностям и новым условиям новой и невиданной войны.

Вот несколько высказываний буржуазных деятелей.

Россия оказалась наиболее слабой, мало подготовленной к трудным политическим задачам войны:

«Грандиозный масштаб надвигавшейся войны и современные условия ведения таковой, требующие индивидуального развития и сознательного отношения от каждого бойца и тылового работника, не должны были оставлять сомнений в необходимости глубокой и притом заблаговременной перестройки всего внутреннего уклада русской жизни, с тем, чтобы в необходимый момент явилась возможность вызвать полное напряжение всех народных сил и средств, без которых шансы на победу не могли быть значительными.

Россия, к прискорбию, в этом коренном вопросе пошла по пути непримиримого противоречия. Изменив решительно всю внешнюю политику, ее *правительство проявляло колебания в отказе от старых внутренних распорядков*. И в этом противоречии—трагический зародыш военных неуспехов нашей родины.

С открытием военных действий в России не удалось создать «психологии» большой войны» [1].

Другое указание мы находим у немцев (в соответствии с особенностями своей страны).

«Все, что война потребовала, наука изобретала, техника осуществляла, а организация превращала в годный для боевых условий вид.

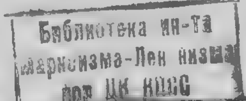
Чрезвычайно интересно, что и для духовной жизни армии предыдущее положение вполне подходит. Ибо и в этом отношении война предъявляла свои требования, наука изобретала, техника осуществляла, а организация придавала всему жизненный и готовый к боевой обстановке вид.

Никогда до этих пор война не ставила столько требований к заботам и удовлетворению духовной жизни, как в этой войне.

Уже то обстоятельство, что к экономической блокаде прибавилась и блокада духовная, которая устраняла все,

---

[1] Ю. Н. Данилов, Россия в Мировой войне. 1914—1915 гг. Издание зарубежной белой печати.

могущее вызвать подъем в немецком народе, и проникала своим ядом через границы тем, что угнетало этот народ,— отличает ту атмосферу, в которой пришлось жить и бороться, голодать и умирать» [1].

Все новые и новые задачи и трудности несла за собою война, ее размах, ее затяжной характер.

«В мобилизационной подготовке вопросы заботы о духовной жизни не имелись ввиду; только поверхностно задевали эти вопросы, предоставляя их частной инициативе, духовенству и Красному кресту.

Думалось, что переживания войны так наполнят жизнь части, что товарищеское чувство, воспитанное в мирное время, так действенно, что кроме устройства чайных, иногда маленьких празднеств, поддержки безобидных полевых газет, ничего не понадобится.

Но, как и в любой области, Мировая война и в области духовной жизни выдвинула ряд новых понятий, новых мероприятий...

Война превзошла ожидания и затянулась против бурного воодушевления первых месяцев. Из короткого переживания получилось длительное пребывание на чужбине. Фронты были отдалены от родины, они застыли в нервирующей позиционной войне...» [2].

Офицерство ухудшалось качественно, что вызывало осложнения политического порядка.

«Офицеры запаса стали в большинстве случаев командирами батальонов.

По этой причине лейтенанты военного времени («Kriegsleutenants») стали в теснейшую связь с солдатским составом в качестве командиров рот. Им недоставало той вышколенности, которую давала замкнутость офицерского корпуса, а поэтому они целиком зависели от своих фельдфебелей. Между командирами рот и солдатами выдвинулся слой тех, которые почему-либо не стали офицерами. Они стали доверенными и советчиками своих товарищей, иногда оказывая хорошее влияние, но иногда и плохое, во всяком случае отняли у офицеров часть того доверия (своих солдат), «которое является первым условием настоящего товарищества» [3].

Мировая война показала, что почти нет ни одного технического вопроса, который не играл бы и политическую роль. И это заставило искать новых путей и новых проводников своей пропаганды.

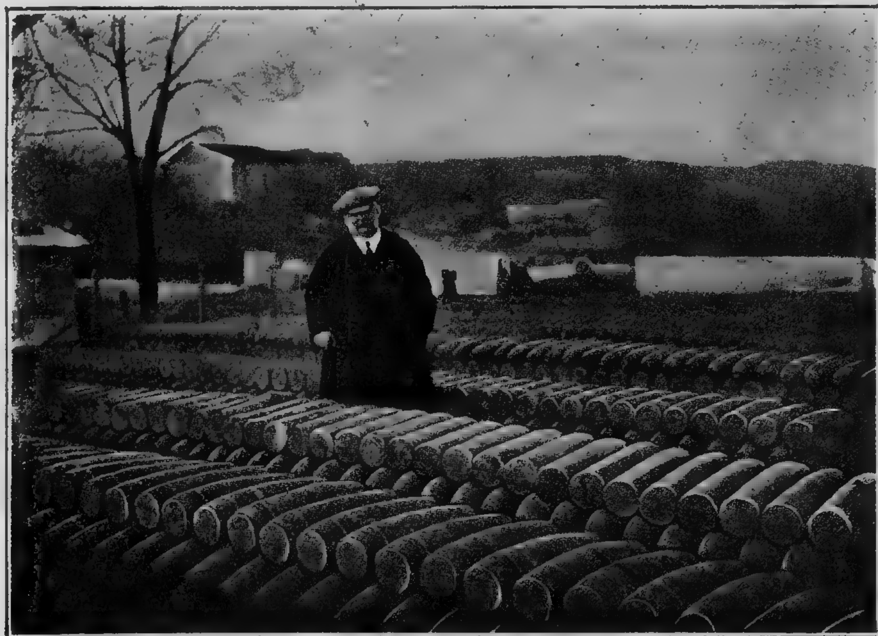
Зачастую у нас полагают, что богатый опыт методики массовой работы, распространения печатных произведений,

[1] М. Шварте, Большая война, т. X (на нем. яз.).

[2] Там же.

[3] Там же.

привлечения разнообразных организаций, обществ, слоев населения и т. д. в качестве проводников нашей пропаганды—есть отличительная черта нашей политической работы. Мы считаем правильным и полезным утверждение, что буржуазия не менее богата этим опытом и что не в одном разнообразии методов и средств надо искать отличие нашей работы от буржуазной. Разбрасывание листовок с аэропланов, распространение открыток,

Типичная иллюстрация в журналах военного времени.—„Пушек! Снарядов! Г-н Шарль Гумбер — при посещении склада снарядов". (Из французского журнала.)

приказов среди солдат противной стороны, бешеный темп работы прессы, театров, кино и т. д.,—все это области, которые технически и методически буржуазия осуществляла если не лучше, то и не хуже нас.

Наше преимущество в другом—в политическом, классовом содержании нашей работы, в совпадении пропагандируемого нами с интересами масс, среди которых мы ведем пропаганду. Другое преимущество—в массовом характере нашей партии, в частности в лице политбойцов в армии. Буржуазия же вынуждена, наоборот, насаждать своих аген-

2*

тов—для борьбы с массами—внутри масс (напр. в лице фашистов).

Разберем «проводников» пропаганды буржуазии. Мы в своей книжке остановимся на следующих из них: государственный аппарат, социалистические партии, печать, наука и школа, искусство, общественные организации, церкви.

В каждой из соответствующих глав мы даем характеристику деятельности каждого «проводника». Здесь остановимся лишь на общем для всех этих «проводников». Чем более законченной и зрелой является в той или иной стране буржуазная демократия, тем теснее замыкается круг, тем сильнее переплетение каждого из этих «носителей пропаганды» с государственным аппаратом. Последний—лишь ведущее колесо. Последний—лишь организатор всей машины государственной пропаганды капитализма. Нельзя не выделить из всех «носителей» пропаганды социалистические партии.

«Как дошла она до жизни такой?» Ответ на это мы находим во всей подробной и богатой по этому вопросу литературе, прежде всего—у Ленина, разоблачающего и показывающего корни измены, корни тех ползучих ветвей, которые выросли резко направо и сплелись с государственными аппаратами, с буржуазным строем.

Буржуазная пропаганда тем и сильна, что она действует (и всегда предпочитает действовать) не открыто под своим флагом, а под флагом «социализма», под флагом частной прессы, «свободной», немножечко (в меру, отпущенную красно-синим карандашом цензора и разрешенную капиталистом-издателем) оппозиционной и либеральной, под флагом «чистой» науки, «чистого» искусства, «автономной» школы (особенно высшей!), под флагом ну совсем-совсем свободных общественных организаций, наконец под флагом совсем независимой, безгрешной, только с богом и его канцелярией считающейся церкви.

Война и ее требования не случайно толкнули буржуазию на искание таких *форм* руководства всей политической пропагандой в стране, которые обеспечивали бы возможность идейного организационного руководства и полного использования указанных каналов пропаганды. Недаром после войны идет дальнейшее искание форм этого руководства.

Естественно, что (при наличии такой разветвленной сети агентов) остановки за разнообразием методов воздействия на массы не было. Каждый из этих агентов действовал своими методами, своими средствами.

Вот как описывает Штерн-Руберт основные методы пропаганды.

«На первом месте стоят лозунги, которые легко автоматически распространяются все дальше и благодаря многократному повторению запоминаются массами как аксиомы.

Далее—символы, которые становятся национальными, как признак известного политического движения и, в связи с другими средствами воздействия, вербуют делу сторонников. Важное значение имеет также создание специальной литературы, которая, будучи широко распространена, заставляет целые народы свыкаться с желаемым внушением об опасности данного положения, о необходимости переворота и т. д. Тем же служит—и на объекты менее просвещенные действует еще сильнее—музыка, которая звуками, ритмом и словами определенных песен вызывает одушевление у народных масс и подготовляет к восприятию лозунгов их руководителей данного момента. Далее хорошо действующим средством является распространение сказок и басен, рассчитанных на веру и суеверие; под ту же рубрику можно подвести ловко выбранные обозначения для существенных—с точки зрения поставленной цели—событий, искусственное создание мучеников, национальных святых и т. д. Для большей полноты этого перечня необходимо упомянуть о наиболее часто употребляющихся и потому быть может самых беззастенчивых средствах явной пропаганды: распространении брошюр, листовок, стенных плакатов и т. д. Наконец не следует забывать о новом, но тем более действительном средстве—кино».

Несмотря на разнообразие методов, содержание пропагандистской деятельности всех органов и организаций было единое. Все стремились к одному: в своей стране обеспечить гражданский мир, т. е. сделать тыл и фронт боеспособными, вызвать разлад и дезорганизацию в стране противника, т. е. ослабить его фронт.

Государственный аппарат доказывал, что страна наша едина, цели ее в войне едины, интересы у всех слоев населения—одни. Отсюда—необходимость защиты страны.

Социал-шовинисты доказывали, что для победы социализма и устранения капитализма необходимо... поддерживать войну и ведущую ее буржуазию, чтобы сохранить от противника свои социалистические завоевания. Отсюда—необходимость защиты страны. Путь к этому—«временный отказ от классовой борьбы».

Научные деятели, художники, писатели и т. д. доказывали, что только «наша страна» культурна, что для сохранения этой культуры от врагов-варваров войну надо поддерживать. Отсюда—необходимость защиты страны.

Церкви доказывали, что только их религия верная, что эта война священная, что умереть за родину—лучшее

дело в жизни человека. Отсюда—необходимость защиты страны.

Наконец общественные организации, прежде всего— профсоюзы, доказывали, что их профессиональные интересы выиграют, если поддерживать войну. Отсюда—необходимость защиты страны.

И все сходились на том, что «на нас» напали, «мы»— страдающая сторона.

А печать своими методами в миллионах листков, газет, брошюр изо дня в день отравляла сознание масс, размягчая их волю, толкая их в жерло войны.

Вот полушутливый «реестрик» нехитрых методов одурачивания буржуазией своих «верноподданных».

«В международном органе пацифистов» La voix de l'Humanité («Голос человечности») от 5 января 1916 г. мы находим следующую, не лишенную остроумия табличку.

Каждое воюющее государство утверждает:

1) что оно ведет оборонительную войну и борется за справедливое дело;

2) что оно ведет борьбу за свободу и цивилизацию всех народов;

3) что оно добивается только прочного мира;

4) что оно напряжет все силы и будет бороться, пока противник не будет окончательно низвергнут;

5) что в его окончательной победе не может быть никакого сомнения;

6) что оно всегда победоносно идет вперед и несет только незначительные потери;

7) что бомбы его летчиков попадают только в военные учреждения противников и всегда с большим успехом;

8) что его летчики и его артиллерия гораздо лучше летчиков и артиллерии противников;

9) что оно как раз теперь подготовляет крупные предприятия, которые сулят несомненный успех;

10) что великий бог на его стороне.

Каждое воюющее государство утверждает:

1) что противник хотел войны и давно подготовил ее;

2) что противник первый начал войну и напал на «нас»;

3) что противник ведет завоевательную войну и хочет властвовать над миром;

4) что противник топчет ногами международное право;

5) что противник попрал нейтралитет ряда маленьких государств и угрожает нейтралитету других мелких государств;

6) что противник ведет войну варварскими приемами;

7) что противник употребляет пули «дум-дум»;

8) что противник злоупотребляет красным крестом;

9) что противник калечит пленных;

10) что противник насилует женщин, грабит и убивает;

11) что военные суды противника—сплошное надругательство над законом;

12) что противник убивает или издевается над пленными;

13) что противник бросает бомбы на незащищенные города, убивает женщин и детей, но никогда не причиняет «нам» этим военного ущерба;

14) что нападение противника всегда подавляется в зародыше или отбивается с огромными потерями для врага;

15) что противник употребляет газовые бомбы;

16) что противник является пиратом;

17) что противник вредит нейтральной торговле;

18) что информация противника—сплошь ложь и клевета;

19) что противник обрабатывает нейтральных посредством лжи, угроз и подкупа;

20) что противник загоняет в войну оставшиеся до сих пор нейтральными государства—к глубокому несчастью для последних;

21) что противник страдает от недостатка денег, дороговизны, промышленного застоя;

22) что военные займы противника терпят фиаско и реализуются только посредством обмана;

23) что у противника свирепствуют разные эпидемии;

24) что у противника происходят стачки и внутренние нелады;

25) что у противника меняются министры и генералы;

26) что противник больше не в силах воевать» [1].

«Можно бы еще увеличить этот список. Если бы широкая народная масса читала газеты всех стран, она увидела бы, что правящие классы всюду говорят одно и то же, она убедилась бы, что буржуазия решительно везде прибегает к одному и тому же методу для обмана «своего народа», к одной и той же «технике». Но народная масса в каждой стране читает—если читает—только печать «своей» буржуазии и «своих» социал-шовинистов, повторяющих премудрость своей отечественной буржуазии. И, таким образом, одни и те же доводы, одна и та же «хитрая механика» действуют во всех воюющих странах. Буржуазным и социал-шовинистским писакам остается только поставить название одного отечества вместо названия другого отечества, написать слово Германия вместо слова Россия—и дело в шляпе».

---

[1] „La voix de l'Humanité", № 58, 1916. В комитете этого издания участвовал ряд видных политических деятелей Франции, Германии и других стран. Взято из VIII т. сочинений Г. Зиновьева, стр. 206—208.

Кстати говоря, эта ложь является системой не только одурачивания масс, но, развращая самые государственные аппараты, становится второй природой их деятельности:

«Какая везде и во всем стройная система лжи. И как она постигается в самом центре—в штабах больших единиц. Все, положительно все основано на лжи. Лжет начальник отряда, когда доносит, что с боем взял такой-то населенный пункт,—он был очищен неприятелем еще за двое суток раньше и взят без всякого сопротивления, а стреляли только для вида, чтобы написать об этом и не получить подвоха от артиллерии... Лжет генерал, когда сообщает о подвиге в своем присутствии рядового Иванова, беззаветно храбро бросившегося в немецкий окоп и там заколовшего с десяток немцев,—генерал не был на месте, но тонкое указание на свое присутствие на передовых позициях уже гарантирует ему боевую награду, как находившемуся у окопов неприятеля... Лжет захвативший 1 000 пленных, а фактически сдавший всего 500,—500 недостающих не были и взяты, а показываются как убитые во время сражений при неизбежной суматохе... Лжет тот, кто трижды втечение двух суток сообщает о постепенном взятии такой-то позиции, желая этим обратить внимание на трудность своего положения и на свою решимость и твердость,—позиция была взята сразу, хотя, может быть, и не без некоторого сопротивления... Лжет тот строевой начальник, который представляет штабного офицера за отличие при передаче приказания или при выработке плана атаки,—надо помочь штабному, чтобы заручиться его помощью по проведению своей собственной награды... Словом все систематически врут... И все это знают, многие осуждают, некоторые смеются—и сами врут... Нескончаемая цепь лжи и подлости. Не врет только рядовой Иванов,—тот делает свое дело молча и никому не доносит о своих подвигах, а они громадны, сказочны, потрясающе безумны в этом хаосе неустройства, голода, босоножия, болезней» [1].

Для того чтобы показать пример «политического обеспечения» военных задач через пропаганду и ее агентов, возьмем наиболее сложную и ответственную задачу—проведение мобилизации.

Мобилизация—это кризис и экзамен для государства. Провести благополучно страну через мобилизацию—это уже полдела для получения боеспособного фронта и тыла.

Вот почему во время мобилизации весь пропагандистский нагнетательный аппарат развертывается для работы

[1] Демке, 250 дней в царской ставке.

по оглушению масс треском и потоком патриотических кликов.

Буржуазия поистине может похвалиться перед историей, что она достигла в момент мобилизации 1914 г. грандиозных успехов. Буржуазная административная и политическая машина, перемалывавшая десятилетиями умы непокорных «подданных», полностью оправдала надежды своего господина. Замолкли и потонули голоса классовых противников буржуазии, массы подставили покорно свои шеи для военного ярма.

Чтобы понять, чего достигла и к чему сознательно стремилась и готовилась буржуазия, приведем несколько иллюстраций, каковым было настроение населения под гипнозом буржуазных лозунгов об «освободительной», «национальной», «последней» и т. д. войне.

Следует, конечно, предупредить, что это настроение действительно рабски покорного следования за буржуазией не только подготовлялось, но и в самый момент мобилизации подогревалось, подхлестывалось, а часто и организовывалось попечением буржуазии. Преувеличенные и выдуманные сообщения в газетах, слухи, пускаемые из кабинетов полиции и других государственных учреждений, наконец организация «своими людьми» ряда манифестаций, «патриотических» актов и т. д.,—все это усиливало само по себе колоссальное патриотическое опьянение населения. И действительно, это опьянение было колоссальных масштабов. С объявлением мобилизации заработала машина, винт которой работой многих лет туго закручивался буржуазией. Вопрос другой, что диалектически этот винт там и сям в конце концов оказался перекрученным и что эта машина не во всех частях буржуазного мира имела достаточно длительную зарядку энергии. Колеса здесь задвигались в другом направлении.

Вот основные иллюстрации настроения «умов». Лучше всего вырисовывается это настроение из замечательного по содержанию и стилю приказа, которым был вынужден разразиться в первые дни мобилизации директор полиции в Штуттгарте:

«Полицейские! Население начинает сходить с ума. Улицы переполнены старыми бабами обоего пола, ведущими себя совершенно недостойно. Каждый считает своего соседа русским или французским шпионом, полагает своей обязанностью или избить до крови как его, так и полицейского, вступавшегося за него, или же, собрав огромную толпу, передать его полиции. Облака принимаются за аэропланы, звезды—за дирижабли, велосипедные рули—за бомбы. Распространяются слухи, что телефонные и телеграфные провода в Штуттгарте будто бы разрезаны, что мосты

будто бы взорваны, что шпионы будто бы расстреляны на основании осадного положения и что колодцы отравлены. Совершенно невозможно предвидеть, до чего все это дойдет, если наступят на самом деле трудные времена. До сих пор установлено, что решительно ничего подобного не имело места. Тем не менее можно думать, что мы находимся в сумасшедшем доме, а между тем каждый, ежели он не трус и не бездельник, должен бы был спокойно заниматься своими обязанностями, так как время сейчас на самом деле серьезное. Полицейские, не теряйте и дальше самообладания. Будьте мужчинами, а не бабами. Не давайте себя запугать, держите ухо востро, выполняйте ваш долг!»[1]

Патриотическое настроение выгоняло население на улицу, ибо оно жаждало действий, массовых действий, сознательно, а чаще бессознательно демонстрируя единение «своего» народа.

Вот как в соответствующих тонах и сгущениях красок повествует об этом хроника немецких газет.

«Вена. 25 июля. Когда журналисты вышли из министерства иностранных дел и сообщили массам улицы, которые их осаждали, что сношения с Сербией прерваны, поднялось невероятное ликование, которое перекинулось через тысячи уст на другие улицы центра города. Вот массы уже шествуют в строгих рядах к министерству. Везде поют народный гимн и «Принц Евгений». Колонны, встречая офицеров, бурно приветствуют их.

Шествия тянутся до поздней ночи»[2].

«25 июля. Перед русским посольством состоялись ночью, в первом часу, массовые собрания. Толпа улюлюкала и свистела, раздавались многочисленные крики: «Долой Россию!», «Да здравствует Австрия!», «Долой Сербию!» и т. д.»[3].

Настроение росло, наиболее активные элементы не удовлетворялись пением, шествием, овациями офицерам. Руки чесались, особенно у тех, кто имел в кармане «белый» билет, освобождающий от военной службы, или тех, для кого война была профессией.

Начались погромы. Печать о них передает не без плохо замаскированного сочувствия.

«В Мюнхене 26 июня толпа разгромила «Кафе Фариг». Гости, которые там пели патриотические песни, во втором часу ночи обратили внимание на крупный спор между сыном владельца и дирижером оркестра. Через ко-

---

1 Рихард Мюллер, Мировая война и германская революция.
2 „Dresdener Neueste Nachrichten", 26 июля 1914 г.
3 „Berliner Tageblatt", 26 июля 1914 г.

роткое время один из гостей сообщил, что хозяин запрещает дирижеру играть патриотические песни и предлагает поэтому покинуть заведение...

Чашки полетели на пол, и вскоре вся посуда последовала за ними. Столы и стулья были опрокинуты, и в скором времени все кафе было разгромлено. Уже к трем часам утра одно из громадных окон было разбито, а через четверть часа не осталось ни одного целого окна...» [1].

«В Петербурге воодушевление, охватившее народную толпу, в конце концов вылилось в уродливую форму. 4 августа вечером произошел разгром германского посольства. Я лично был свидетелем этой глубоко безобразной картины, в которой развернулись дикие и опасные инстинкты толпы. Тюремного вида здание германского посольства горело внутри, а металлических истуканов-тевтонов, долженствовавших, по мысли немецких архитекторов, украшать фасад, топили по соседству в Мойке. Полиция бездействовала, видимо, боясь заслужить упрек в отсутствии патриотизма. Говорили об убийстве какого-то старика-немца, которого толпа обвинила в шпионстве...» [2].

Характер массового психоза приняла повсеместная ловля шпионов, передача слухов об отравлениях воды и т. д. Приэтом население доходило до невероятных в обычной обстановке глупостей. А верная буржуазии печать подливала масла в огонь и расширяла толпы обезумевших шпиономанов.

«Следующая статистика, приводимая в «Моргенпост», дает характерную картину той лихорадочной нервозности, которою последние дни были охвачены все слои берлинского населения: «Вчера после полудня между двумя и четырьмя часами наша редакция была тридцать семь раз частными лицами запрошена по телефону. Запросы гласили: одиннадцать раз—правда ли, что король Петр убит; семь раз—правда ли, что посол в Белграде убит; шесть раз—правда ли, что немецкие корпуса на восточной границе получили приказ о мобилизации; пять раз—правда ли, что русский посол в Берлине уже уехал; четыре раза—правда ли, что русский царь убит» и т. д. [3].

«Берлин. 4 августа. В казарме телеграфного батальона в Трептове вчера был задержан русский торговец яиц. Субъект пришел в казарму, уверяя, что батальон заказал ему яиц. Так как никто об этом не знал, его отослали обратно. Но так как он настаивал на своем, то подвергли его

---

[1] „Vossische Zeitung“, 27 июля 1914 г.

[2] Ю. Данилов, Россия в Мировой войне. 1914—15 гг.

[3] „Dresdener Neueste Nachrichten“, 30 июля 1914 г.

ящик более близкому рассмотрению и нашли в нем бомбы (?!). Русский был немедленно передан военным властям» [1].

Из другой газеты:

«Ужасное известие охватило вдруг весь город в понедельник 3 августа: будто бы вода Мангфалла отравлена русскими шпионами и каждому грозит смерть, кто попробует холодную воду из водопровода или употребит в какое-нибудь кушанье эту воду».

(Дальше идет описание паники в домах; слухи о массовых отравлениях; боязнь жителей притронуться к воде, несмотря на исключительную жару в эти дни; вскоре толпа из домов вылилась на улицу, и город казался сумасшедшим. Слухи ширились—говорилось о холерных и тифозных бациллах в воде. Все сходились на одном: отравление воды—первая «ласточка» методов борьбы русских варваров и т. д., и т. п.)

Чего приходится ждать в будущем? В ответ на этот вопрос можно ограничиться следующими положениями.

Первое. Буржуазия не только лихорадочно вооружается и улучшает свои армии под углом зрения учета опыта Мировой войны и задач будущих войн, но одновременно готовится во-всю политически—и мероприятиями в мирное время, и организационной подготовкой. Вот ряд примеров.

Французский генерал Серриньи пишет в своей книжке [2] следующее:

«Все то, что оказалось недостаточным вчера, должно быть восполнено в ближайшем будущем, и единственное средство заключается в том, чтобы, вместо многих маленьких независимых органов, которые нам уже известны, учредить один огромный аппарат, снабженный всеми необходимыми органами, предназначенными для осведомления страны обо всем. Во главе его должно стать лицо, способное быстро схватывать сущность вопроса и выводить из него заключение, лицо, прекрасно знакомое с работой скрытых пружин, двигающих массами, но вместе с тем и не стремящееся к удовлетворению личного честолюбия. Не следует выбирать для этой цели ни литератора, ни политика, но именно человека дела. Этот организм должен представить собою в полном смысле слова министерство патриотического действия; оно получит задачу руководить

[1] „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", 5 августа 1914 г.

[2] Серриньи, Размышления о военном искусстве, Л. Военное изд., 1924.

общественными настроениями страны и в одинаковой мере выполнит роль как осведомителя нашей прессы, так равно и цензора ее. Из глубин этого организма станут периодически рассылаться директивы на адрес префектов, по-

Французский художественный плакат:—„Сражение под Верденом, армия кайзера возвращается в Германию". (Горы трупов.)

слов и глав миссий, которые все, в общей сложности, будут иметь в своем распоряжении подобный же орган с задачей проведения пропаганды. Он возьмет на себя труд—при содействии удачно выбранных иностранных корреспон-

дентов и путем посылки в нейтральные страны представителей с известными данными характера и происхождения— создать настроения в духе наших интересов.

Эта в полном смысле слова фабрика, охватывая все стороны национальной деятельности и опираясь на все министерства, получит свое определенное место бок-о-бок с премьер-министром, уполномоченным руководить общей политикой страны [1].

Это учреждение будет находиться в перманентных сношениях со всеми министерствами. Оно станет действовать в условиях абсолютной общности идей с главнокомандующим—единственным человеком, способным судить с военной точки зрения о том, что следует сказать и в какой форме это можно преподнести общественному мнению. Огромная сила общественного мнения не будет игнорироваться тем лицом, которое имеет перед собой задачу поставить на ноги все живые силы страны. Обязанность всегда поддерживать тесное общение с новым организмом ляжет на личную канцелярию главнокомандующего. На ее же долю выпадет весьма деликатная задача осведомлять весь свет о ходе военных событий».

Штерн-Руберт пишет следующее, оценивая ошибки во время войны и намечая новые задачи:

«Мы предлагаем исходить из следующих основных пунктов: строжайшее объединение всей пропагандистской работы под общим верховным руководством, уничтожение всех официальных и полуофициальных второстепенных учреждений или каким бы то ни было образом субсидируемых частных организаций. Проведение тесной согласованности с политическими целями правительства, причем следует иметь ввиду заграницу, не забывая, что собственная страна останется почвой пропаганды.

Полная независимость правительственного учреждения, ведающего пропагандой, от средних и низших властей.

Верховное руководство должно обладать не только положительными, но и отрицательными правами в отношении вновь создавшихся или восстанавливаемых учреждений: оно должно следить за всеми учреждениями и организациями политико-пропагандистского характера и иметь право veto [2] по отношению

---

[1] «Во время последней войны секция информации, секция пропаганды, цензуры и дворец печати, которые выполняли в некотором роде обязанности будущего министерства «патриотического действия», работали весьма часто впустую, правду говоря, именно потому, что им недоставало соответствующей регламентации, в особенности в области военных вопросов. Впрочем, не всегда это была их вина». Прим. Серриньи.

[2] Право veto—право запрещения.

тех из них, которые в своей деятельности намеренно или ненамеренно уклоняются от линии, установленной имперским правительством»[1].

Для изыскания наиболее точных организационных форм идет исследовательская работа, в которую втягиваются все интеллектуальные силы страны, отпускаются средства государственные и «частные». Выпускается литература, оценивающая опыт Мировой войны, особенно по вопросам печати (например английская книга Стюарта, «Тайны дома Крю»—о пропаганде Нортклифа), по общим вопросам пропаганды (Пленге, «Немецкая пропаганда»), выпускаются сборники документов, плакатов, пишутся истории войны и в части «духовной борьбы» и т. д. И эта работа, естественно, окрашена в «защитный» цвет, т. е. уже сейчас внушает мысль, что вся эта работа—в целях обеспечения своей национальной «защиты».

«Я испытываю особое удовольствие, открывая здесь сегодня ряд докладов о пропаганде и обосновывая учение о пропаганде как практическое общественное учение. Мы начинаем эти доклады в сознании, что пропаганда была во время Мировой войны сильнейшим оружием в руках наших противников и что сейчас дело идет о том, чтобы немецкое политическое воспитание и в этой части улучшить и построить.

Побуждение к постановке этих докладов исходит из деятельности человека, который во время Мировой войны выступил с наилучшими аргументами за организацию немецкой пропаганды и сам содействовал борьбе духовным оружием за нас за границей...

Многие из вас уже знают, что г. Розелиус для проработки практического учения о пропаганде предоставил в распоряжение Государственного научного института на первых порах 30 000 марок на обзаведение, затем капитал в 250 000 марок и наконец—по 20 000 марок в год впродолжении пяти лет на оплату помощников, ассистентов и т. п.»[2].

Но буржуазия не ограничивается только литературными произведениями. Мы имеем следующие факты подготовки:

английский закон о профсоюзах;

французский закон о национальной защите;

повсеместная политика репрессий и физического истребления коммунистов.

К следующей войне буржуазия готовится быть политически и организационно сильнее, чем в Мировую войну 1914—1918 гг.

---

[1] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.

[2] Пленге, Немецкая пропаганда.

Второе. Главнейшим каналом воздействия на массы, больше еще, чем в прошлой войне, будет являться социал-демократия. Последняя далеко шагнула с 1914 г. по пути сращивания с буржуазией. Показателем этого является вся практика ее «военной» деятельности сейчас, в так называемое мирное время. Участие в вооружении, укреплении своих армий, полное оправдание и активная поддержка внешней и внутренней политики своих правительств—показатель того, что в случае войны, уже без колебаний и угрызений совести 1914 г., «соци» всех стран будут полностью поддерживать свою буржуазию, используя все, чтобы еще раз повести за собою обманутые массы. «Социалистический» желто-розовый флаг—сильнейшее орудие и средство политики буржуазии.

И горе тем товарищам, которые ждут в будущей войне оголенно-буржуазную пропаганду, которую-де легко будет разоблачить.

Глупости Врангелей и Деникиных канули в вечность. Как действовали эти «политики», прошедшие политическую школу в своих имениях, курилках кадетских корпусов и публичных домах, именуемых «высшим светом»?

Вот образчик. Врангель, после неудач своих предшественников, дерзнул выступить в «демократическом облачении». Он решил взять быка за рога и осуществить земельную реформу. Провести последнюю он поручает графам и князьям. А в проекте закона говорится о выкупе, о «хозяине» русской земли. Крестьянство бывшей Таврии не поверило ему ни на грош. Вот что пишет непосредственный свидетель:

«Проведение в жизнь этого закона, утвержденного бароном Врангелем, затем одним из богатейших помещиков Днепровского уезда Таврической губернии Иваненко, возлагалось на другое сиятельное лицо, тоже местного помещика—графа Татищева; в районе же, который потом заняла армия, перешедшая в наступление, возлагалось на графа Гендрикова. Такой букет титулованных особ не мог вселить доверия в крестьян и не мог убедить их, что этот закон—не простая приманка» [1].

Так глупо и откровенно западноевропейская буржуазия действовать не будет. За нее ловить трудящихся на удочку будет социал-демократия.

Третье. И все же буржуазия играет с огнем. Ее работа в отношении противных стран, например, есть прямой удар по буржуазной власти, ибо невольно вызывает обострение классовой борьбы. Полное сращение государственного аппарата с социал-демократией и профсоюзами, напри-

[1] И. Калинин, Под знаменем Врангеля, изд. „Прибой", 1925. Л.

мер, есть дальнейшее разоблачение последних в глазах рабочих.

Буржуазия это прекрасно понимает.

Вот почему одной из причин нынешних колебаний, боязни буржуазии вызвать войну есть боязнь своего рабочего класса.

И вот почему, изучая хитросплетения буржуазии, ее механику обмана трудящихся, мы должны искать способы разоблачительной работы в отношении буржуазии. Ибо будущая война еще больше прошлых будет не только борьбой пушек, винтовок, газов и аэропланов, но и борьбой политическими средствами, но и борьбой классового сознания рабочих и трудящихся крестьян против обмана, хитрости, лжи, подлогов, мошенничества буржуазии и ее лакеев—социал-шовинистов.

Переходя в следующих главах к разбору и иллюстрации основных способов обработки буржуазией и ее помощников и агентов «общественного» мнения населения, считаем необходимым сделать некоторое предупреждение: мы совершенно не касаемся работы революционных социал-демократов, в первую очередь большевиков, по противодействию работе буржуазии; также не касаемся той работы, которую вели те или другие честные борцы против войны, хотя и без ясной и строго революционной программы и которые одиночками имелись даже в среде ученых, студенчества, литераторов, социал-демократов. Эта работа—задача специального исследования.

Наша же задача—показать содержание и методы проникновения в массы буржуазного яда патриотизма, шовинизма, взаимной ненависти.

Примеров—миллионы. Мы старались выбрать наиболее характерные.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическая деятельность государственных органов.

Положение, выставленное нами в первой главе, что буржуазия предпочитает ряд политических задач разрешить не только и не столько через свой официальный аппарат, именуемый государственным, сколько через свой «неофициальный» аппарат, именуемый социал-демократией, конечно не означает, что буржуазия не использует во-всю свой правительственный аппарат.

Какие задачи выполняются этим аппаратом? Прежде всего государственная власть и в частности персона, возглавляющая эту власть—будь то царь, король, президент, микадо,—воплощая в своем лице идею «общенародной», «общенациональной» мощи, общие интересы страны, фиксирует рядом мероприятий внимание населения на этих общенациональных, без различия классовых интересов идеях. С детства воспитывая население в этом духе, правительство пытается в минуты сложной обстановки, опасности войны, выпустить на сцену с торжественными заявлениями, речами, декларациями, лозунгами своих «прима-балерин»—царей, королей и пр.

Делается это для того, чтобы реализовать воспитываемую со школьной скамьи «любовь» к своему владыке земному.

Вот несколько примеров этого рода деятельности. Они характерны для своей эпохи, когда десятками еще не летали короны с голов своих владык, когда слово царя и короля еще играло для темных масс роль божеского указания.

Манифесты и декларации царей, королей, президентов [1].

Из манифеста русского царя.

«Объявляем всем верным нашим подданным.

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала

[1] Взяты (в сокращ. виде) из книги М. Гришина, Помни о войне.

на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особой силой пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования...

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России, положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту русской земли дружно и самоотверженно встанут все верные наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокой верой в правоту нашего дела и смиренным упованием на всемогущий промысл мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестное войско наше божие благословение».

Из манифеста германского императора.

«Со времени основания нашей империи, втечение целых сорока трех лет вся цель, поставленная усилиями моих предков, которую продолжаю и я, заключалась в стремлении содействовать европейскому миру и направить все наши силы к спокойному развитию экономической жизни нашей страны. Но наши противники оказались завистниками и не могут простить нам наших преуспеяний на этом поприще. Как на Востоке, так и на Западе мы встречаем лишь чувство затаенной ненависти, которое простирается даже за пределы окаймляющих нас морей.

До сих пор, однако, сознавая нашу ответственность и мощь, мы спокойно терпели эту ненависть. Теперь же наши противники унизили нас и требуют от нас, чтобы мы спокойно, сложа руки, смотрели на то, как враг наш готовится нанести решительный удар. Они не допускают, чтобы мы остались верными нашему союзу с Австро-Венгрией, которая защищает с честью свое положение великой державы. Унижения ее явились бы для нас потерей нашей мощи и чести...

Мы будем сражаться до последней возможности, до тех пор, пока жив будет последний немец, до последнего коня, и мы предпринимаем борьбу против целого мира противни-

ков. Объединенную Германию еще никто никогда не победил.

Вперед, и с нами бог так же, как он был и с нашими предками».

Из воззвания президента французской палаты депутатов.

«О вы, сражающиеся в Бельгии, Лотарингии, Эльзасе,— вы счастливы. На вашу долю выпало пережить лучшие часы, какие когда-либо переживали люди, вы выполняете одну из священнейших обязанностей, какие когда-либо доверялись героям...

В 1870 г. мы были без союзников—теперь же положение изменилось: весь мир идет нам на помощь.

В 1891 г. честный монарх Александр III, утомленный двуличностью Бисмарка, протянул нам руку, и с тех пор франко-русский союз благодаря мудрости обоих правительств не переставал развиваться...

Лишний раз дело слабых, дело страдающих является делом Франции. Вы будете защищать не только ваши очаги, вашу честь, вы будете защищать независимость Европы, цивилизацию, право, человеческую совесть.

Завтра, когда вы восторжествуете, Европа отдохнет. Она не будет больше жить в постоянной тревоге. Плоды народных трудов не будут больше поглощаться смертоносными извержениями, и чем полнее будет ваша победа, тем спокойнее будут Франция и Европа.

Солдаты. Настоящая война—война освободительная...

Благословение угнетенных на вас. Свобода и слава награждают вашу доблесть. Вас ведут к победе справедливость и любовь».

Из манифеста австрийского императора.

«Моим искренним желанием было посвятить те годы, которые будут мне еще предоставлены божией милостью, делам мира и охранить мои народы от тяжелых жертв и тягот войны. Но провидение судило иначе. Происки преисполненного ненавистью противника вынуждают меня ради охранения моей монархии, для защиты ее престижа и ее державного положения, а равно для охранения ее достояния, после долгих лет взяться за меч...

...Ввиду этого я вынужден приступить к тому, чтобы силой оружия создать те необходимые гарантии, которые должны обеспечить моим государствам внутреннее спокойствие и длительный мир извне.

В этот серьезный час я отдаю полный отчет во всем значении моего решения и моей ответственности перед всемогущим: мною все взвешено и обдумано, и со спокойной совестью я вступаю на путь, который мне указывает мой долг.

Я уповаю на мои народы, которые втечение всех бурь всегда согласно и верно толпились вокруг моего престола и которые за честь, величие и мощь своего отечества всегда были готовы приносить самые тяжелые жертвы. Я уповаю на храбрую и преисполненную самоотверженного воодушевления военную мощь Австро-Венгрии и уповаю также на всемогущего, что он даст моему оружию победу...»

Воззвание английского короля к войскам.

«Вы покидаете родину, чтобы биться за безопасность и честь нашей империи. На Бельгию, которую мы обязались защищать, совершено нападение. Франции грозит нашествие того же могущественного врага. Я имею полное доверие к вам, мои солдаты. Ваш лозунг—долг, и я знаю, что вы исполните его благородно. Я буду с самым глубоким интересом следить за каждым вашим движением и отмечать с величайшим удовлетворением ваши успехи. Моя мысль будет о вашем благополучии. Прошу бога благословить и сохранить вас и позволить вам вернуться победителями».

Вдумайтесь в эти замечательные документы. Вас, конечно, смех разбирает. Но вдумайтесь и в то, какими глазами читали те птенцы в политическом смысле, какими было большинство трудящихся в 1914 г. А главное: вспомните, что в каждой стране читали воззвание только своего «хозяина» или, в лучшем случае, и «дружественных» народов.

Многое общее есть в этих воззваниях—идея защиты прежде всего и «упование» на своего бога.

Россия: ...«Пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования...»

А потому—защищая Сербию, защищаем себя!

Германия: ...«Наши противники унизили нас и требуют от нас, чтобы мы спокойно, сложа руки, смотрели на то, как враг наш готовится нанести решительный удар...»

А потому—не жди нападения, а сейчас уже защищайся, хотя бы и в форме нападения на других!

Франция; ...«Европа отдохнет, Она не будет больше жить в постоянной тревоге».

А потому—чтобы не тревожиться, надо воевать, тем самым защищаясь от постоянной военной опасности.

Австро-Венгрия: ...«Происки... противника вынуждают меня... для защиты... взяться за меч».

Надо объявлять войну, чтобы защищаться, и т. д.

Все говорят одно и то же—они воюют ради защиты.

Нам кажется наивным со стороны царей, вернее—государственных мужей, писавших воззвания за царей, что они пытаются поднять дух народа зовом воевать «ради охранения моей монархии, для защиты ее престижа» и т. д. Кажется, что, наоборот, это разоблачает империалистический характер войны. Но, повторяю, вспомним, кто читал эти воззвания. Немало, а чересчур много оказалось народу, в том числе и рабочих и крестьян, которые искренно верили в необходимость, считали своим кровным делом защищать этот самый «престиж» своего главы страны.

И вряд ли будет преувеличением сказать, что и сейчас имеется еще, к сожалению, немало людей, которые готовы за престиж и прочие фетиши буржуазного владычества, воспитанные в них с детства, колоть, стрелять во «врага». А потому знать эти воззвания прошлого не лишне.

Замечательна эта спекуляция своим богом.

Россия: «Мы молитвенно призываем на святую Русь и доблестное войско наше божие благословение».

Германия: «Вперед, и с нами бог, так же, как он был и с нашими предками».

Австрия: «Уповаю также на всемогущего, что он даст моему оружию победу».

Англия: «Прошу бога благословить и сохранить вас и позволить вам вернуться победителями».

Бедный бог! На сколько фронтов ему приходится работать: для всех быть «своим», каждому дать победу оружия, каждого карать по просьбе противника.

Но в каждом воззвании есть и свои «местные» и, я сказал бы, наиболее уязвимые тезисы.

Россия, чувствуя фальшь своего положения о чувствах «русского народа», говорит, чтобы: «В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри».

Германия спекулирует на своей «мощи», быстром росте капитализма.

Франция спекулирует на растерянном в ростовщическо-империалистском разврате багаже—революционном имени и взывает к любви, свободе, справедливости. И тут же слова—«о честном монархе Александре III» и т. д.

Австрия боится центробежных сил своей лоскутной страны и призывает «народы», как и прежде, «толпиться» вокруг престола.

Англия лаконична и с немалой долей спортсменства заявляет, что будет «с самым глубоким интересом следить за каждым вашим движением и отмечать с величайшим удовлетворением ваши успехи». Вроде наблюдателя за дерби или на площадке бокса...

Все вместе—спекулируют на народной темноте, преданности и боязни перед недосягаемой высотой монархов и президентов, королей и микадо.

„Демократизация" царей и королей.

Другие времена—другие песни. Спекуляция на «обаятельной» фигуре помазанников божьих логически толкает на то, что эти куклы используются шире, чем в мирное время. У населения во время войны повышается интерес к политике, хочется услышать новое слово, ободряющие слова высших лиц в стране. Цари идут в народ.

Вот несколько иллюстраций этого.

Император не гнушается народных представителей.

4 августа 1914 г. немецкий император Вильгельм произнес в рейхстаге «тронную» речь с фокусами. Вот что он сказал и сделал:

«На вас, уважаемые господа, смотрит сегодня весь немецкий народ, толпящийся вокруг своих князей и руководителей. Принимайте ваши решения единодушно и быстро [1]—это мое искреннее желание.

Вы читали, господа, что я сказал своему народу с балкона. Здесь я повторяю это:

Я больше не знаю никаких партий, я знаю только немцев!

(Долго длящиеся крики «браво».)

В знак того, что вы твердо решили без различий партий, без сословных разделений держаться и итти со мною через огонь, воду и медные трубы, я предлагаю представителям (лидерам) партийных фракций подойти ко мне и пожать мою руку.

(Лидеры фракций—под грандиозный шум от криков «браво»—последовали этому предложению)» [2].

В том числе и лидер социал-демократической фракции!

Вот вам метод «показа» народу примера гражданского мира,—«ведь среди лидеров был и лидер социал-демократии!»

---

[1] В этот день рейхстаг санкционировал отпуск военных кредитов.

[2] Привожу перевод из книжки „Der Ausbruch des Weltkrieges 1914 in amtlichen Aktenstücken" („Начало Мировой войны 1914 г. в государственных документах").

А вот другая иллюстрация более грубого, в русско-азиатском стиле построенного «снисхождения» русского царя к народу. Передаем в подлинном виде описание этого.

«4 августа государь император с августейшей семьей прибыл в Москву. На вокзале была устроена торжественная встреча. В ротонде царских комнат вокзала государь принял хлеб-соль от исправляющего должность городского головы Брянского, приветствовавшего его величество следующею речью:

«Ваше императорское величество! По промыслу всевышнего России ниспосланы великие испытания, но никакие испытания для русского народа не страшны. История русского народа свидетельствует, что народ в единении со своим царем выходит из испытаний только с обновленными силами, и ныне, в минуту новых испытаний, Россия спокойно встречает грозную бурю. Замолкли ссоры и вражды, и весь народ слился со своим царем, и никто не разъединит их. Он знает, что с державным вождем, призвавшим его к государственному строительству, он придет в царство славы и мира. Москва—сердце России—призывает на вас, государь, благословение божие» [1].

Усиление репрессий.

Око карательных органов правительств, в связи с войной, конечно, не только не ослабляло свою бдительность, но, наоборот, заостряло ее. Это—верный и постоянный попутчик «демократических» выступлений глав государств в минуты опасности.

Скромными хроникерскими заметками, листовками-приказами правительства всех стран извещали народ о введении в своей стране или области более сурового режима. Примерно так:

«13 июля (!) петроградское и московское градоначальства и губернии объявлены на положении чрезвычайной охраны».

А вот и богатая жатва этого изменения режима:

«Берлин. 27 июля. Городское управление наложило штраф на газету «Форвертс» за издание распространявшихся на улицах Берлина листовок по вопросам о борьбе с опасностью войны» [2].

«Берлин. 29 июля. Назначенные тридцать два социал-демократических собрания вчера состоялись. Посещаемость везде была высока, сами собрания протекли спокойно. Ораторы, в большинстве депутаты и городские гласные, позволили себе нетактичные выходки против Австрии, припи-

[1] Из „Исторической летописи".
[2] „Leipziger Tageblatt", 27 июля 1914 г.

сывая ей вину в надвигающейся войне. В конце собрания приняли резолюцию против войны. Полицей-президент запретил со вчерашнего вечера всякого рода шествия по улицам. Все же многочисленные участники собраний пытались организовать шествия», и т. д. [1].

В результате—столкновения с полицией, избиение толпы и т. д.

В ноябре 1914 года было объявлено следующее правительственное сообщение русской полиции.

«С самого начала войны народ русский, объединившись в сознании необходимости защитить достоинство и целость родины, дружно, с патриотическим подъемом помогал государственной власти в осуществлении ее задач, вызванных военными действиями.

Совершенно особое положение в этом отношении заняли некоторые члены социал-демократических организаций, которые поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей социал-демократических организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач.

4 ноября полиция выяснила, что заседание упомянутой конференции происходит в одном из домов на Выборгском шоссе, в 12 верстах от Петрограда; прибывший на место наряд полиции застал там одиннадцать человек, среди которых были, как потом оказалось, члены Государственной думы: Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов. Так как противогосударственное значение конференции не подлежало сомнению, то участники собрания, застигнутые на месте преступления, после обыска были задержаны, а члены Государственной думы отпущены.

По поводу описанного судебный следователь петроградского окружного суда по особо важным делам Машкевич немедленно приступил к производству предварительного следствия.

Ознакомившись с бумагами, найденными при обыске, судебный следователь постановил всех участников конференции привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 102 (ч. 1) Уг. Улож., и заключил под стражу» [2].

---

[1] „München-Augsburger Abendzeitung", 29 июля 1914 г.

[2] Г. Зиновьев, т. V. Как известно, арестованные были потом высланы в Сибирь.

Забастовка приравнивается к измене. (Не напоминает ли это первые ростки ныне махровым букетом разросшегося закона твердолобых против профсоюзов?)

«С трибуны Государственной думы морской министр заявил о том, что стачечное движение теперь разрастается на немецкие деньги, и генерал Рузский в своем небезызвестном объявлении всякое движение приравнивал к государственной измене, а на местах местные власти поняли это в буквальном смысле и стали готовы всякую экономическую забастовку понимать как выступление изменников, а, следовательно, участников расстреливать» [1].

Особенно усилились репрессии против сектантов, которых приравнивали к государственным преступникам.

«Из числа сектантских процессов периода войны заслуживает особенного внимания процесс толстовцев, судившихся Московским военно-окружным судом за составление и распространение воззвания против войны.

По этому делу были привлечены: сын чиновника Александр Архангельский, 27 лет; пот. поч. гр. Валентин Булгаков, 29 лет; кр. Василий Беспалов, 36 лет; пот. поч. гр. Рафаил-Вильгельм Буткевич, 23 лет; домашний учитель из кр. Камышинского уезда Иоганн-Фридрих Граубергер, 57 лет; кр. Иван Гермякин, 24 лет; кр. Ян Демихович, 36 лет; мещ. Митрофан Дудченко, 48 лет; кр. Григорий Лещенко, 33 лет; доктор Душан Маковицкий, 48 лет (венгерский подданный); мещ. Александр Молочников, 19 лет; кр. Василий Некрасов, 31 года; кр. Александр Никитин-Хованский, 23 лет; кр. Иван Новиков, 46 лет; кр. Михаил Новиков, 44 лет; двор. Павел Олешкевич, 26 лет; кр. Клавдия Платонова, 22 лет; сын кандидата коммерции пот. поч. гр. Сергей Попов, 28 лет; мещ. Лев Пульнер, 25 лет; мещ. Алексей Сергеенко; дочь дворянина Надежда Стрижева (рожденная Чекан), 42 лет; пот. поч. гр., сын священника, Иван Требугов, 57 лет; мещ. Александр Радин, 56 лет, мещ. Александр Радин, 18 лет; мещ. Алексей Радин, 19 лет; мещ. Мария Радина, 48 лет; мещ. Юлия Радина, 22 лет, и мещ. Моисей Харас (Хорош), 18 лет.

Из них Попов, Беспалов, Пульнер и Булгаков обвинялись в распространении особого воззвания с призывом к отказу от участия в войне, а остальные совместно с этими же лицами—в составлении и распространении подписанного всеми ими еще другого воззвания, которое было разослано в различные места ряду лиц. Все они были привлечены по разным пунктам 129 ст. Уг. Улож. По отношению к Але-

---

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. I (1914—1917).

Jedes Blatt
2 Mark

B. Wennerberg
„Abschied"
Kunstdruck Nr. 208

B. Wennerberg
„Daheim"
Kunstdruck Nr. 209

Neue
Kunst-
drucke:

Kriegsbilder

Soeben sind die hier stark verkleinert wiedergegebenen mehrfarbigen Kunstdrucke erschienen, von denen wir glauben, daß sie viele Freunde finden werden. Es sind Bilder aus der Gegenwart, Episoden aus dem Krieg, im Felde und daheim. Weitere Blätter werden noch folgen.

Eduard Thöny
„Aufgesessen"
Kunstdruck Nr. 210

Das reich illustrierte Verzeichnis über sämtliche Kunstdrucke wird gegen Einsendung von Mk. 1.10 einschließl. Porto (auch in Briefmarken) geliefert.

ALBERT
LANGEN
VERLAG
MÜNCHEN

Eduard Thöny
„Bayrische Löwen"
Kunstdruck Nr. 211

Образцы германских военных плакатов. Одновременно—образец умелого рекламирования этих плакатов издательством.

ксею Сергеенко следственное производство было приостановлено ввиду того, что Сергеенко скрылся» [1].

То, что мы привели по вопросу о политике репрессий—только капля в море. Архивы дадут возможность установить ту сторону военно-репрессивных действий, о которой пока молчат стены тюрем да глухие подвалы крепостей. Сюда в первую очередь относятся расстрелы якобы шпионов, порка и казни дезертиров, отказывающихся вовсе служить в армии, имевших неосторожность высказаться против войны и т. д. Имен их мало кто знает, число—тоже. Но их—тысячи и тысячи.

Административные меры.

Война заставила правительства всех стран спешно вводить в действие ряд новых правил, обязательных постановлений, законов и т. д.

Это касалось самых различных областей жизни, ибо во все эти области война протягивала свою руку, деформируя привычные «устои» жизни, ставя на очередь новые условия и задачи, требуя от населения и правительства новых способов отправления своей обычной жизни.

Тут и запрещение крепких напитков (с неизменным усилением шинкарства, фальсификаций, спекуляций), тут и новые условия переезда с места на место, регулирование движения и т. д.

«2 августа. Продажа алькогольных напитков на вокзалах запрещена; также запрещено дарить отъезжающим (солдатам) алкогольные напитки.

Также прекращена продажа перонных билетов. Таким образом устраняется толкотня у поездов» [2].

Тут и потрясение «морали» мирного времени.

«Берлин. 3 августа. В рейхстаг внесена петиция, чтобы в заседании 4 августа закон от 28 марта 1888 г. о материальной поддержке членов семьи призванных пересмотреть в том отношении, чтобы эта поддержка касалась и внебрачных детей. Речь идет, как говорится в объяснительной записке, примерно о миллионе детей» [3].

Правительства интересовались и пытались регулировать штурм сберегательных касс, что было повсеместным явлением во всех странах, и что вызывало панику в населении.

«Немецкий курьер» 27 июля 1914 г. описывает штурм сберегательных касс:

---

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. II, 1924.

[2] „Vossische Zeitung“, 2 августа 1914 г.

[3] Там же, 3 августа 1914 г.

«Совершенно необоснованная боязнь за свои вклады согнала сотни народу, осадившего здание городской сберегательной кассы. Полиция вынуждена была кассы временно закрыть, что вызвало у собравшихся и озабоченных страхом потери своих денег еще большее волнение».

Масса вопросов требовала своего немедленного разрешения, иначе грозили паника, упадок настроения, недовольство властью. Должники банкротились, жильцы не могли платить квартирную плату, пенсии задерживались и т. д.

Вот как подытоживает это явление исторический труд Шварте («Der Grosse Krieg»):

«Современем перед оставшимися дома семьями становилось все больше и больше хозяйственных и правовых вопросов, которые доходили и до солдата на фронте. Все больше появлялось писем, требующих разрешения и подавляющих дух солдата; ибо последний сам не знал выхода. Он обращался к своему товарищу или командиру роты. Но последние были часто юнцы и имели очень мало опыта жизни.

Вскоре были созданы бюро юридической консультации»...[1].

Вот какие вопросы особенно беспокоили население:

«Это были вопросы квартирные, обеспечение семей военных и потерявших кормильца, налоговые дела, вопросы питания, брачные отношения, пенсии, валюта, военные займы и т. д.»[2].

Все эти вопросы имели безусловно политическое значение, почему разрешению их придавался зачастую политический характер; торжественные акты, решения выносились представительными органами, к их разрешению привлекались общественные силы—военно-промышленные комитеты в России, рабочие группы в них, полугосударственные, полуобщественные органы борьбы с дороговизной, недостачей продуктов, органы устройства и забот о беженцах и т. д.

Агитационно-политическая деятельность правительств.

Государственные аппараты, наиболее тяжеловесные для этой работы, все же кое-что умели делать. Прежде всего, конечно, работа дипломатии по созданию общественного мнения, организация своими руками массовых действий вроде погромов, манифестаций.

---

[1] Шварте, Большая война, т. X.
[2] Там же.

Дипломатия создает „общественное“ мнение.

Вот образчик работы дипломатического аппарата в области использования пропаганды.

«Секретная телеграмма поверенному в делах в Белграде.

11/24 июля 1914 г., № 1487.

Срочно. Лично. Прошу расшифровать лично. Если беспомощное положение Сербии действительно таково, что не оставляет никакого сомнения насчет исхода вооруженной борьбы ее с Австрией, было бы, пожалуй, лучше, чтобы сербы вслучае вторжения австрийцев вовсе не пытались оказывать последним сопротивления, а, отступив и предоставив врагу занять без боя территорию, обратились к державам с воззванием. В последнем, указав на свое тяжелое положение после войны, во время которой они своею умеренностью заслужили признательность Европы, сербы могли бы сослаться на невозможность для них выдержать неравную борьбу и просить заступничества держав, основанного на чувстве справедливости.

Сазонов» [1].

Погромы—метод поддержания патриотического духа.

Приводимые в предыдущей главе описания погромов и манифестаций, характеризующие патриотическую одурь населения, все не без душка полицейских «организующих сил». Приведем полностью весьма интересное описание разбирательства вопроса о погромах в Государственной думе.

«Московские беспорядки нашли отклик в стенах Государственной думы. Член Государственной думы М. М. Новиков в заседании 18 августа 1915 г., выступая в защиту внесенного запроса, сказал:

«Господа члены Государственной думы! В переживаемое нами тревожное и трудное время, когда наши надежды возлагаются на единение внутренних сил страны, в это время одна из первейших обязанностей правительства должна бы, казалось, заключаться в том, чтобы самыми энергичными мерами предотвращать всякое проявление непонимания или враждебного отношения между различными слоями населения. Между тем, господа, события в Москве 27—29 мая с очевидностью показали, что столичная правительственная власть не только не предупредила известного ей заблаговременно погрома, но бездействовала во время этого погрома и в значительной части даже содействовала или по крайней мере попустительствовала ему. Производи-

---

[1] „Красный архив“, т. IV, 1923.

мая сейчас в Москве сенатором Крашенинниковым ревизия вскроет, конечно, многие детали этого печального, опозорившего столицу события, но и в настоящее время мы располагаем уже значительным количеством данных, свидетельствующих о том, что полиция была виновата во всем происшедшем в Москве. Уже одно то обстоятельство, что московский градоначальник через несколько дней после погрома должен был сложить свою должность, является достаточным показателем этой виновности московской полиции. Позвольте, господа, мне задержать вас только очень немногими примерами из числа тех, которые были собраны в качестве свидетельских показаний лиц, заслуживающих полного доверия,—примерами того, насколько московская полиция была участницей происходивших в Москве беспорядков. Вот приват-доцент Московского университета М. удостоверяет, между прочим, в своем заявлении на имя московского городского головы, что о происходящих погромах задолго было известно в кругах, близких к столичной администрации; об этом чиновник московского губернатора еще 12 мая ему сообщил, как он выражается, «с глубокой тревогой и возмущением». Затем один из присяжных поверенных сообщает городскому голове, что когда в первый раз толпа громил подошла к магазину Эрманса, у Мясницких ворот, и один из несших флаг разбил у магазина стекло, то присутствовавший в толпе полицейский чин, взглянув на бумажку, находившуюся у него в руках, замахал руками и крикнул: «Этого нельзя, за это нам достанется», и магазин Эрманса в это время громить не стали. Один из видных гласных Московской городской думы, лидер правого крыла думы, сообщает между прочим, что разгром производился по заранее составленным спискам, в которые были внесены квартиры и торговые фирмы, причем разгромом руководили лица, разъезжавшие даже на автомобиле, а один из членов Московской городской управы удостоверяет, что при разгроме магазинов от начала до конца присутствовали чины московской полиции, не принимавшие, безусловно, никакого участия в предупреждении и пресечении беспорядков, несмотря на очевидную возможность вмешательства. Другой гласный Московской городской думы указывает, что при разгроме фабрики Зибрехта присутствовала местная полицейская власть, и, по приказанию старшего, после двухчасового неистовства погром был прекращен втечение нескольких минут. Чтобы охарактеризовать, насколько легко можно было прекратить беспорядки, этот самый гласный указывает, что в доме Кнопа в грабеже участвовало только шесть человек. Далее этот гласный сообщает характерный инцидент. По свидетельству графа Коковцева, с которым гласному пришлось

разговаривать, с графа была во время беспорядков сбита шапка. Блюститель порядка, полицейский, к которому граф обратился за защитою, дал ему совет в будущем в подобных случаях подчиняться требованию толпы. То же самое свидетельствуют многие другие лица. Один из старейших мировых судей в Москве видел, как по площади проехал отряд человек в двадцать городовых под командой унтер-офицера; ехали они шагом и совершенно хладнокровно смотрели на бесчинства громил и грабителей, уносивших с площади имущество. «Такое глубоко возмутительное отношение полицейских чинов,—пишет мировой судья,—такое невиданное мною до сих пор попустительство с их стороны производило глубоко отвратительное, волнующее впечатление. Невольно явилась мысль, что этот погром и грабеж был сознательно допущен московскими полицейскими властями». А вот еще один, последний по этому поводу голос, который я хочу привести, голос московского купца, говорящего не только от себя, но и от имени всех торговцев, занимающих помещение в одном с ним торговом дворе. Этот купец говорит следующее: «По нашему глубокому убеждению (я подразумеваю всех торговцев нашего двора), все беспорядки прекратились бы, если бы два-три человека из полицейских обратились к толпе с резким требованием прекращения беспорядков, и тогда, без всякого сомнения, не было бы ужасных последствий, как разграбление и пожары коренных русских фирм» [1].

Официальные правительственные сообщения натравливали население на «шпионов», подогревая остывающую шпиономанию.

Не чужды были правительства и чисто агитационных воззваний, брошюр и т. д.

Вот образчик «агитлистовки».

5 августа опубликовано следующее воззвание верховного главнокомандующего к «подъяремной» Руси:

«Русскому народу!

Братья!

Творится суд божий.

Терпеливо, с христианским смирением втечение веков томился русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяния свободы.

Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению.

---

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов (1914—1917), т. I, 1925.

Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Гостомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России.

Да свершится промысел божий, благословивший дело великих собирателей земли русской.

Да поможет господь царственному своему помазаннику императору Николаю Александровичу всея России завершить дело великого князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на сретение русской рати.

Освобождаемые русские братья!

Всем вам найдется место на лоне матери России. Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои—к богу с молитвой за Россию, за русского царя.

Верховный главнокомандующий генерал-адъютант Николай»[1].

Мишура, парадность, «старые, добрые традиции»,—все пускается в ход, чтобы уловить в свои сети падких до обрядности, любопытных и жаждущих зрелищ зевак. А таких в любом большом городе больше чем надо. Печати же это дает право писать о тысячах верноподданных, клявшихся умереть за царя, президента, родину, короля. Так устраивались торжественные оповещения военного положения путем выхода на площади воинских частей под звуки труб, гимна. Совсем как в средневековом замке, в старой исторической форме и т. д.

Правительства не чужды были и «профсоюзной деятельности». Ведь одними административными мерами малой производительности труда не предотвратить. Авось, веское слово правительства подействует. Вот и пробуют это средство.

Идейное воздействие на профсоюзы.

«Ваши отцы, братья и родственники находятся на поле сражения и геройски борются за отечество. Мы, германцы, гордимся нашими храбрыми солдатами. А потому работающие в тылу мужчины охотно сделают все для того, чтобы поддержать наши войска на фронте. Они делают это, заготовляют оружие и амуницию в больших количествах, так как число наших врагов велико.

Мужи Германии! Жертвуйте ваши силы ради отечества, ради защиты вашего очага и работайте, пока хватает сил. Меч врага не останется в покое и во время грядущих празд-

---

[1] „Историческая летопись“, 1914.

ников, и наши войска не смогут праздновать Рождества, как прежде.

А потому, мужи Германии, к вам обращена просьба: не уступайте вашим братьям на фронте в готовности приносить жертвы и работайте во время праздников на благо отечества.

Военное министерство» [1].

Национальные „мученики" и герои.

«Мы надеемся, что нас не упрекнут в цинизме, если мы причислили к средствам политической пропаганды также фабрикацию «мучеников за правое дело», современных национальных святынь. Мы сможем привести отдельные исторические примеры этому из прежних времен, с оговоркой, что во всяком случае новому времени принадлежит честь использования таких жертв в качестве пропагандистского средства, по крайней мере сознательного использования. Это доказывается случаями с мисс Эдит Кавель или капитаном Фрайтом «King Stephen'a», которые совершенно сознательно и по строго обдуманному плану были причислены англичанами и их союзниками к лику национальных святынь в целях оказать влияние на общественное мнение» [2].

Политическая работа в своей армии.

Эта область работы мало освещена. Наиболее полное описание мы находим в громадном немецком труде «Большая война», выпущенном под общей редакцией М. Шварте. Беря оттуда конкретные описания политработы в армии, мы считаем, что эти иллюстрации характеризуют политработу в любой буржуазной армии в ту войну, за исключением разве России, где дело было поставлено куда хуже, неорганизованнее и боязливее.

„Политзанятия".

«Почти одновременно через первого генерал-квартирмейстера, генерала Людендорфа, была проведена в жизнь «организация просвещения», или, как это потом и было названо,—«отечественное преподавание». В нем значилось:

«Для отечественного преподавания используется материал через:

а) доклады, вечера беседы, полевые кино, театральные представления;

б) полевые проповеди;

---

[1] Р. Мюллер, Мировая война и германская революция.
[2] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.

в) армейские газеты;
г) полевые библиотеки;
д) полевые книготорговли.

Эти мероприятия, служащие для отдыха и подбадривания, должны в первую очередь касаться действующих и отдыхающих частей» [1].

Солдатские „убежища" (очаги).

«Солдатские убежища, если они это название носят по праву, были в другом духе. Центр тяжести здесь клали на то, чтобы создать место физического и душевного отдыха.

Уже в мирное время рядом христианских объединений были созданы подобные «убежища», прежде всего в приморских городах. Как образец было взято оборудование и организация того, как это устраивали англичане у себя на родине и в колониальных войнах.

Сейчас же с начала войны Национальное объединение евангельских союзов молодежи Германии организовало по линиям железных дорог железнодорожные и морские убежища, очаги, а также при крупных этапных пунктах.

В том же духе работали католические и другие, с военными целями созданные общества. Эти убежища управлялись представителями обществ и снабжались деньгами и продуктами с родины» [2].

Офицеры и солдаты.

«Это было зимою 1914/15 г., когда произошли изменения во взаимоотношениях между офицерами и подчиненными... Началось это в связи с переходом к позиционной войне. Отличие офицерских квартир от казарменных помещений солдат с их теснотой было, естественно, велико. Первые немедленно организовали свои «казино», в то время как последние лишь получали постепенно самые необходимые столовые.

Недоставало уголка, в котором солдат мог бы в тиши письмо написать или книгу прочесть...

Постепенно образовалась щель между офицерами и солдатами, главным образом на почве зависти к привилегированным.

Вскоре (офицеры) начали путем организации более уютных столовых, музыкой, спортом, снабжением литературой заботиться о духовной жизни своих подчиненных» [3].

---

[1] М. Шварте, Большая война.
[2] Там же.
[3] Там же.

Развлечения в армии.

«Возникли кино, театры, хоры, серьезные и веселые представления организовывались силами самих частей, занимались футболом, водным спортом» [1].

Немного статистики.

«В то время как к 1 сентября 1917 г. на Западном фронте состояло 320 солдатских убежищ, уже к 1 декабря было:

1. Солдатские убежища — готовых	. . .	1 843,	планируемых	339
2. Читальни	„ . . .	876	„	263
3. Библиотеки	„ . . .	717	„	222
4. Полевые книготорговли	„ . . .	449	„	30
5. Залы для представлений и докладов	„ . . .	378	„	123
6. Кино	„ . . .	326	„	93
7. Юридические консультации — больше		500 [2].		

Национальный вопрос — в центре внимания правительств.

Лицемерие буржуазии особенно ярко выступает в ее политике использования национального момента. Буржуазия каждой страны подавляет, эксплоатирует, доводит до вырождения свои «малые» народы, которые вместе, а иногда и в отдельности составляют значительное большинство населения. Это не мешает буржуазии «играть» во время войны (как, впрочем, и в мирное время—в порядке дипломатической работы) на национальных осложнениях, национальной розни и национальном угнетении в странах своих противников, таких же капиталистов.

Тут можно наметить следующие основные вопросы, которые становятся предметом заботы буржуазии:

восхваление господствующей нации;

попытка «примирить», прекратить хотя бы на время национальную рознь и борьбу внутри своей страны (например, с евреями);

предать всяческому гонению, презрению все и всех, связанных с нацией противной стороны;

использовать и привлечь на свою сторону нации, особенно угнетаемые, «нейтралов»;

поддерживать, питать, вызывать борьбу угнетенных наций в странах врагов против правительства;

всячески заискивать у этих наций и т. д.

---

[1] Шварте, Большая война.

[2] Там же.

Наиболее ярко все эти моменты отражены в работе печати. Здесь приведем несколько документов, характеризующих буржуазную работу по национальному вопросу главным образом в формах государственной деятельности.

Переименования и запрещения.

«18 августа государь император повелеть соизволил именовать впредь город С.-Петербург Петроградом».

За этим последовали в России некоторые переименования улиц, фамилий.

Запрещен был немецкий язык в России, Франции, Англии; русский, французский, английский языки—в Германии и Австро-Венгрии.

Начались запрещения русских опер в Германии, немецких—в России, Франции и т. д.

Таким «внешним» путем пытались подогревать национальное, патриотическое чувство.

Спекуляция на национальной розни и угнетении.

1.

«2 августа верховным главнокомандующим русскими военными силами, великим князем Николаем Николаевичем опубликовано следующее воззвание к полякам:

«Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия—такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение креста—символ страдания и воскресения народов.

Верховный главнокомандующий генерал-адъютант Николай» [1].

2.

«В окрестностях Варшавы разбрасывались неприятелем прокламации, составленные на польском языке и напечатанные, повидимому, в австрийском главном штабе; содержание их следующее.

«Призыв к полякам.

Приближается минута освобождения из-под ярма московского. Соединенные войска немецкие и австро-венгерские вскоре перейдут границу королевства польского. Уже москали почесываются! Падает их кровавое владычество, тяготеющее над вами уже более ста лет! Мы приходим к вам как друзья. Отнеситесь и к нам подружески. Мы несем вам свободу и независимость, за которые столько терпели ваши отцы. Пусть восточное варварство отступит перед западной цивилизацией, общей у нас с вами.

Повстанцы! Помните о вашем прошлом, столь великом и славном. Соединяйтесь с союзными войсками! Общими силами мы выгоним из границ Польши азиатские орды. Мы приносим также свободу исповеданиям и почтение к религии, так жестоко попираемой Россией.

Пусть из прошлого и из настоящего заговорят к вам льды Сибири и кровавое дело Праги и мучение униатов. С нашими знаменами приходят к вам свобода и независимость.

Высшее начальство немецкой и австро-венгерской восточных армий» [2].

3.

Вскоре после начала войны были сделаны дальнейшие шаги—начались национальные формирования из населения «угнетаемых противником» народов. Германия и Австрия создала польские формирования; Россия создала польские, латышские, чехо-словацкие части.

Англия всю свою пропаганду в Австро-Венгрии строила на спекуляции «освободительными» лозунгами среди угнетенных национальностей Австрии. В комиссии Нортклифа по делам Австрии работали чехи, румыны и др.

Германское правительство поддерживало и всячески распространяло как в своей стране, так и в России воззвания

---

[1] „Историческая летопись".

[2] „Историческая летопись", 1914.

Военная карикатура. Вытянувшиеся лица кайзера и кронпринца, после поражений под Верденом. (Из английского журнала.)

«Лиги чуженациональных народов России», имевшей свое пребывание в Стокгольме и Лозанне и выпускавшей ряд брошюр, документов, воззваний.

Политика в завоеванных областях.

Главнокомандующий Юго-западным фронтом Иванов 10 августа издал приказ за № 40. Вот его полный текст.

«Обращаю внимание командующих армиями на отношения офицеров и нижних чинов всех частей и учреждений Юго-западного фронта к населению Галичины и предписываю своевременно озаботиться необходимыми разъяснениями применительно к нижеследующему.

При сношениях с поселянами необходимо помнить, что крестьянское население восточной Галичины представляет из себя коренной русский народ. Поселянин в этих областях говорит на малорусском наречии, а интеллигент—на чистом русском языке.

Необходимо помнить, что если в западной Галичине население главным образом составляют поляки, отношение наших войск к населению определится в зависимости от отношения к нам галицких поляков,—в восточной Галичине, населенной русскими, отношение наших войск, особенно к крестьянам должно быть доброжелательным и мягким, чтобы они могли видеть в нас действительно избавителей зарубежной Руси от австрийского гнета.

Доброжелательное отношение к населению Галицкой Руси может выразиться в следующем:

1. Особая осторожность при реквизициях.

2. Уважение к местным святыням. Необходимо помнить, что русские восточной Галичины—униаты, по духу и стремлениям весьма близкие к православию. Посещение униатских храмов и поддержка их нашими войсками рекомендуются. Желательна раздача населению крестиков и икон (бумажных) из Киева и Почаева, так как эти святыни особенно почитаются русскими галичанами.

3. При приветливом, без заигрывания, отношении необходимо усвоить некоторые местные русские обычаи, например, приветствие при встрече: «Слава Иисусу Христу», и ответ: «Слава навеки».

4. В особо уважительных случаях войска должны притти навстречу голодающему русскому населению, которое может встретиться, выдачей муки или хлеба.

5. Гуманное и предупредительное отношение к перешедшим на нашу сторону раненым и пленным русским галичанам, которые оказались в рядах австрийской армии.

Необходимо ознакомить всех офицеров армий с нынешним состоянием Галичины по разосланной в штабы всех армий брошюре «Современная Галичина», составленной при военно-цензурном отделении штаба главнокомандующего. Ознакомление командного состава всех армий с положением и значением в Галичине каждого из элементов (русского, польского, еврейского и немецкого) поможет разобраться и установить необходимые отношения к той или иной части населения.

Необходимо помнить основы австрийской политики в Галичине, опирающейся на чиновников из поляков и в последнее время (с 1907 г.) на так называемую «Украинофильствующую» интеллигенцию («мазепинцы»), мечтающую об отторжении от России нынешней Малороссии и распространяющую свои идеи в части крестьянского населения.

Таким образом нашим войскам придется встретиться в Галичине наряду с пассивно-доброжелательным отношением к нам коренного русского населения с выжидательно-враждебным отношением «украинофильствующей» партии, особенно интеллигенции, и наконец с активным сопротивлением той части польского населения, которая заинтересована как держатель власти в крае и опирается на свои полувоенные сокольские организации (бойскауты), вооруженные австрийским правительством и обученные австрийскими офицерами. Активного сопротивления некоторой части населения (поляков, мазепинцев и социал-демократов) следует ожидать главным образом в городах: Тарнополе, Бережине, Львове, Стрые, Перемышле, Коломые, Станиславове, Черневицах, Бориславе, Дрогобыче.

Во всех случаях рекомендуется опираться на русскую часть населения, сознательно идущую навстречу России.

К брошюре «Современная Галичина» приложена схема с показанием тех пунктов, в которых находятся стоящие «за Россию» члены галицкого «Русского народного совета» (необходимо отличать от «Народного комитета» украинофильской организации) и сознательные сторонники русской народной партии. В числе последних на первое место надо поставить председателей читален имени Михаила Качковского (находятся во всех селениях с русским населением), а также «русские дружины». Что касается духовенства, то часть униатских священников, бесспорно, идет навстречу России.

Католическое духовенство требует более осторожного к себе отношения. Особой бдительности и осторожности в отношениях к себе требуют монахи «базилианских монастырей», являющихся в последнее время центрами мазепинской

агитации в Жолкиеве, Крешове, Крестинополе, Дрогобыче, Михайловке, Уневе (Холоческого уезда) и Львове.

При вступлении наших войск в Галицию мы во всех случаях должны смотреть на дружественное нам русское население как на родных братьев, сыновей единой Руси, от которой Галицкая Русь отпала в силу случайно сложившихся исторических условий.

Ныне, при объединении славянства, теснимого германским миром, родная нам по крови Галичина с открытым сердцем и добрыми чувствами должна войти в лоно великой матери-Руси» [1].

„Разложение" неприятельских стран и использование нейтралов.

Эта область работы наименее освещена в буржуазной литературе. Это и понятно. У буржуазии есть все основания скрывать, маскировать эту работу, особенно мероприятия по политическому разложению своих противников. Тут и соображение секретности, и международное право. А главное—вообще-то буржуазия осуществляет эту работу не без внутренней тревоги и опаски. Ведь эта работа—фактически «натравливание» угнетенных классов и угнетенных народов на свои правительства, сиречь господствующий класс, буржуазию—может легко отдать рикошетом по буржуазии страны, ведущей эту работу, а шире беря—по капиталистическому строю.

Опыт России, ее революции у всех буржуазных стран стоит как грозное предостережение. Но, конечно, буржуазия в пылу своей борьбы с конкурентом ставит все на карту и не в состоянии отказаться от такого сильно действующего оружия, как взрыв, поражение тыла страны противника.

Буржуазия приэтом играет с огнем, и эта игра льет воду на мельницу революционного движения. В конце концов буржуазия попадет под жернова этой мельницы.

О нейтральных странах. Правильнее, конечно, говорить о нейтральных странах в кавычках, потому что, в формах ли дипломатической, экономической и разведывательной деятельности, каждая «нейтральная» страна принимала участие в войне на стороне той или другой воюющей страны. К обоюдной выгоде или с молчаливого согласия «нейтралов» шло использование тех возможностей, которые давало в руки воевавшей страны положение ней-

---

[1] Лемке, 250 дней в царской ставке.

тральных государств. Это относится в частности и к использованию возможностей для политической работы.

Приведем несколько документов, рисующих эту область работы.

Работа Германии.

«Летом 1916 г. верховное командование предъявило правительству требование создать твердую организацию пропаганды. После преодоления многих препятствий, особенно со стороны Министерства иностранных дел, в июле при последнем был организован Военный отдел.

Наряду с этим отделом, задуманным с чисто военными целями (?!), Министерство иностранных дел обещало создать для экономической и политической пропаганды подобные же учреждения. Только на этих условиях начальник штаба действующих армий основал Военный отдел. Все три отдела должны были, по директиве Министерства иностранных дел, вести широкую активную пропаганду, переходящую в наступление против пропаганды Антанты и не ограничивающуюся, как прежде, слабым отпарированием неприятельской лжи. К сожалению, политическая и экономическая пропаганда Министерства иностранных дел ограничилась работой в прессе и изданием брошюр; большей частью эта работа выливалась лишь в воздействие на газеты путем опровержений и объяснений политических событий и использование неприятельских промахов. Это было каплей в море и не имело никакого значения.

В Военном отделе Министерства иностранных дел полковник фон-Гефтен постепенно создал большую организацию. Она была подчинена верховному командованию, но финансировалась главным образом Министерством иностранных дел, которое получило за это право совместного обсуждения и установления основных директив; этим своим правом Министерство иностранных дел, надо сказать, совершенно не воспользовалось.

С помощью слов и иллюстраций, а главным образом путем фильм полковник фон-Гефтен старался укрепиться в нейтральных странах.

Устной пропаганде придавалось главное значение. Передача новостей от одного к другому—самое опасное, а потому и самое лучшее средство пропаганды. Мысль висит в воздухе, а откуда она—никто не знает.

Пропаганда иллюстрациями и фильмами облегчалась благодаря созданию графического отделения и управления плакатов и фильм, в дальнейшем—Всеобщего акционерного о-ва «Фильма». Фильма является прекрасным воспитательным средством для народа, и полковник фон-Гефтен

намеревался применять ее и после войны, его военная организация имела это ввиду. Картина и фильма, а также графическое изображение в форме плаката действуют настойчивее и резче, чем письменное слово, и потому сильнее влияют на массы.

Наряду с этим шла печатная пропаганда при помощи телеграмм, радио и корреспонденций, пропаганда брошюрами и докладами, а также работа через бюро нейтральных военных корреспондентов. В первую очередь полковник фон-Гефтен пытался путем быстрой передачи информации пробраться во вражескую нам печать нейтральных стран.

Художественная пропаганда также поощрялась. В этом направлении мы, может быть, переусердствовали. Министерство иностранных дел придавало ей особенное значение и пользовалось ею еще раньше.

При посольствах нейтральных и союзных стран, а также в оккупированных областях на Востоке полковник фон-Гефтен создал свои органы—военные заграничные бюро, которые обрабатывали и распространяли материал, полученный из центра, в духе, соответствующем особенностям данной страны. Они работали в полном согласии с послом»[1].

Работа в Англии.

«Появился Информационный отдел Министерства иностранных дел под начальством Джона Бьюкэна, но лишь к февралю 1918 г. выросла вся организация в особое «Министерство информации», под руководством лорда Бивербрука. Его сотрудниками по этой работе были: брат Нортклифа, лорд Ротермир и ряд известных писателей, как Арнольд Беннет, Эвелина Ренч и др. Особые лица ведали работой по отдельным странам, например Франции, Италии, России, Швеции, Голландии и др.; два раза в неделю происходили совещания, на которых начальники отделов обменивались своим опытом и получали директивы. Одним из главнейших мероприятий этого министерства... было немедленное создание особой организации, которая ставила себе целью разъяснение целей войны внутри страны и объединение всех партий в их осуществлении—«Национальный комитет целей войны». Другому отделу был поручен прием гостей из британских доминионов, стран Антанты и нейтральных, которых, естественно, чествовали достаточно для того, чтобы они покидали страну с благоприятным впечатлением. Так же основательно была организована кинореклама, снимки боевых действий или театра военных дей-

[1] Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне, т. I.

ствий, подобранные с таким расчетом, чтобы выставлять в нужном освещении британскую помощь и доблесть британских войск и командования, распространялись по всему миру вплоть до крошечных деревушек и поселков. Эти фильмы давались бесплатно и поэтому охотно брались.

Для обслуживания местностей, где не было кинотеатров, как, например, в некоторых частях Италии, создавались специальные передвижные кино на грузовых автомобилях, снабженные всем необходимым для устройства киносеанса.

Как ответвление этого «Министерства информации» под руководством лорда Нортклифа был создан специальный Институт пропаганды для обработки Германии, Австро-Венгрии и Болгарии. В этом случае в английском сообщении выдаются кое-какие секреты: в противоречие с первоначальным положением, будто бы все эти учреждения созданы лишь для противодействия аналогичным немецким и позже последних, говорится, что лорд Нортклиф в октябре 1914 г. первый составил и отпечатал листовки для распространения среди немецких войск на фронте» [1].

Работа Германии в нейтральных странах.

Очень интересным является приводимое ниже описание, хотя и весьма тенденциозное, работы Германии в Америке (до вступления последней в войну). Описание принадлежит бывшему германскому послу в С.-А. С. Ш. Бернстдорфу.

«Так как доктор Дернбург [2] застрял в Нью-Йорке в невольном плену, он начал писать статьи для газет по вопросам Мировой войны... Его работы имели совершенно исключительный пропагандистский успех. Редакции газет и разных периодических изданий наперебой предлагали ему место на своих столбцах.

Из этой работы, в согласии с Министерством иностранных дел, развилось Прессбюро д-ра Дернбурга в Нью-Йорке. Доктор Дернбург мог, как лицо частное, свободно высказывать многое такое, что было неудобно официально высказывать и поэтому не могло исходить от меня.

Поэтому я считал целесообразным, чтобы, вопреки имевшимся предложениям, д-р Дернбург не имел касательства к посольству, ибо это служило бы только препятствием в его деятельности.

Кроме общего руководства Прессбюро на д-ре Дернбурге лежало еще составление статей для журналов и разъ-

---

[1] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.

[2] Организатор и руководитель немецкой пропаганды в С.-А. С. Ш.

ясняющих писем в газеты. В дальнейшем он произносил речи в американских и немецких кругах, отчасти и вне Нью-Йорка.

По всем вопросам пропаганды д-р Дернбург имел небольшой аппарат, который состоял, кроме гг. Альберта, Менер-Гергарта и Фуэра, из нескольких американских журналистов и купцов. Дернбург проводил один-два раза в неделю конференции с этими лицами, обсуждая на них основные вопросы предстоящей пропаганды.

Ветвью нашей пропаганды было и кинодело, для которого было создано весьма работоспособное общество. Вначале оно работало как агентство по распространению произведенных в Германии фильм. Так как оттуда поступал мало подходящий для американского рынка товар, то акц. общ. «Фильма» начало посылать в Германию и Австрию собственных агентов, чтобы производить там киносъемки. Этим путем был произведен ряд съемок больших драм, которые, будучи показаны в сотнях американских кинотеатров, имели большой успех. Все же это предприятие закрылось, главным образом по причине недостаточной помощи немецкого военного командования» [1].

В этом же духе в той же Америке и ряде других стран действовали и страны Антанты. Укажем, например, на изданную на антантовские деньги в Цюрихе (Швейцария) книгу «Положит ли война конец немецкому милитаризму?» некоего Н. Ангелл (1915 г., изд. Рашер и К° в Цюрихе).

Работа в нейтральных странах в общественных формах.

Наиболее излюбленным способом использования нейтральных стран является создание в последних «общественных» организаций, которые, будучи вполне «независимыми» от создавших их стран, всю свою деятельность направляют на поддержку, защиту, восхваление этих стран и на очернение, подрыв авторитета и экономических интересов противных стран.

Вот пример такого использования «общественного» мнения в нейтральных странах.

От имени «группы американских граждан» распространяется следующее воззвание.

«Воззвание к немцам-американцам в Соединенных штатах.

Немецкие американцы! Мы к вам обращаемся на том языке, на котором вы лепетали первые слова: на вашем родном языке...

---

[1] И. Бернстдорф, Германия и Америка. Воспоминания из пятилетней войны, 1920, изд. Ульштейн и К°, Берлин.

Когда несколько лет тому назад некий американец убил другого, привив ему холеру, никто так не возмущался, как Америка. Но что это преступление заблудшего человека по сравнению с сознательным расчетом на массовое убийство руками ваших поставщиков огнеприпасов [1].

Если ваши миллиардеры признают только того бога, которого они изображают в цифрах и числах, то спросите их, сколько они еще хотят себе раздобыть грязных денег?» и т. д.

Вывод—агитируйте за Германию, протестуйте против торговли снарядами, опровергайте наветы Англии на Германию и т. д. Подпись: ряд граждан Америки.

Способы воздействия на армии противников.

Буржуазным армиям не чужды были методы непосредственного воздействия на солдат противников путем разбрасывания листовок, открыток и т. д.

Приводимые ниже первые четыре описания, взятые из немецкого источника, надо брать осторожно, помня их тенденциозность. Ведь по Штерн-Руберту такие способы—антиморальны.

1.

«Военный подотдел, подчиненный Военному министерству, поставлял листовки для сбрасывания с аэропланов, летающих над немецкими линиями, также гораздо раньше того момента, когда, согласно официальным источникам, началась «оборонительная» английская пропаганда.

После угрозы Германии расстреливать летчиков за распространение летучек аэропланы были заменены бумажными воздушными шарами» [2].

2.

«Для пропаганды при помощи воздушных шаров, которые систематически, изо дня в день перебрасывали в огромном количестве через фронт военные известия Антанты, карты фронта и т. д., были созданы бесстыдные, позорные подражания германским фронтовым газетам, например «Heer und Heimat» (с головой кайзера на заголовке), чтобы побудить к чтению невинные умы» [3].

3.

«Полевая почтовая карточка, вполне соответствующая немецкой по своей лицевой стороне, расположению и тексту,

---

[1] Необходимо иметь ввиду, что эти поставщики работали (речь идет о периоде до вступления Америки в войну) преимущественно на Англию.

[2] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.

[3] Штерн-Руберт, Та же книга.

напечатанная немецкими буквами. Прибавлено только одно предложение:

«Для немецких солдат, взятых в плен американской армией».

На обороте напечатано:

«Подними эту открытку, напиши на ней адрес своей семьи и, если ты будешь взят в плен американцами, отдай (!) ее первому офицеру, который будет тебя спрашивать. Он сочтет своим долгом послать ее и таким образом успокоить твоих близких.

Не пиши ничего на этой стороне.

Зачеркни то, что для тебя не подходит.

Я в плену (легко ранен, тяжело ранен, невредим).

Не тревожьтесь обо мне, для меня война окончена. Кормят меня хорошо» [1].

4.

«Сазонов просил Алексеева выслушать проект Вашбурна о доставлении ежедневно на передовые позиции последних воееных новостей, рисующих нашу и союзническую работу, и о разбрасывании с аэропланов и другими способами открыток с картин Верещагина и др. из эпохи 1812 г., чтобы напугать немецких солдат предстоящей им зимней кампанией. Министр приложил и несколько открыток с текстом, составленным Вашбурном» [2].

5.

«Могучий толчок против дисциплины в немецких войсках будто бы дало далее распространение американских приказов ввиде прростых копий (но, естественно, выпущенных специально с этой целью): «В обращении с пленными должно свято соблюдаться естественное и международное право. Им должно оказываться внимание, диктуемое принципами человечности. По отношению к военнопленным надо вести себя как подобает великодушному и рыцарскому народу» [3].

Наиболее интересной является работа комитета Нортклифа. Этот комитет уделял особенное внимание технике работы в странах противников. Листовки печатались в 100 тысячных тиражах, доставка их на фронт была прекрасно организована—48 часов от момента составления листовки в Лондоне до разбрасывания их над немецкими окопами. Не стесняясь, распространялись подложные «немецкие» проповеди, «немецкие» газеты; подкупались нейтральные газеты, спекулировали на своих демократических завоеваниях.

---

[1] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики,

[2] Лемке, 250 дней в царской ставке.

[3] Штерн-Руберт, Та же книга.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Социал-шовинисты и война.

1914 г.—исторический экзамен для социалистических партий. «Провалившись» безвозвратно на этом экзамене, оппортунисты начали катиться по наклонной плоскости. И ныне (в 1928 г.) докатились до таких низин и болот, о которых в 1914 г. трудно было предполагать. Вот почему может возникнуть вопрос—имеет ли сегодня ценность изучать то, что делали, как предавали рабочий класс социал-шовинисты? Ибо «детскими» шалостями кажется сегодня многое из того, что творили они в 1914 г.

И все же нам нужно присмотреться к этим «шалостям». Опыт 1914—1918 гг.—это иллюстрация практики предательской работы оппортунистов. Правда, будущая война толкнет их еще дальше. Свидетельство этому—вся политическая линия, проводимая оппортунистическими партиями сейчас. Но чтобы знать, чего практически следует ждать, и чтобы подготовиться, как разоблачать их,—считаем полезным дать читателю ряд материалов, помогающих на опыте прошлого разобраться в предстоящей предательской работе оппортунистов в связи с буржуазными, империалистическими войнами будущего.

Приэтом надо помнить, что слова социал-соглашателей всегда расходятся с их делами.

Недаром «известный германский социал-демократ Игнатий Ауэр, один из лидеров германского оппортунизма, после того как Эдуард Бернштейн выпустил, по выражению Плеханова, свою «дрянную книжонку», ставшую евангелием международного оппортунизма, сказал ему: «Дорогой Эде, ты осел, ибо такие вещи не говорят, а делают» [1].

Объяснение колоссально глубокого падения социал-демократии, приведшего к краху II Интернационала, мы находим в следующих словах Ленина:

«Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной

---

[1] Отто Бауэр, История австрийской революции (из предисловия к русскому изданию).

легальности в раболепстве перед ней, создавая маленький слой бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелкобуржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. Приэтом военные власти повсюду ввели военные положения и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии» [1].

Чего ждала буржуазия от социал-демократов.

«Приходится только удивляться той ненависти социал-демократов, которую они питали к армии в ее современной организации и к так называемому милитаризму.

Убежденный социал-демократ захлебывается от злости, вспоминая о ненавистном времени своей военной службы и о своих недавних начальниках. *По крайней мере так всегда бывает на публичных собраниях»* [2].

В 1914 г. буржуазия вздохнула свободно.

Профессор Ганс Дельбрюк в своих «Прусских ежегодниках» в сентябре 1914 г. говорит следующее:

«Весь набор антигосударственных фраз разлетелся (голосование социал-демократии 4 августа 1914 г.), как дым, «международный пролетариат» оказался просто мифом; в один момент маска была сорвана, и оказалось, что она закрывала *честное лицо немецкого рабочего*, не желавшего ничего иного как сражаться бок-о-бок с остальными соотечественниками, когда родина призвала его к тому... Мы не только должны благодарить социал-демократов за то, что они отбросили в сторону всю программу и пошли вместе с нами под общим знаменем,—мы должны еще понять, какие *огромные заслуги* они оказали непосредственно своими организациями. Представим себе, что у нас не было бы этих больших рабочих организаций и что все эти миллионы противостояли бы государству, как отдельные индивидуумы. Тогда легко можно себе представить, что среди них оказалось бы немало таких, которые остались бы в стороне от всеобщего движения и оказали

---

[1] Н. Ленин и Г. Зиновьев, „Социализм и Война". Собр. соч. Ленина, т. XIII, стр. 103.

[2] Ген. Лебель, Как противодействовать социалистической пропаганде в армии, 1907. Последнюю фразу мы нарочно выделили курсивом, чтобы обратить внимание читателей на неприкрытую иронию генерала. *(Ф. Б.)*

бы пассивное, а то и активное сопротивление призыву в армию. До 1870 г. мобилизация во многих местах сопровождалась применением насилия, это имело место даже в 1913 г.; а на этот раз не произошло ничего подобного. И причина этого в том, что в настоящее время каждый германец, так сказать, организован и слушается своей организации; и раз эти организации действуют заодно с государственной властью, то и создается та грандиозная мощь, которая проявилась перед нами во время этой мобилизации» [1].

Выступления II интернационала.

Заседание Интернационального социалистического бюро в Брюсселе 29/VII 1914 г.

Это заседание происходило после вручения австро-венгерского ультиматума Сербии (23/VII 1914 г.) и после перерыва дипломатических сношений между обоими государствами (25/VII), за которыми последовало (28/VII) объявление войны со стороны Австро-Венгрии.

Относительно заседания мы имеем следующие отчеты:

«Собрание рассмотрело политическое положение, созданное последними событиями, и коснулось содержания докладов и прений по докладам делегатов, прибывших из стран, охваченных войной или угрожаемых ею. Единогласно оно постановило не откладывать конгресса, который должен состояться в Вене 23 августа, но, напротив того, приблизить эту дату. По предложению германских делегатов и при живом одобрении делегатов французских было решено созвать конгресс в Париже 9 августа, сохранить порядок дня, выработанный для Вены, и во главу обсуждения поставить вопрос: «Война и пролетариат».

Интернациональный митинг в Брюсселе.

На интернациональном митинге в Брюсселе, 29/VII 1914 г., Гаазе заявил: «Австрия одна виновата в войне»,—и к этому добавил:—«Повидимому, Австрия рассчитывает на Германию, но германские социалисты заявляют, что тайные договоры не связывают пролетариата. Немецкий пролетариат заявляет, что Германия не должна вмешиваться даже в том случае, если вмешается Россия. Немецкая буржуазия, напротив того, заявляет, что Германия должна вмешаться потому, что Австрия напала на Сербию. Равным образом с неменьшей логичностью и вместе с тем неменьшей нетерпимостью французская буржуазия также полагает, что

---

[1] Р. Мюллер, Мировая война и германская революция.

Франция должна вмешаться против Австрии. Французский пролетариат думает так же, как и мы. Пусть наши враги остерегутся. Может случиться, что бедные классы, испытывающие нужду и угнетение, наконец пробудятся и установят социалистическое общество. Вчера в Берлине тысячи и тысячи пролетариев протестовали против войны с криками: «Да здравствует мир! Долой войну!»

Жорес (на том же митинге) критиковал дипломатию, в особенности австрийскую и германскую, и затем продолжал:

«Для нас, французских социалистов, наши обязанности просты: нам не нужно побуждать наше правительство к политике мира. Оно осуществляет ее. Я, который никогда не колебался навлечь на свою голову ненависть наших шовинистов своим постоянным стремлением к франко-германскому сближению, имею право сказать, что в настоящий момент французское правительство желает мира и работает над его сохранением. Французское правительство является лучшим союзником мира и союзником того достойного удивления английского правительства, которое приняло на себя инициативу посредничества. Следует лишь дать России советы благоразумия и терпения. Что же касается нас, то нашей обязанностью явится настаивать на том, чтобы правительство обратилось к России с энергичным советом воздержаться от вмешательства. Но если Россия, к несчастью, не примет этого во внимание, то нашей обязанностью будет сказать: «Мы не знаем другого договора кроме того, который связывает нас с человечеством» [1].

Германские социалисты и война.

1.

«Сознательный пролетариат Германии во имя человечности и культуры поднимает голос горячего протеста против преступных натравливаний сторонников войны. Он настоятельно требует от германского правительства, чтобы оно употребило все свое влияние на австрийское правительство для сохранения мира, и, если нельзя будет предотвратить позорную войну, чтобы оно воздержалось от всякого военного вмешательства в нее. Не должна быть принесена в жертву честолюбию австрийских властителей или империалистическим интересам наживы ни одна капля крови германского солдата» [2].

---

[1] Все три отрывка из книги Грюнберга, Интернационал и Мировая война, 1919.

[2] Из воззвания германской с.-д. партии (25 июля 1914 г.).

2.

Магическая палочка буржуазии начала действовать. Объявление военного положения—и «социалистические» декорации начали падать.

Вот что сказано было 31 июля 1914 г., т. е. через шесть дней после вышеприведенного (сокращенного) воззвания:

«Товарищи.

Объявлено военное положение. Ближайший час может принести уже известие о начале Мировой войны. Наступает тяжелое испытание не только для нашего народа, но и для всей нашей части света.

Международный пролетариат выполнил свой долг до последней минуты по сю и по ту сторону наших границ, стремясь к сохранению мира и избежанию войны. И если наши серьезные протесты, если наши многократно повторявшиеся усилия остались безрезультатными, то это потому, что обстоятельства, под действием которых мы живем, оказались сильнее, чем наша воля и воля наших братьев-рабочих. В настоящую минуту мы должны мужественно смотреть в глаза тому, что может произойти.

Ужасающее самоизбиение европейских народов является жестоким подтверждением того, о чем более полувека мы твердили, хотя и тщетно, господствующим классам.

Товарищи, мы не должны переживать грядущих событий с фаталистическим равнодушием. Мы останемся верными нашему делу, будем тесно держаться друг за друга, полные сознания важности нашей культурной миссии.

На женщин в частности, которым выпадает вдвойне или втройне тяжелая доля, возлагается задача работать в духе социализма за высокие идеалы человечности, чтобы эта война оказалась последней и чтобы повторения такого неизреченного несчастья не было в будущем.

Строгие постановления права войны с ужасающей остротой поражают рабочее движение. Необдуманные, бесполезные и ложно понимаемые жертвы вредят в настоящий момент не только отдельным лицам, но всему нашему делу.

Товарищи, мы требуем от вас терпеливо ждать в непоколебимой уверенности, что будущее, несмотря на все, принадлежит сливающему народы в братство социализму, справедливости и человечности.

Берлин, 31 июля 1914 г. Комитет партии».

3.

Дальше—покатились по наклонной плоскости. Редакция «Vorwärts» опубликовала 1 августа следующее предупреждение:

«К нашим товарищам.

Изменившееся политическое положение, о котором мы подробно говорим в другом месте нашей газеты, требует известной осторожности также и в личных сношениях. Уже за последние дни на различных собраниях наших товарищей можно было заметить многочисленных шпионов, и можно ожидать, что в будущем будет обращено еще большее внимание на заявления наших друзей. Рекомендуется, чтобы наши товарищи, наложив на себя вполне понятное ограничение, проявляли известную осторожность и при устном высказывании своих политических убеждений, как того требует положение вещей.

Мы, социал-демократы, во время мира сделали все, чтобы отвратить ужасный рок народной бойни.

До последнего момента мы стояли на страже мира. Напрасно. Капиталистические вожделения и алчная пасть проклятых натравителей на войну разрушили мир. Мы будем каждый день войны помнить о нашей священной цели мира. Но работа на пользу общего мира теперь прерывается. Приходят другие заботы.

Над всем господствует один вопрос: хотим ли мы победить?

И наш ответ гласит: да. Этот ответ отнюдь не является совершенно естественным для социал-демократов всех стран. Может представиться такое положение, в котором вопрос о победе или поражении окажется безразличным перед более высокой задачей уничтожения невыносимого деспотизма.

Таково положение наших русских товарищей, которые без всякого внимания к войне должны продолжать борьбу против царизма. Может быть, им скоро удастся поднять знамя республики над обломками разбитого царского трона. Это было бы на пользу общего мира. Мы, немцы, не находимся в таком положении. Конечно, мы могли бы также жаловаться на то, что нам не дают полных политических прав, что нам отказывают в социальной справедливости. Нас презирали, преследовали и выставляли как людей, лишенных отечества, в то время как мы самым горячим и честным образом стремились к Германии.

Но несмотря на все, что нам было сделано, в этот момент мы все сознаем нашу обязанность прежде всего бороться против господства русского кнута. Немецкие жены и дети не должны стать жертвами русских жестокостей, германская земля не должна стать добычей русских казаков. Если Германия окажется побежденной, то не английский губернатор или французский республиканец, а русский царь станет господ-

ствовать на ней. Поэтому в настоящий момент мы защищаем все, что дано германской культурой и германской свободой, против ничем не стесняющегося и варварского врага. Наши товарищи пойдут в борьбу не с возгласами «ура» и не с чувством ненависти против русских рабочих, не с богом за короля, но за немецкую свободу и за независимость немецкого народа, с ясным сознанием своего долга перед отечеством, в чем их не перещеголяют нынешние патриоты на словах.

Для оставшихся открывается столь же великая задача. Они должны сохранить партию единой и укрепить ее для борьбы к заключению мира. Товарищи на фронте будут бороться за то, чтобы Германия сохранилась на будущее время, так как поражение Германии означало бы ее раздробление и уничтожение».

4.

Так как рейхстаг был созван на 4 августа, то социал-демократическая фракция собралась на заседание днем раньше и выработала постановление: «голосовать за требуемые правительством кредиты и мотивировать свое постановление прочтением декларации».

Относительно прений на этом заседании имеются отчеты двух участников его—Эдуарда Бернштейна и Карла Каутского.

Бернштейн сообщает:

«Положение в Германии было таково. Было твердо установлено, что Россия первая начала по крайней мере официальную мобилизацию, а официальная мобилизация есть угроза войной. На обращенный германским правительством ультиматум, срок которого был продлен до 5 часов пополудни 1/VIII, русское правительство, по заявлению Белой книги, опубликованной имперским правительством 3/VIII, вовсе не дало ответа. На ультиматум, обращенный к Франции, по словам того же источника, французское правительство дало ответ, звучавший не очень сочувственно в ушах социалистов, а именно, что Франция поступит так, как того требуют ее интересы. Таким образом, Франция и Россия являются теми странами, которые открыли враждебные действия военного характера. На Востоке и на Западе, согласно официальным сведениям, находятся солдаты ныне враждебных стран на германской территории.

Имея 4/VIII перед глазами такие сведения, парламентская фракция германской социал-демократии должна была решить, следует ли ей дать свое согласие на требуемые германским правительством для ведения войны кредиты или

нет. Думаю, что я не окажусь виновным в нескромности, если замечу, что при обсуждении этого вопроса едва ли был затрагиваем австро-сербский конфликт, послуживший толчком к положению войны,—настолько мобилизация и известия об открытии враждебных действий отодвинули на задний план все другие точки зрения. Для значительного большинства фракции речь шла только о том, чтобы выяснить, должны ли мы, партия, представляющая одну треть германского народа, которому предстоит теперь защищать всю страну, должны ли мы отказать воинам и их семьям в средствах обеспечения и защиты их семей, когда враг уже вступил в нашу страну, и притом главный враг, каким считается Россия. Это казалось невозможным тем, которые ставили вопрос таким образом. Меньшинство, напротив, спрашивало себя, подобает ли отпускать средства на такую войну, о непосредственно предшествующей истории которой мы имеем лишь односторонний отчет и которая притом является проявлением такой политической системы, против каковой социал-демократия всегда боролась с величайшей энергией. Признавать кредиты на такую войну означало бы, по их мнению, для социал-демократии впадать в противоречие с собою же самой и могло бы произвести на рабочих других стран наихудшее впечатление, а в Интернационале создать величайшее замешательство.

Этот последний взгляд, однако, при голосовании во фракции не смог собрать более одной шестой или одной седьмой всех голосов. Шесть седьмых фракции голосовали вместе с докладчиком, который высказался за ассигнование кредитов. Заранее было постановлено во всяком случае голосовать в рейхстаге единогласно, чтобы это заседание от 4/VIII 1914 г. показало, что социал-демократия вместе с буржуазными партиями одобряет кредит в 5 млрд. марок на военные цели, и таким образом представительство немецкого народа представится для враждебных стран единым фронтом».

5.

Декларация с.-д. фракции о мотивах голосования за военные кредиты (4/VIII 1914 г.).

«Мы находимся перед роковым часом. Последствия империалистической политики, благодаря которой наступила эра вооруженного соперничества и обострилась рознь между народами, бурным потоком обрушились на Европу. Ответственность за это падает на руководителей этой политики, мы отклоняем ее от себя. Социал-демократия боролась всеми силами с этим роковым устремлением и еще в последние часы своими заявлениями во всех странах, в полном согла-

сии с французскими товарищами, работала для сохранения мира. Ее усилия остались напрасными.

Теперь мы стоим перед железным фактом войны. Нам грозят ужасы враждебных нашествий. Мы должны теперь голосовать не за войну или против нее, а решать вопрос об отпуске средств, необходимых для защиты страны.

Здесь нам приходится вспомнить о миллионах товарищей, которые без вины вовлечены в это роковое дело. Их сильнее всего коснется опустошительное действие войны. Наши горячие пожелания сопровождают наших призванных под знамена братьев, без различия их партийной принадлежности.

Мы вспоминаем о матерях, которые должны отдать своих сыновей, о женах и детях, которые лишаются своих кормильцев и у которых к страху за своих любимых примешивается ужас грозящего голода. К ним скоро присоединятся десятки тысяч раненых и искалеченных воинов. И мы считаем своей настоятельной задачей быть с ними, облегчить их участь, ослабить их невыразимую нужду.

Для нашего народа и его свободной будущности очень многое поставлено на карту в случае победы русского деспотизма, который запятнал себя кровью лучших сынов своего народа. Необходимо предотвратить эту опасность, обеспечить культуру и независимость нашего собственного отечества. Поступим же так, как мы всегда заявляли: мы не оставим отечества в час опасности. Мы сознаем себя действующими солидарно с Интернационалом, всегда признававшим право каждого народа на национальную самодеятельность и самозащиту, и точно так же в согласии с ним мы осуждаем всякую завоевательную войну.

Мы требуем, чтобы войне был положен конец, как только будет достигнута цель защиты и противник будет склонен к миру, и будущий мир должен обеспечить возможность дружеского сожительства всех народов. Мы требуем этого в интересах не только постоянно отстаивавшейся нами международной солидарности, но также и в интересах германского народа.

Мы надеемся, что жестокая школа страданий войны пробудит в миллионах новых людей отвращение к войне и обратит их к идеалу социализма и всеобщего мира.

Руководясь этими пожеланиями, мы будем голосовать за требуемые кредиты» [1].

---

[1] Грюнберг, Интернационал и Мировая война.

6.

Из „Arbeiter Zeitung", 5/VIII 1914 г.

«Один за другим голосовали все немецкие социал-демократы за заем. Как и вся интернациональная социал-демократия, так и наша имперско-германская партия, этот перл организации сознательного пролетариата, является горячей противницей войны и страстной приверженницей согласия и солидарности народов. И она не оставила неиспользованною ни одной попытки предотвратить Мировую войну, которая прежде всего явилась войной против германизма, она хотела избавить человечество от ужасного землетрясения. И, конечно, не ее виной является, если Германская империя и вместе с нею весь европейский мир испытал наказание войною. Но теперь, когда наше немецкое отечество оказывается в опасности, когда независимость нашего народа находится под угрозой, социал-демократия выступает на защиту родины, и те «лишенные родины товарищи», «красная рота», как их когда-то попрекал кайзер, несут государству добро и кровь трудящихся масс. Рабочие не вспоминают о том презрительном отношении, которое проявляло к ним прусское юнкерское государство, о тех бесчисленных несправедливостях, издевательствах и преследованиях, которые изо дня в день совершались над ними,— они думают только о любимом немецком народе, который находится в нужде и нуждается в силе рабочих; бесстрашно и мужественно они встают на его защиту. Они не торгуются и не спорят, и никогда политическая партия не поступала более возвышенно, чем теперь немецкая социал-демократия, которая показала себя достойной переживаемого ныне, необычайно серьезного момента.

И вот германский народ единодушно выступает на борьбу за сохранение своего государственного и национального существования. На другой стороне мы видим жалкие рассуждения, барышнические коалиции, лишенные в своей основе всякой нравственной идеи. Здесь же единый, сильный и одушевленный народ; мировая история повернет свое течение вспять, если немцы не получат своего права» [1].

7.

«Запросы консервативной и социал-демократической фракций о целях войны побудили Бетман-Гольвега (канцлера) выступить 15 мая 1917 г. со следующим заявлением: программное выступление не соответствует в данный мо-

[1] Грюнберг, Интернационал и Мировая война.

мент интересам страны; он не находится под влиянием какой-либо партии; он подчиняется только немецкому народу.

В дебатах Шейдеман высказал, что если правительством будут официально приняты «всегерманские цели войны», то скрепы разойдутся, и мы будем иметь революцию». А потому: «Принято постановление о несвоевременности декларирования военных целей»[1].

8.

«Перед нами лежит центральный орган германской социал-демократии, и в нем мы читаем небольшую официальную заметку:

«Уполномоченные центральные инстанции рекомендуют организациям в нынешнем году, ввиду особых условий, отказаться от прекращения работы в день 1 мая. Ввиду этого газеты 1 мая выйдут. Майские взносы не будут взиматься. Где удастся найти залы для собраний, рекомендуется вечером устраивать собрания членов. Особого майского издания в этом году выпущено не будет»[2].

Австрийские социалисты.

1.

«Рабочие и товарищи![3]

В необычайно серьезное время мы обращаем к вам, товарищи, наше слово. Опасность военных осложнений с Сербией стоит за нашей спиной, и, быть может, еще раньше чем кончится день, когда наше обращение дойдет до вас, война уже разразится. Австро-венгерское правительство переслало в Белград ультиматум, последнее слово, на которое должен быть дан ответ к субботе к 6 часам вечера, иначе наступит кровавое решение при помощи смертоносного оружия. На тонких нитях держится сохранение мира, и если эта нить порвется, если Сербия не примет условий, диктуемых ей Австро-Венгрией, то война налицо, война со всеми ужасами и горестями, страданиями и сокрушениями. И так как наиболее страшные последствия войны падают именно на широкие массы, то это решение является ставкой на кровь и счастье народа.

Должно ли это случиться? Мы, социал-демократы, представители трудящегося народа, не закрываем глаза на ту тяжкую неправду, которую учинили сербские властители по отношению

[1] „Историко-политический ежегодник“ (нем.) за 1917 г.
[2] Г. Зиновьев, Собр. соч., т. V, стр. 66.
[3] Воззвание немецкой с.-д. партии Австрии 25/VII 1914 г.

к Австрии. Отвергая с точки зрения наших принципиальных оснований всякие низкие насильственные акты, мы осуждаем сараевское убийство и тем самым осуждаем также и тех, которые являются его соучастниками. Мы признаем, что Австро-Венгрия имеет право требовать от сербского правительства преследования участников войны; мы понимаем, что Австро-Венгрия может потребовать от Сербии гарантий того, чтобы был положен конец тайным подкапываниям под безопасность и спокойствие австрийского государственного союза, чтобы сербские правители перестали наконец равнодушно относиться к агитации в пользу отторжения от Австрии различных областей. Но мы убеждены, что против этих требований Австро-Венгрии, которые освящены международным правом, сербское правительство не стало бы и не могло бы возражать. Мы убеждены, что все то, чего желает достигнуть Австро-Венгрия в интересах защиты своей государстственности, все это было бы и может быть достигнуто мирным путем и что не имеется никакой государственной необходимости, которая побуждала бы Австрию из уважения к себе как к великой державе покинуть путь мирного соглашения. Поэтому мы заявляем от имени рабочего класса как представители немецких рабочих Австрии, что мы не принимаем на себя ответственности за эту войну, что ответственность за нее и за все те ужасающие последствия, которые она может повлечь, мы возлагаем на тех, которые измыслили, поддерживали и развивали роковой шаг, поставивший нас лицом к лицу с войной».

2.

«Рабочие и работницы. Товарищи! [1]

Народы Австрии стоят на пороге громадных событий. Австрия находится перед началом войны со всеми ее бурями.

Социал-демократическая рабочая партия Австрии уже втечение шести лет предупреждала об этой ужасающей опасности. Втечение шести лет она делала все, бывшее в ее силах, для того чтобы сохранить народам великое благо мира. Сегодня мы видим, что силы, толкавшие к войне, оказались выше наших.

В этот момент наше первое приветствие обращается к солдатам, наши самые горячие пожелания обращаются к тем рабочим, которые призваны под знамена. Мы надеемся, что им удастся не испытать наихудшего. От глубины всего сердца желаем мы им скоро и невредимо вернуться в нашу среду, вернуться в наши ряды для борьбы за освобождение рабочего класса.

---

1 Воззвание немецкой с.-д. Австрии 28/VII 1914 г.

Военная карикатура. „Верден! Незабываемая дата в славе кронпринца“!

Наше второе слово обращается к вам, товарищи и товарки, которые остались в кругу гражданской жизни.

История учит нас, что войны вызывают всегда великие перемены во внутренней жизни государств и народов. Война создаст новую Австрию. Она значительно изменит условия нашей борьбы. Вооружиться и остаться вооруженным и после войны—является нашей важнейшей задачей.

Поэтому вашей обязанностью в эти часы является сохранение наших организаций. Разрушение наших органи-

заций выдало бы нас головою после войны нашим хозяйственным и политическим противникам. Конечно, исключительное положение, введенное правительством во всей Австрии, заключает нашу деятельность в тесные границы. Но наша общественно-кружковая жизнь, поскольку она не будет затем ограничена могущими быть изданными в силу исключительного положения законодательными постановлениями, еще не затронута. Наши союзы должны продолжать свою деятельность. Уполномоченные должны продолжать свою работу. Когда уполномоченный призван на военную службу, его место должен заступить его заместитель. Следует избегать всего того, что может дать правительству основательный повод к закрытию или ограничению наших организаций. Следует тщательно соблюдать издаваемые властями в силу полномочий, предоставляемых им исключительным положением, обязательные постановления, в частности—постановления о заявке обо всех устраиваемых собраниях. Следует указать товарищам, чтобы они избегали всяких неосторожных слов, которые могут стоить всяких тяжких жертв, и чтобы они остерегались сыщиков и шпионов.

Особенно тяжелая задача выпадает для нашей печати. Исключительное положение ставит очень тесные пределы свободной критике, к которой мы привыкли. Тем важнее, чтобы наши товарищи остались верными нашей печати, чтобы сохранить нетронутым этот важный орган ежедневного общения между нами.

Исполнительный комитет с.-д. рабочей партии Австрии».

Французские и бельгийские социалисты.

27 июля 1914 г., непосредственно перед объявлением Австро-Венгриею войны Сербии, «La Bataille Syndicaliste» поместила следующие воззвания:

1.

«Проснитесь, граждане Парижа! Помешайте войне своим энергичным поведением. Приходите все на бульвары сегодня вечером».

2.

Там же:

Ответ шовинистам. Сегодня вечером на бульвары!

«Не все еще окончено, еще не сделано ничего непоправимого. Но положение теперь таково, что достаточно сделать какой-нибудь неловкий или неблагоразумный шаг для того, чтобы разразилась катастрофа.

Кто смеет желать ее наступления? Какой изверг примет на себя ответственность открыть шлюзы для потоков крови? При одной лишь мысли о том, что какое-либо человеческое сердце может таить желание войны, у нас появляется краска стыда и сжимаются кулаки. Но перед непосредственно грозящей опасностью нельзя довольствоваться словами и тешить себя иллюзиями. В 1914 г. еще имеются идиоты, призывающие к убийству, резне и смерти. Кровавые бойни, избиение населения, всеобщее разорение и опустошение, разгром цивилизации—в некоторых душах, оказывается, вызывают к себе симпатию.

Дикари!

Начиная с субботы, загипнотизированная толпа бродит по бульварам с криками: «В Берлин! Да здравствует война!»

Да здравствует война. Это значит: да здравствует резня, да здравствует кровопролитие».

3.

В тот же самый день орган Густава Эрве («La Bataille Syndicaliste») опубликовал следующую статью.

На краю пропасти.

«Увы! Где наша прекрасная мечта о всеобщей международной забастовке против войны? Да, мы мечтали о том, что мы поможем народам заставить свои правительства передавать все свои разногласия на разрешение международного трибунала, мы мечтали путем угрозы всеобщим восстанием против войны спасти человечество и цивилизацию от ужасов всеобщей бойни в XX веке. Мы мечтали призвать всех угнетенных и обездоленных в тот момент, когда от них потребуют пожертвовать своею жизнью для защиты отечества, где царствуют привилегии, к повсеместному восстанию против их властителей, с тем, чтобы в конце концов основать международное отечество, где будут царствовать красота и справедливость. Но крылья наши надломились под тяжкими ударами испытаний, и каждый из нас снова повергнут на землю, на свою родную землю, с единственною лишь в данный момент заботой о том, чтобы, подобно нашим предкам, защищать ее от ужасов неприятельского нашествия.

К несчастью для человечества, наш бедный социалистический Интернационал еще не в состоянии нанести смертельный удар войне.

Однажды в небесах орел парил,
Но крылья сильный ветер ему сломил.

Итак, завтра, быть может, мы будем иметь войну с ее страшной свитою—ужасами, страданиями и подлостями.

И что за войну?

Войну ли для защиты какого-нибудь маленького народа, обижаемого более сильным? Это было бы прекрасно. Европа уже давно представляет собой глухой лес, полный разбойников, и нет ни одной великой нации, у которой руки не были бы обагрены кровью.

Эта война будет вестись не для защиты маленького сербского народа, но для спасения престижа нашего союзника—царя.

Честь нашего союзника. Честь русского правительства. От одних только этих слов Раблэ, Вольтер и Гюго должны расхохотаться на том свете. Его чести противоречит нападение на Сербию. Честь мрака. Наш союзник не был так щепетилен в вопросах чести, когда он душил Финляндию, когда он угнетал Польшу, когда он спускал свои черные своры на киевских и одесских евреев.

Биться за спасение царского престижа!—Благородный стимул для того народа, предки которого создали Великую революцию. Какое блаженство—умереть за такое великое дело.

Так вот в чем состоит союз с Россией!

Нас, граждан независимого народа,—так как мы, повидимому, независимы,—в день подписания франко-русского союзного договора уверяли в том, что имеется ввиду заключение чисто оборонительного союза».

4.

Генеральная конфедерация труда—французским пролетариям (1/VIII 1914 г.).

«Пробил решительный час.

Злые силы готовятся праздновать свое торжество. Еще мерцает слабый луч надежды, но он так мал, что необходимо предусмотреть возможность самых худших событий.

Увлекаемые в пучину, мы все-таки хотим сохранить надежду на возможность мира. До настоящего момента Комитет конфедерации оставался на своем боевом посту, ведя борьбу за мир. Еще вчера он обратился к рабочему Интернационалу как к последней инстанции. Его усилия, повидимому, не дали тех результатов, которых мы вправе были от него ожидать и на которые надеялся весь рабочий класс, но это означает, что обстоятельства оказались сильнее нас. Это означает,—и мы должны засвидетельствовать о том в этот грозный час,—что пролетариат не с достаточным единодушием проникся сознанием необходимости непрестанных усилий для того, чтобы уберечь человечество от ужасов войны».

5.

«Humanité» поместила следующий отчет о собрании, 2/VIII 1914 г., прошедшем под председательством депутатов Дюбрейля, Камелина и Губера Руже.

Дюбрейль. «Изо всех своих сил, через наши секции, объединения и нашу парламентскую группу мы работали в пользу сохранения мира. Над этой задачей трудились мы все, и более всех нас—великий человек, которого мы в настоящую минуту оплакиваем, наш товарищ Жорес, павший под ударом убийцы мучеником за дело мира. Оставаясь верным тем обязательствам, которые мы всегда признавали, мы считаем своим долгом отстаивать независимость и неприкосновенность нашей республиканской и желающей мира Франции в том случае, если она подвергнется нападению.

Но мы не забываем, с другой стороны, и того, что мы состоим членами рабочего и социалистического Интернационала. Печальная судьба насильно приводит нас к оборонительной войне. Мы поведем ее, но с единственною лишь целью обеспечить право на жизнь нашей дорогой родине—Франции, без всякой мысли о реванше и с полною решимостью с уважением относиться ко всякому чужому отечеству. В этот мрачный час, товарищи, будем бодрствовать. Поддержим наши организации и сплотимся вокруг нашей партии ради работы в настоящем и будущем».

Вальян на трибуне. «В настоящее же время социалистическая партия, французская и интернациональная, может проявить мощное усилие в пользу сохранения мира, как она доказывала это втечение минувшей недели. Ради мира она сделает все, использует все средства. Но если мир окажется невозможным, то социалистическая организация все-таки должна продолжать свою деятельность, сохранять и увеличивать свои силы, чтобы при всяком возможном случае выполнять свою мирную миссию. Социалисты выполнят одновременно свой долг патриотический и долг социалистический: если они окажутся лицом к лицу с нашествием, то они выполнят весь их долг перед отечеством, перед республикой и революцией»[1].

6.

Трогательное единение царской дипломатии и социалистов.

«В «Московских ведомостях» со слов русского посла в Бельгии, князя Кудашева, изложена история известного письма Вандервельде к русским социалистам. Приводим пе-

[1] Грюнберг, Интернационал и Мировая война.

репечатку этой, несомненно, правдиво изложенной истории по газете «День» (№ 134).

«Лидер социалистов Вандервельде,—рассказывает князь Кудашев,—был приглашен в состав кабинета министров без портфеля. В тот же день ко мне приехал военный министр и говорил, что насчет своих социалистов они уже спокойны, но их беспокоит вопрос, как поведут себя наши, русские социалисты.

— Вандервельде собирается отправить вашим думским социалистам телеграмму. Не будете ли вы любезны исходатайствовать, чтобы ваша цензура пропустила эту телеграмму?

Я отвечал, что, не зная текста телеграммы, не могу ходатайствовать. Решено было, что шеф кабинета военного министра познакомит меня с Вандервельде у себя в кабинете, и мы обсудим текст телеграммы. На другой день я познакомился с Вандервельде без помощи этого господина, в его же приемной, где нам обоим пришлось подождать несколько минут, пока шеф кабинета был занят. Речь зашла о телеграмме, и Вандервельде прочитал мне первоначальный текст ее. Она начиналась так: «Мы боремся против милитаризма и империализма...»

— К моему великому сожалению, я должен вам сказать, что такая телеграмма не пройдет. Вы призываете подданных русской имперрии бороться против империализма.

— Да ведь не русского же,—поспешно перебил он меня,—а германского, империализма воинствующего, всем угрожающего.

— А почему бы не сказать: против прусского юнкерства?

— Ах, какая прекрасная мысль! Конечно, против юнкерства!

Так телеграмма и была составлена в то время, когда шеф кабинета военного министра явился, чтобы познакомить нас. Телеграмма эта была послана и, как вам известно, получена в Петрограде» [1].

7.

Практическое сотрудничество с буржуазией.

Аппетит является во время еды.

«Сотрудничество классов имеет свою логику. Раз временный внутренний мир дал «блестящие результаты» во время войны, то совершенно очевидно, что его надо продолжать и на послевоенный период. В этом смысле говорил неоднократно Самба, настаивая на том, что «привычка

[1] Г. Зиновьев, Как Вандервельде с князем Кудашевым „обрабатывали" общественное мнение русских социалистов, Собр. соч., т. V.

к совместному действию для защиты страны должна оставить в наших душах неизгладимый след». «Мы вынесем из войны вкус к совместным действиям для развития благосостояния Франции» (речь Марселя Самба 7 апреля 1915 г. на приеме, устроенном ему Марсельской торговой палатой). В этом же духе говорил и Альбер Тома в Крезо, доказывая рабочим, что в интересах Франции «дух войны» должен пережить европейскую катастрофу. Об этом же неоднократно писал видный член социалистической фракции Александр Варрен в редактируемой им, вместе с докладчиком закона о трехлетней службе Анри Патэ, газете «Событие». На этой же точке зрения стоит и Густав Эрве, проповедующий со свойственным ему жаром уничтожение классовой борьбы, социальный мир и пр. и перекрестивший ввиду этих перспектив свою газету «Социальная война» в «Победу». Наконец в июле 1915 г. в Париже возник «Комитет социалистической пропаганды для национальной обороны», пользующийся покровительством центрального органа партии, который прямо ставит вопрос о необходимости участия во власти после войны (см. брошюру этого комитета: «Социалисты в нации и посредством нации»)» [1].

Российские социалисты.

1.

Декларация РСДРП (меньшевиков).

«Может ли российская социалдемократия оставаться безучастной перед этими грандиозными событиями, исход которых должен на много лет определить мировую историю? Конечно—нет.

И в мировых событиях теперь и в борьбе с реакцией после войны громадная роль принадлежит и будет принадлежать рабочему классу—и вследствие его численности и благодаря его организованности. Но пока он не сознает значения совершающихся событий, его роль пассивна. Только понимание всего громадного значения происходящей борьбы, что борьба идет за самосохранение, за облегчение пути к дальнейшему развитию европейского общества, его демократизации и самоопределению, а следовательно, и облегчению классовой борьбы,—только такое понимание может облегчить борьбу рабочих за улучшение своего положения, за приобретение влиятельной роли в решении вопроса внутренней и внешней политики. Только занявши

[1] М. Н. Покровский, Франция до и после войны.

определенную, вполне сознательную позицию и приняв деятельное участие в Мировой борьбе, не распылится рабочий класс среди других классов общества, а составит самостоятельную силу, которая положит на чашу весов современного общества свое целостное, организованное мнение, ибо борьба против германского империализма—лишь первый шаг по пути завоевания национального самоопределения и других требований демократии.

Поэтому российская социал-демократия в хаосе внешних событий должна занять немедленно свою определенную позицию, которая обуславливается особыми интересами рабочего класса, совпадающими с интересами всего человечества.

Совершенно очевидно, с Германией надо бороться, ее необходимо победить. И это надо сказать без всяких колебаний.

И российская социал-демократия, активно вмешавшись в события, с тем большей силой будет влиять на последующие события рука-об-руку с товарищами социалистами всего мира. По политическим условиям всей страны она не имеет возможности принять участия в управлении страной и в организации обороны подобно своим бельгийским и французским товарищам. Но в пределах всех доступных ей средств она окажет содействие в войне державам Тройственного согласия, чтобы потом, после войны иметь право и возможность принять влиятельное участие в установлении новых форм международной и своей внутренней жизни.

Участвуя в войне, голосуя все необходимые для нее кредиты, российская социал-демократия выставит следующие требования:

1. Денежные тяготы войны возлагаются на плечи имущих классов путем введения прогрессивно-подоходного и поимущественного налога и других видов прямого обложения.

2. Недопустимы дополнительные или новые косвенные налоги на предметы массового народного потребления.

3. Новые налоги должны быть введены при...[1].

4. Представители Государственной думы участвуют во всех учреждениях, расходующих народные средства на войну.

5. Так как все народности, населяющие Россию, проливают кровь за свободу и независимость общей родины, то они должны быть уравнены перед общим, для всех равным законом.

6. Приветствуя польский народ на заре его возможного национального возрождения, социал-демократия в то же вре-

[1] Дальше неразборчиво.

мя требует восстановления конституции в Финляндии и предоставления всем национальностям, населяющим Россию, свободы культурно-национального развития.

Верная своей программе, социал-демократия с тем большей энергией будет настаивать на осуществлении своих требований, направленных к демократизации государственного строя, что лишь геройскими усилиями и неисчислимыми жертвами народных масс Россия будет избавлена от нависшей над ней опасности»[1].

2.

По пути «европейских» социалистов.

«Министру Вандервельде, Бельгия.

Дорогой товарищ! До нас дошла ваша телеграмма, пропущенная военной цензурой. Мы приветствуем бельгийский пролетариат и вас, его представителя. Мы знаем, что вы, как и весь международный пролетариат, энергично противодействовали войне, когда она подготовлялась господствующими классами великих держав. Но—против воли пролетариата—война началась. В этой войне ваше дело есть правое дело самозащиты против тех опасностей, которые грозят демократическим свободам и освободительной борьбе пролетариата со стороны агрессивной политики прусского юнкерства. Независимо от тех целей, которые ставили и ставят себе великодержавные участники этой войны, объективный ход событий поставит на очередь дня вопрос о самом существовании той цитадели современного милитаризма, какой является прусское юнкерство, тяжелой пятой придавившее также и освободительную борьбу германского пролетариата. Мы глубоко убеждены, что на пути его устранения социалисты тех стран, которые вынуждены участвовать в этой войне, встретятся с главным авангардом международного пролетариата—германской социал-демократией. Но, к сожалению, пролетариат России не находится в том положении, в каком находится пролетариат других стран, воюющих с прусским юнкерством. Перед ним стоит несравненно более сложная и противоречивая задача, чем перед его западными товарищами. Международное положение осложняется тем, что в настоящей войне с прусским юнкерством участвует другая реакционная сила—русское правительство, которое, усиливаясь в процессе борьбы, может при известных условиях стать средоточием реакционных тенденций в мировой политике. Эта возможная

---

[1] **Ив. Меницкий**, Революционное движение военных годов (1914—1917), т. I.

роль России в международных отношениях тесно связана с характером того режима, который безраздельно господствует у нас. И даже в настоящий момент, в противоположность своим западным товарищам, пролетариат России лишен всякой возможности открыто выражать свое коллективное мнение и осуществлять свою коллективную волю. Те немногие его организации, которые существовали до войны, закрыты. Печать уничтожена. Тюрьмы переполнены. Это лишает социал-демократию России возможности занять в настоящий момент ту позицию, которую заняли социалисты Бельгии, Франции и Англии, и, активно участвуя в войне, взять на себя ответственность за действия русского правительства как перед страной, так и перед международным социализмом. Но несмотря на наличность всех этих условий, имея ввиду международное значение общеевропейского конфликта, как и активное участие в нем социалистов передовых стран, дающее основание надеяться, что он разрешится в интересах международного социализма,— мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне. Мы считаем, однако, нужным обратить ваше внимание на необходимость теперь же готовиться к энергичному противодействию уже намечающейся сейчас захватной политике великих держав и требовать при всякой аннексии предварительного опроса народа, населяющего присоединяемую область»[1].

Английские социалисты.

Манифест Британской социалистической партии.

«К рабочим Соединенного королевства.

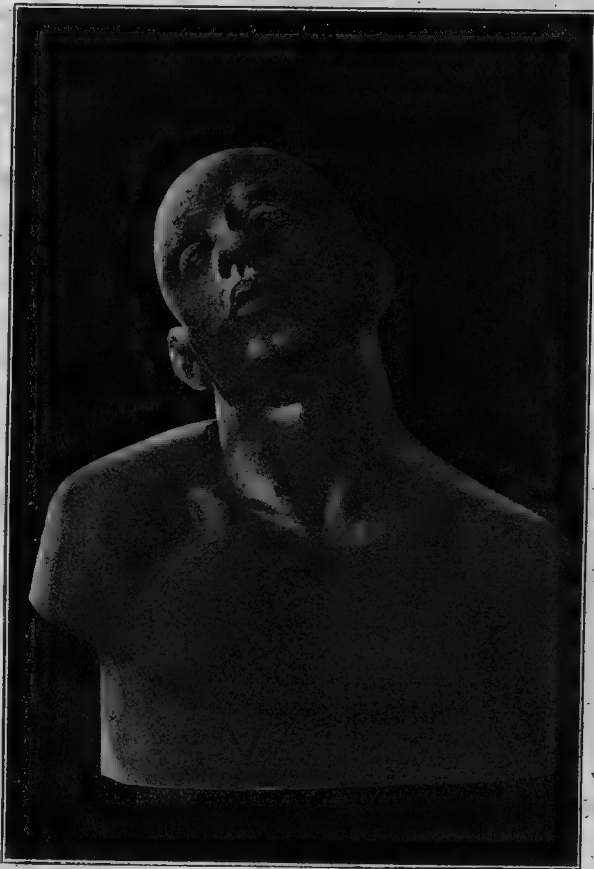
Товарищи граждане!

Великая война, угрожавшая и пугавшая нас, внезапно разразилась над нами. Нападение, произведенное Австрией на Сербию, вовлекло в борьбу Тройственный союз и Тройственное согласие, а наша родина была брошена в войну вследствие объявления Германией войны Бельгии, причиной которой послужил отказ этого маленького государства нарушить гарантированный ему нейтралитет в интересах нападающей державы.

В это время серьезной опасности мы хотели бы, чтобы вы вполне осознали, что причиной этой ужасной катастрофы, которая обратит значительную часть Европы в пустыню и отправит тысячи людей на смерть в волнах моря, являются тайные союзы, договоры и соглашения, являются те «уверения,», которые даются правительствами и канцеляриями

[1] Г. Зиновьев, Важный документ, т. V.

Европы без всякого внимания к самим народам. Это не война народов. Знайте это твердо. Рабочие Германии резко высказывались против войны. Никто не знает теперь, сколько германских социал-демократов и членов профессиональных союзов расстреляно или заключено в тюрьму за их

Образец патриотической скульптуры. „Герой Вердена" (немецкий солдат).

убеждения, с того времени как провозглашено военное положение. В этот момент пробудившейся естественной ненависти к германскому нападению мы приглашаем вас трезво проводить различие между массой германского народа и между прусской военной кастой, ныне господствующей в Германской империи.

Страдания и голодные лишения, которые будут сопутствовать этой ужасной военной и морской борьбе, с наибольшей тяжестью обрушатся на вас. Вам предстоит, с одной стороны, рост цен на предметы первой необходимости, и с другой стороны—безработица. Правительство поспешно предприняло морскую и военную мобилизацию и старается предпринять различные меры для облегчения финансовых затруднений. Мы должны требовать с ясностью и определенностью, чтобы не меньшая энергия была проявлена и к вопросу об обеспечении населения продовольствием. «Уверения» о том, что нет оснований для паники и для поднятия цен, принесут вам мало пользы, если оптовые и розничные торговцы станут поднимать цены на съестные припасы.

Товарищи граждане, мы, члены Британской социалистической партии, признавая, что обеспечение населения продовольствием и работою является самым неотложным вопросом момента, делаем следующие предложения:

а) немедленное проведение мер, обеспечивающих государственный и муниципальный контроль над закупкой, хранением и распределением необходимых для жизни предметов и установление на все эти предметы твердых предельных цен;

б) немедленное принятие местными учебными властями закона о снабжении пищей учащихся и распространение действия его в отношении снабжения пищей и платьем на всех детей, обучающихся в начальных школах;

в) немедленное принятие комитетами здравоохранения принудительных мер в целях снабжения молоком матерей, кормящих грудью младенцев, детей раннего возраста и больных;

г) немедленную организацию всеми органами правительства (дорожными комитетами, биржами труда и пр.) общественных работ на счет государства и муниципалитетов; наряду с созданием возможности заняться производительным трудом для безработных мужчин и женщин необходимо, чтобы добытые продукты распределялись коммунально, без вывоза их на общий рынок, ввиду высокой стоимости жизни;

д) мы требуем, чтобы закон о страховании рабочих отныне принимался без производства каких-либо вычетов из заработка рабочих;

е) мы настаиваем также на том, чтобы был издан мораторий для уплаты арендной платы в текущий и последующий сроки и чтобы все договоры о покупке с рассрочкой платежа пользовались теми же льготами.

С самого начала и втечение всего времени Интернациональная социалистическая партия высказывалась за мир, признавая вместе с тем право народов защищать их националь-

ное существование силой оружия. Рабочему классу во всех странах предстоит перенести в этом братоубийственном конфликте тягчайшее бремя. Десятки тысяч жен потеряют своих мужей, и тысячи матерей потеряют своих сыновей, пока не будет сломлен прусский милитаризм и пока германский народ не освободит самого себя от гнета империализма. Голод и лишения будут участью миллионов тех, кто не падет от меча, пули или ядра.

Никогда больше мы не должны будем вверять наших иностранных дел тайной дипломатии. Никогда снова мы не станем рассматривать внешнюю политику как нечто, нас мало касающееся. Ужасный период, который нам предстоит пережить даст нам незабываемый урок в этом отношении. Война сломает союзы, договоры и соглашения, заключенные без нашего ведома и согласия. И тогда наступит удобный момент для открытого демократического соглашения между самими народами. Такое соглашение между народами Франции, Германии и Великобритании составит серьезную гарантию мира и могущественный оплот против захватов русского деспотизма, которые легко могут явиться результатом войны. Для этой цели мы будем беспрерывно работать, и мы обращаемся к вам с самым настоятельным советом иметь эту светлую надежду перед собою, пока тянутся дни мрака и смерти.

Долой войну! Да здравствует навеки социал-демократия!

Исполнительный комитет Британской социалистической партии»[1].

12 августа 1914 г.

---

[1] Грюнберг, Интернационал и Мировая война.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Печать и война.

Громадное политическое значение печатного слова, в особенности ежедневной газеты, естественно, толкнуло буржуазию всех воевавших стран на приспособление печати к нуждам войны.

Не все страны пришли (или подошли) одинаково гладким путем к тем мероприятиям и системе, которая должна была перевести печать на рельсы военной работы. Общее затруднение здесь заключалось в отсутствии организационно-мобилизационной подготовки печати к военным задачам. Война заставила и государственную власть, и печать (владельцев издательств, редакторов, партии и т. д.) в импровизации искать подходящие к новым условиям невиданной по масштабу войны формы объединения, использования, руководства существующими органами печати и издательствами, создания новых органов и издательств, борьбы с неугодными по своему направлению изданиями и т. п.

Но помимо общего пробела—отсутствия во всех странах организационно-мобилизационной подготовки, каждая страна имела свои специфические трудности.

Эти недостатки прежде всего зависели от социально-экономических особенностей каждой страны.

В странах «зрелой» буржуазной демократии (Франция, Англия, Америка) мы видим быстрое и весьма единообразное перестроение организаций печати на военный лад. Без колебаний и борьбы возникают такие организации, как пресловутого лорда Нортклифа в Англии, «Дом печати»—во Франции, которые подминают под себя всех—и правые и «левые», и богатые и бедные издательства.

С другой стороны, в стране с феодальными пережитками, как царская Россия, до самого конца войны государственной власти не удается найти единый язык с печатью, не клеится создание государственного органа регулирования печатью.

И наконец Германия отражает в вопросе о печати во время войны то промежуточное положение, которое эта страна

занимала в период войны по своей социальной природе между феодально-капиталистической Россией и странами «свободной» демократии.

Положение печати во время войны определялось большим или меньшим сращением, которого данная страна достигла во взаимоотношениях между: 1) правящей группой буржуазии (следовательно, и государственным аппаратом), 2) остальными группами буржуазии, 3) примыкающими к господствующей клике мелкой буржуазией и головкой социал-шовинистических партий.

В странах буржуазной демократии это сращение имелось налицо до войны, окрепло во время войны.

В феодально-капиталистической России обручи, скрепившие указанные слои «общества», были слабы прежде всего в области «духовной» и, конечно, раньше всего в деятельности печати.

В юнкерско-стиннесовской Германии неизбежны были колебания, и единство печати рождалось в муках.

Цель у печати всех стран была одна [1]—помочь своими методами, своим инструментом воздействовать на победный исход войны. Но пути к нему у разных стран имеют свои оттенки: в одних это означало борьбу за «гражданский мир», т. е. подчинение интересов всех классов и групп внутри господствующего класса правящей группе; в других—открытая «оппозиционная» борьба печатным словом за власть (кадетские газеты в России); в третьих—«кабинетная» борьба, оканчивавшаяся нередко министерскими кризисами, почти не проникала открыто на страницы печати, но все же мешала единству действия печатных органов.

По этим же трем линиям можно отметить и административно-репрессивные меры государственного аппарата по отношению к печати. Идеал буржуазии—иметь такую печать, которая не за страх, а за совесть, самоконтролем, «внутренней дисциплиной» цензурируется.

Вот как говорит Ф. Шенеман [2]:

«Неприятель всегда неправ и должен быть неправ. Об этом заботится цензор, который должен запрещать все, что в какой-либо степени явится для неприятеля «помощью и ободрением». Нью-Йоркский «Times» хвастался как-то, что во время войны не было американских цензоров. Будто бы первая редакция знаменитого закона о шпионаже предусматривала введение американской цензуры, но «Times» был одним из сильнейших противников такого ме-

---

[1] Мы, конечно, не имеем в виду печать пораженцев.

[2] Искусство влияния на массы в Соединенных штатах Северной Америки. Ф. Шенеман. На нем. яз.

роприятия. В результате этот пункт проекта был выброшен, и место правительственного контроля заняла добровольная цензура, в силу которой американские газеты воздерживались от печатания известий, которые могли быть полезны неприятелю с военной точки зрения».

Это, конечно, достигается в упомянутых уже странах великой «демократии»,—там с полуслова слуги-редактора понимают желания, требования, директивы своих хозяев-правителей. Там цензура—«на всякий случай». Чем центробежнее в своих целях и стремлениях слои, оттенки буржуазии, мелкая буржуазия и рабочие организации, тем круче завинчивается цензурный пресс.

И все же в общем и целом всем воевавшим странам удавалось использовать печать. Конечно, не последнюю роль, а весьма близкую к первой играла продажность печати. Об этом разоблачений имеется предостаточно. Взять хотя бы книжку А. В. Луначарского «Италия и война» (изд. 1917 г.) или «За кулисами французского журнализма» (переводное изд. Гиз, 1926 г.), автор которой скрылся за тремя звездочками.

Давление на прессу оказывалось по трем руслам: идеологическое, в результате чего—прямое сотрудничество с буржуазией; административно-репрессивное (цензура всяких сортов, штрафы, аресты и пр.); экономическое (покупка всего органа или решающего количества акций, кредитование, снабжение сырьем и оборудованием).

Повторяем—война не впервые поставила перед буржуазией задачу объединения и использования в своих целях печати. Искусство буржуазии и ее военных вождей состояло в том, что они сумели реализовать и использовать довоенное положение печати, в буре войны ускоряя и подталкивая наметившиеся до войны тенденции буржуазного перерождения «идейных руководителей» «социалистической» печати в лице оппортунистических вождей.

Государственные органы руководства печатью.

Парижский „Дом печати".

«Уже через три дня после объявления войны Вивиани внес соответствующий законопроект, в тот же день вотированный Сенатом и Палатой, и в качестве первой ассигновки на развитие пропаганды—на организацию «Дома печати» была отпущена мелочь в двадцать пять миллионов...

...Громадный каменный дом на улице Франсуа, 3, насчитывал пять этажей, не считая подвала, где помещалась типография, и высокого партерного этажа с просторным залом

для публичных собраний. Деловая суета, постоянное жужжание, как в пчелином улье, сотни посетителей, бесшумно скользящие лифты и ежеминутно подкатывающие изящные автомобили, из которых выглядывают озабоченные впечатлением от своей особы люди. На пяти этажах и в двухстах комнатах помещаются мастерские, бюро, гостиные, рабочие кабинеты и приемные для посетителей. От подвального до пятого этажа, крытого огромным стеклянным колпаком, дом был живым средоточием пропаганды. В подвальных помещениях стояли готовые к размножению печатных произведений машины, под стеклянным колпаком приютилась фото-химическая лаборатория. Основная работа ее заключалась в изготовлении фотографических снимков и печатных клише с соответственных деревянных скульптур, изображавших отрубленные руки, вырванные языки, выколотые глаза и размозженные черепа с вытекшими наружу мозгами. Получавшиеся таким образом изображения рассылались по всему свету в качестве достоверных доказательств «немецких зверств» и, конечно, производили желанное впечатление. В этом же помещении изготовлялись снимки с разрушенных немцами французских и бельгийских соборов, с кощунственно оскверненных памятников и могил и фотографии страшных развалин. Кулисы для этих снимков писались лучшими декораторами парижской Большой оперы.

...Повсюду суетливое деловое оживление, сотрудники и сотрудницы с кипами бумаг подмышкой, исчезающие то в тех, то в других дверях... На втором этаже царствует граф де-Мерод, начальник целого штаба переводчиков. Приблизительно восемьдесят сотрудников—словаки, эльзасцы, все разновидности балканских народностей, негры, индусы, японцы—заботятся о том, чтобы все победоносные французские сводки—других побед не было—и все сообщения о поражениях и зверствах «гуннов» и «бошей» немедленно переводились на восемьдесят культурных языков и доставлялись безвозмездно в распоряжение иностранной печати.

...Дюжины складов и коридоры сверху донизу набиты кипами книг и брошюр. Целыми поездами эта агитационная литература отправляется в Северную и Южную Америку, в Швейцарию, в Швецию и другие нейтральные страны. Само собой разумеется, авторы этих книг под прикрытием патриотизма загребают отличные гонорары. Издаются даже детские газеты, например, «Mon Journal». В них—военные приключения, рассказы о смелых проводниках, легенды о стойкости французских женщин и девушек. Для контраста—беспримерная трусость, подлость и глупость бошей. Никогда не рано начинать патриотическое воспитание.

Некоторые из этих агитационных произведений разбиты на две полосы и противопоставляют французов—немцам. Текст и рисунки этих книг пышут, разумеется, непревзойденной глупостью и злобой. Француз изображается ангелом во плоти, благородным, жизнерадостным и радушным рыцарем, потому что он пьет вино, а немцы—тупые, рыхлые увальни, потому что лакают пиво, жрут колбасу и капусту. Многие из этих не годных к продаже книг стоили по 15 франков.

...Упомянутые двадцать пять миллионов франков были, разумеется, лишь крупицей всех сумм, ассигнованных на «дело пропаганды». «Комитету для воздействия на иностранную печать» было отпущено 20 млн. Военное министерство выплачивало французским газетам внушительные суммы, дабы они ежедневно снабжали действующую армию соответственной духовной пищей. Этот способ воздействия применялся и к иностранным газетам. Назовем из множества случаев хотя бы два: ежедневно выписывалось и оплачивалось 30 000 экземпляров «Journal de Genève» и 25 000 экземпляров «Gazette de Lausanne». Эти газеты распространялись в войсках в доказательство того, что «за границей» непоколебимо верят в победу Антанты. Если бы «poilus» знали поголландски и податски, они получали бы, несомненно, голландский «Telegraf» и копенгагенский «Berlingske Tidende».

Особенно озабочены были мы настроением Швейцарии. Для обработки общественного мнения «под орех» туда были направлены в качестве особо уполномоченных две подозрительных в общем личности: «Вилли с тринадцатью кличками», автор галантных и скользких рассказов («Claudine en pension», «Claudine à l'école», «Claudine en ménage» и т. д.), и Казелла.

Эти «особо уполномоченные» приступили к исполнению своей задачи с величайшим рвением. Они научились задавать в Швейцарии тон, а для журналистов устраивали в Женеве банкеты, где шампанское лилось рекой. Они раздавали манну изголодавшейся газетной братии, и швейцарские журналисты стали марионетками в руках щедрых деятелей.

...Вилли взял себе за правило смазывать взятками не газеты,—ведь в этом случае деньги могли бесплодно ухнуть в издательский карман,—а самих журналистов. Журналисты, осыпанные дарами, следуя доброму старому правилу: «чей хлеб ем—тому и служу», охотно прославляли «святое и правое дело».

В Берне была специально основана «Freie Zeitung»—тенденциозная газета наихудшего пошиба. В ней засели журналисты с весьма эластической совестью, как то: Грел-

линг (автор «Jaccuse» и тому подобных, с позволения сказать, произведений), Резельмейер, Фернау, Эдвард Штильгебауер (автор романа «Корабль смерти», мрачно рисующего гибель океанского парохода от подводной лодки).

Они работали по указке «Дома печати» и в области сознательного извращения фактов, остроумной передержки документов и изобретения кровавых немецких зверств достигли непревзойденных результатов. Швейцарское правительство было бессильно прекратить эту стряпню. Напомним кстати, что известный американский банкир Отто Кан — очевидно, для подтверждения своей демократической благонамеренности—пожертвовал на «Freie Zeitung» 50 000 долларов.

...Деятельность «Дома печати» распространялась не только на смежные с Францией государства: особое внимание обращено было на обработку общественного мнения Италии и Румынии, так как исход войны всецело зависел от вовлечения в нее этих двух народов.

В Италию был послан известный журналист, снабженный крупными денежными средствами. Он не впустую расстрелял свои серебряные пули: был подкуплен «Secolo», уже ранее превозносивший Францию как образец истины и демократии, а равно оказано было финансовое «покровительство» ряду провинциальных газет.

«Tell a lie and stick to it»—«лги по вдохновению, но настаивай на своей лжи». Всегда и во всех положениях мы придерживались этого безнравственного, но психологически, конечно, драгоценного принципа пропаганды. Какое гипнотическое действие оказывали на сознание непредубежденных масс такие крылатые словечки, как «гунны», «варвары», «боши», «немецкие зверства», «бедная маленькая Бельгия», «борьба за демократию» (несмотря на царизм в России) и за самоопределение малых народностей против «милитаризма»!.. [1].

Король печати — лорд Нортклиф.

Страны Антанты подошли с широким масштабом к задаче политического разложения через пропаганду стран противников лишь к началу 1918 г.

«В феврале 1918 г. Ллойд Джордж предложил лорду Нортклифу организовать новый отдел и принять на себя руководство им в качестве «директора пропаганды в неприятельских странах».

Лорд Нортклиф принял это предложение. Созданный таким образом новый отдел был помещен в самой элегантной и аристократической части Лондона (Мейфер) в «Crewe house», владелец которого лорд Крю, предоставил его в

[1] „За кулисами французского журнализма“. Изд. ГИЗ'а.

распоряжение правительства. Лорд Норткліф приступил к работе... Он начал с назначения Генеральной комиссии, члены которой обладали специальными качествами, и в то же время он набрал себе штат, замечательный во всех отношениях. Эта центральная организация объединила все агентства пропаганды, привела их в систему и дала им общее направление» [1].

Подобную же организацию, почти только по вопросам прессы, создала Америка в лице «Комитета общественной информации», с журналистом Дж. Крилль во главе.

Колебания германского правительства.

1.

«Причина, по которой рейхстаг не дал своего согласия на учреждение при Военном министерстве управления печати, а Генеральный штаб держался в мирное время вдалеке от печати и не произвел заблаговременной разработки мобилизационных соображений,—заключалась в том, что в мирное время печать считалась только политическим орудием. Но и политические власти также ничего не подготовили для войны, а с наступлением ее ничего не предприняли, чтобы восполнить обнаружившийся пробел. Столь же мало думала и сама печать о том, чтобы провести у себя хоть какие-нибудь приготовления на случай возникновения военных действий.

Однако военное командование не могло лишить себя того инструмента, каким являлась хорошая организация печати. То, что при данных обстоятельствах генеральному штабу удалось создать, было сносно, но та роль, какую ему пришлось играть в деле руководства печатью, выпала на него вопреки его первоначальным намерениям» [2].

2.

«Внутренний мир находит свое отражение в стремлении поддерживать при выполнении великих национальных задач дух спаянности и самоотвержения, устранять все, могущее повредить единению народа, и ни в коем случае не давать повода к возникновению впечатления, будто бы коллективная воля народа к победе подвергается какому бы то ни было колебанию.

Поскольку не страдают военные интересы государства, можно высказывать любое убеждение, если только это де-

[1] „Le Correspondent“ Франсуа Лешанеля. Заимствовано в „Изв. НКИД“, № 3—4, за 1921 г.
[2] Потапов, Печать и война, 1926.

лается в соответствующей форме. Всякое деловое выступление на защиту собственной точки зрения в политических и хозяйственных вопросах, хотя бы резко выраженное, столь же допустимо, как и спокойное указание на ошибки и заблуждения инакомыслящих.

Наоборот—всякие оскорбления, вызываемые неделовою защитою собственного мнения, а в особенности же бранные слова, унизительные сравнения и недостойные подозрения—должны быть безусловно избегаемы. Обвинения в своекорыстных или низменных побуждениях при преследовании политических целей, разжигания старинных распрей и возбуждения розни между классами населения, сословиями, вероисповеданиями и внутри прессы ни в каком случае не должны допускаться».

Мы приводим помещаемую цитату без всяких пропусков. В преподанных Людендорфом указаниях для работы печати одновременно с выделением и подчеркиванием факторов, способствующих сохранению «внутреннего мира», отчетливо выступают также и те стороны государственной общественной жизни, которые должны явиться объектами неприятельской пропаганды и которыми так искусно воспользовались Англия и Франция в борьбе с немцами» [1].

Официальные издания.

«В мае 1915 г. ставка издала на шведском языке брошюру «Ответ на «Слово предостережения» Свен Гедина», в количестве 30 000 экземпляров. Теперь автор написал вторую, помоему, совершенно ненужную; написана она очень хлестко, но без серьезных данных, а в отношении Финляндии и вовсе неблагоприятно. Я так и высказался в своей записке генерал-квартирмейстеру.

В апреле 1915 г., по повелению верховного, штабом VI армии была напечатана на средства военного фонда брошюра «Кайзер без маски» и вскоре после того переведена на шведский и французский языки. Этим же летом Военный совет, по представлению отдела по устройству и службе войск управления генерального штаба, отпустил известному издателю В. А. Березовскому 1 000 рублей на издание на немецком языке «Воюющей Германии», которую имелось в виду распространить продажей в нейтральных государствах. Позже ставка уведомила Березовского, что брошюра будет разбросана в Германии. К сентябрю 1915 г. было отпечатано 11 000 экземпляров» [2].

---

[1] **Потапов, Печать и война, 1926.**
[2] **Лемке, 250 дней в царской ставке.**

Фронтовые газеты и книжные магазины.

1.

«В больших городах тыла возникли первые, более значительные полевые газеты. Они поглотили в большинстве случаев мелкие газетки, так что в конце концов газеты выходили почти только при армейском и равном ему командовании, зато они выходили полнее и удовлетворяли всевозможные запросы.

По линии железных дорог расположились книжные лавки; на них был такой спрос, что вскоре каждая армия и многие меньшие соединения заключили контракты с книгоиздательствами, которые можно было встретить на всех фронтах. Наряду с этим при дивизиях были организованы частными объединениями походные библиотеки, которые поставляли частям избранную по качеству литературу» [1].

2.

Название газет: «На берегах Фландрии», «Газета для Севастополя», «Финляндия», «Армейская газета Дамаска», «На страже победы», «Военная газета Циндао», «Газета Добруджи», «Карпатская газета», «Между Маас и Мозель», «Полевая газета Альпийского корпуса», «Военная газета Шампани» и т. д.

Большинство крупных военных газет носило безличное название, они назывались «Военная газета» такой-то армии, чем выдавался их официозный характер.

Другие, особенно мелкие, получили свое наименование из солдатского жаргона, например «Сапа», «Миномет» [2].

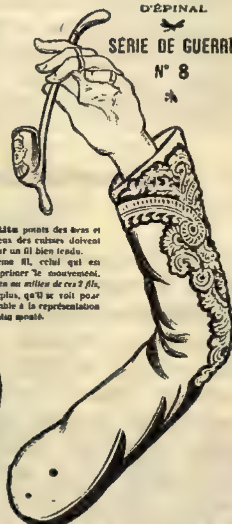
Попытки создания газеты главного командования (в России).

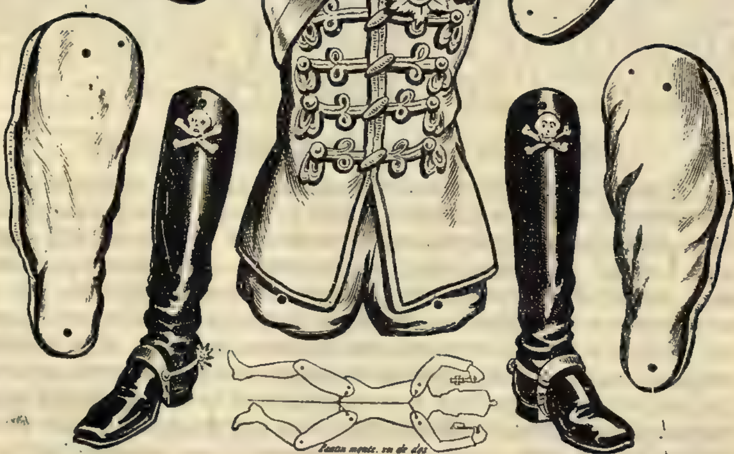
«В прошлом ставки уже были предложения основать особую газету. Редактор «Вечерних известий», «Голоса Москвы» и «Трудовой копейки» Борис Иванович Ивинский (псевдоним—Борский), в 1905—1906 гг. разыгравший из себя радикала, прислал Янушкевичу докладную записку о том, что тыл требует «идейной организации» и энергичной борьбы с «духовным разбродом». «Бороться с духовным разбродом, призывать к пробуждению чувства благородного патриотизма, стремиться к экономическому и духовному освобождению России, укреплять веру в непобедимую мощь родины—вот какая задача выпала на долю русской печати. Но наша печать, к прискорбию, не выполняет своих обязанностей в этом отноше-

---

[1] Шварте, Большая война.
[2] Там же.

Образец военной игрушки—рисунок для вырезывания детского паяца

нии, каковая черта и до войны была отличительна для нашей интеллигенции». Нужен особый громадный орган, который не может создаться из названных газет редактора, так как он не в состоянии найти необходимые для того капиталы. «К сожалению, московские капиталисты до такой степени перероднились с немцами, что видные их представители после погрома немецких магазинов нашли возможным ходатайствовать перед главноначальствующим над Москвой о том, чтобы князь Ф. Ф. Юсупов разрешил австро-германским фирмам возобновить торговлю». Поэтому Ивинский просил Янушкевича устроить ему аудиенцию у великого князя для беседы о создании особого большого органа. 26 июня 1915 г. ему в аудиенции было отказано» [1].

Способы „идейного" руководства печатью.

Дипломаты диктуют свою волю.

«В воскресенье Сазонов имел беседу с австрийским послом и на этот раз вел себя прилично, получив за это комплимент от Палеолога. В ответ на комплимент Сазонов пообещал впредь всегда быть паинькой: «До последнего мгновения я буду вести переговоры». Но в то же время «между нами» задал Палеологу вопрос, неужели тот думает, что войны все-таки не будет? На что Палеолог успокоил его, что войны ни в каком случае не избежать. Дело не в войне, а в «общественном мнении», т. е. в одурачивании масс... На этот предмет Сазоновым было дано распоряжение по газетному ведомству: «Ругайте сколько хотите Австрию, но будьте сдержаны по отношению к Германии» [2].

Инструктаж высшими военными властями.

«Генерал фон-Кессель пригласил к себе сегодня представителей берлинских газет всех направлений. Его превосходительство приветствовал собравшихся краткой речью, указывая на значительную серьезность последних событий и громадную ответственность прессы. Он де не имеет намерения полностью использовать свои права, но обеспечение безопасности страны требует мер чрезвычайной охраны. Его призыв заключался в создании единого отечественного чувства и солидарности всех народных интересов. Д-р Древс, от Министерства внутренних дел, осветил затем частности правовых изменений во время военного

---

[1] Лемке, 250 дней в царской ставке, 1920, стр. 4, 5, 6, 39.
[2] Карл Каутский, Как возникла Мировая война. Из вступительной статьи т. Покровского.

положения. Он заверил, что имеется настолько полное доверие к населению, что дальнейшие ограничения не предвидятся» [1].

Политическая директива начальника штаба.

«Сегодня получил от Ассановича для исполнения такую бумагу, написанную начальником штаба 12 февраля: «От пленных (якобы) уроженцев Саратовской губ. на родине получаются письма, что в немецком плену им живется очень хорошо».

Нужно сообщить об этом сенатору Кривцову. Нельзя ли начать распространение брошюр в народе?

Обратиться к печати с просьбой помочь народу раскрыть правду и вести борьбу с провокацией. Чем дешевле нумер газеты, тем полезнее помещать в них статьи.

Просить председателя Думы, не сочтет ли он возможным помочь путем думских речей разрушить хитро сплетенную паутину лжи для уловления наших дураков.

Написать обер-прокурору Св. синода. Дело духовенства горячими проповедями говорить об этом: о позоре и грехе плена, о лжи, распускаемой немцами, сказать истинное слово. Ген. Алексеев» [2].

„Конференции" прессы.

«Вскоре после начала войны—еще в августе 1914 г.—в Берлине был заведен институт конференций прессы. На них представители государственных органов, в особенности иностранных дел, представители генерального штаба, главной квартиры, Военного министерства—должны были давать присутствующим руководителям немецкой печати разъяснения о текущем военном и политическом положении, отвечать на вопросы представителей печати и указывать те линии, по которым следует, в соответствии с интересами войны, вести обсуждение определенных вопросов.

Конференции печати, на которых принимали участие 100—150 журналистов, превратились благодаря еженедельному проведению в постоянную организацию» [3].

Пресса принимала благодаря этим конференциям самое близкое участие в дезинформации, в обмане читателей в желательном для правительства духе.

Примеры директив правительства, данных на конференциях прессы:

1. «Не разрешается во все время войны выступать с нападками на деятельность наших дипломатов за границей,

---

[1] „Berliner Tageblatt", 16 августа 1914 г.
[2] Лемке, 250 дней в царской ставке.
[3] Мюзам, Как нас обманывали, Берлин,

После войны будет достаточно времени для подробной критики».

2. «Не разглашать сведений об уничтожении немецкой подводной лодки английским миноносцем» (27/X 1914 г.).

3. «Нежелательны сообщения о самоубийствах молодых девушек в отчаянии по павшим (на фронте) женихам. Влияние этого на страну и опасность заразительности примера таких необдуманных поступков должны удерживать нас от разглашений».

4. «Для пользы гражданского мира не рекомендуются обсуждения прусского избирательного права и подобных вопросов».

5. «Военное министерство дало указания органам цензуры о полном исключении всяких сообщений о действиях военных судов».

6. «О зверствах в Армении необходимо так освещать: наши дружеские отношения к Турции не только не должны нарушиться этими внутритурецкими административными событиями, но, наоборот, должны подвергнуться в этот тяжелый момент проверке в их крепости. Поэтому, пока наша обязанность—молчать. Позже, если последуют прямые нападки иностранных государств по поводу «соучастия Германии», необходимо дело с величайшей осторожностью и сдержанностью объяснять так, что турки были слишком раздражены действиями самих армян».

7. «Запрещается опубликование снимков с массовых скоплений народа при покупке продуктов питания».

8. «Воззвание русских социалистов к немецким было запрещено не из политических, а из чисто военных соображений» [1].

Таких примеров—тысячи в любой стране, в любом городе.

Роль телеграфных агентств.

Как известно, все буржуазные страны имеют среди ряда мелких телеграфных агентств, обслуживающих печать информацией, одно наиболее мощное, излюбленное агентство, которое, сохраняя внешность «частного» (а следовательно, беспристрастного, беспартийного) агентства, на самом деле является официальным агентством. Таково было «ПТА» в России, агентство Гаваса—во Франции, Рейтера—в Англии, Вольфа—в Германии. Монопольное положение по отношению к газетам этих мощных агентств, конечно, использовывалось государственными органами во-всю, ставя тем самым всю печать в зависимое положение.

---

[1] Примеры взяты из книги Мюзам, Как нас обманывали.

Вот иллюстрация этого:

«Берлин, 20 августа. Отдел печати генерального штаба сообщает, что все сообщения «Вольф-бюро» (Континентальная телеграфная компания) могут быть использованы газетами, так как эти сообщения предварительно представляются на разрешение Отделу печати» [1].

Привлечение „оппозиционной" прессы.

Очень интересно явление, которое имело место в России. В отличие от Франции, Англии, русскому правительству не так-то легко было договориться и «идейно» руководить кадетско-либеральной, а тем более «левой» (хотя и оборонческой) печатью. Тут и боязнь, что это—игра с огнем, тут и «оппозиционность» и некоторая «независимость» самой печати. Но... презренный металл да любовь к родине заставили отбросить ложный стыд, и торги в общем и целом давали успешные результаты.

Лучшее средство — покупка газет.

«Мы еще не говорили об одном из действительнейших средств заграничной пропаганды—покупке газет. Это более старый способ, нежели планомерная политическая пропаганда. Англия, Франция, Америка и—к сожалению, слишком поздно, лишь во время войны—Германия покупали газеты за границей или добивались помещения в них нужного материала путем субсидий. Мы знаем из собственного опыта, как, например, в самом начале войны «нейтральные» румыны продавали заинтересованным миссиям отдельные статьи за или против Германии; таким образом, кто давал больше, обеспечивал себе изо дня в день поддержку этих, ведущих твердую политическую линию органов, пока главные газеты не были куплены франко-русским капиталом, а пара третьестепенных листков за цену, в десять раз превышающую их стоимость,—Германией» [2].

Корни единства печати всех „направлений".

«Фактический редактор «Биржевых ведомостей» Михаил Михайлович Гаккебуш (по новой моде—Горелов) принял меня у себя на дому с подчеркнутой любезностью и мещанской деликатностью... Он не преминул сказать мне, что получает от Проппера 30 000 рублей в год. Шумский (псевдоним Константина Марковича Соломонова, военного обозревателя), получает у них по 3 000 рублей в месяц и еще

---

[1] „Kölnische Volkszeitung", 3 августа 1914 г.

[2] Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.

в «Ниве» 100 рублей за четыре обзора в месяц. Заведующий хроникой в «Биржевке» получает 1 000 рублей в месяц, средний репортер—500, порядочный—800. Да, за десять лет после революции 1905 г. газетное дело стало выгодным, обратилось в доходную профессию неучей и окончательно выкинуло за борт мечты времени об общественной кафедре, с которой еще недавно люди моего времени работали за вдесятеро меньшие гонорары и были горды своей деятельностью.

Проппер получает с газеты 30 000 руб. в год чистого!» [1].

Торги с газетами.

«Сегодня окончательно сформулировали с Носковым путь и способ совместной деятельности с печатью. Разумеется, печать левая совершенно исключена: работа с ней представляется настолько «несоответственной достоинству военной власти и верховного главнокомандующего», что Носков не разрешил мне даже и заикаться о ней в проекте записки, которую он хотел представить Пустовойтенке. Я понимаю, что борьба с этим невозможна. Вот главные основания.

1. Ни одна сторона (штаб и печать) не делает этим одолжения другой.

2. Новые формы общения создаются в виде опыта.

3. Корреспонденты «Речи», «Русских ведомостей», «Биржевых ведомостей» и «Русского слова» живут в месте расположения штаба по одному от каждой газеты.

4. Ежедневно они получают от Бюро все те сведения, которые возможно сообщить печати. Носков или другой офицер генерального штаба будут бывать в Бюро один час и давать темы, указывая, разъясняя и т. п. Обработка сведений в любую форму предоставляется усмотрению самих корреспондентов.

5. Зная нелепость местных военных цензоров и вмешательство в военную цензуру гражданской власти, Бюро помогает пропускать в печать материал корреспондентов, ставя на нем особый разрешительный штемпель.

6. Придавая серьезное значение освещению некоторых вопросов и фактов под углом зрения штаба, чтобы таким образом влиять на общественное мнение противника, наши газеты не могут отказаться помещать подобные инспирированные статьи, но Бюро обязуется не только указать им в каждом отдельном случае на степень недостоверности допущенного освещения, но и каждый раз представить достаточную мотивировку самой необходимости такой инспирации.

---

[1] Лемке, 250 дней в царской ставке.

7. Корреспонденты должны быть русскими подданными, без «политики» в прошлом и настоящем, скромны, корректны, осторожны.

8. Бюро оставляет за собой право просить редакцию заменить присланного корреспондента другим.

9. Вся их корреспонденция, при желании, посылается в СПБ с фельдъегерями штаба и таким же путем привозится ими сюда.

10. Денежная чистота и неприкосновенность ни к суммам штаба их ни к суммам редакций Бюро.

11. Корреспонденты живут здесь, как частные лица, на полном своем иждивении» [1].

Коллективная „подписка“ корреспондентов.

«Я, нижеподписавшийся, согласно правил для русских и иностранных корреспондентов, допущенных в действующую армию, утвержденных 26 сентября 1914 г. начальником штаба верховного главнокомандующего, даю подписку:

По п. 2 правил: во все время пребывания в районе действующей армии строго соблюдать настоящие правила и подчиняться всем требованиям, которые могут быть сверх того предъявлены через назначенного состоять при корреспондентах штаб-офицера генерального штаба.

По п. 8 правил: не писать ни в настоящем ни в будущем ничего, могущего быть использованным нашими противниками во вред нашей армии; все свои записки, заметки, фотографии, чертежи, рисунки, художественные эскизы и тому подобные собранные во время поездки материалы, касающиеся действий наших войск или войск противника или вообще касающиеся вопросов, имеющих военный характер, обязан представить по окончании объездов на просмотр в управление генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем через состоящего при корреспондентах штаб-офицера генерального штаба» [2].

Лиха беда — начало.

«...Носков заявил корреспондентам, что теперь он вообще решил, что всеми ими надо управлять, нисколько не считаясь ни с их профессиональными и материальными интересами, ни с интересами представляемых ими газет, а исключительно с точки зрения интересов воинского дела, и потому он предлагает им «подчиняться его команде» и слушать ее... Так, если он, по военным соображениям, заявит кому-нибудь: «поезжайте домой на столько-то времени»—надо уезжать и не возвращаться ранее определенного срока. Словом,

---

[1] **Лемке, 250 дней в царской ставке.**
[2] **Там же.**

«по особым соображениям» он будет регулировать число их при Бюро и доведет его до... двух, а остальные будут исполнять его команду...

Перетц заявил, что он согласен на это, считая интересы газеты выше личного самолюбия, Панкратов почти дал согласие подчиниться, и только Орлов всячески запротестовал. Когда Носков ушел, я разъяснил им, что, конечно, не может быть двух мнений,—их считают за курьеров или прислугу, и им всем надо немедленно уехать и предложить редакциям решить вопрос о дальнейшей работе в таком Бюро. Все согласились, а Перетц тут-то и показал, что ему дороже всего 15 копеек гонорара со строки вместо платимых в Петрограде 8, и 400 рублей ежемесячного жалованья, которого в Петрограде он вовсе не имел... Вообще он готов на всякие ограничения, лишь бы получать деньги; с точки зрения денег он уже показал себя в разных мелочах; товарищи его оценили. Он все прятался за спину И. В. Гессена, говоря, что за исполнение моего совета «Речи» может даже грозить новое закрытие» [1].

Цензура—сильнейшее орудие влияния на печать.

Самым мощным орудием регулирования печати была в руках буржуазии цензура. Далеко отошедшая от чисто военно-оперативных целей, т. е. обеспечения военной тайны в узком смысле слова, цензура из военной превратилась в широкую систему общеполитической цензуры каждого печатного слова. Правда, обыватели-читатели мало верили прекрасным успехам своей страны, завтрашней гибели неприятельской страны, но другой духовной пищи, печатного слова не было, и поневоле отравлялось сознание читателя, подогреваемое парами патриотизма, еще десятками других способов.

Политические задачи цензуры.

«Не будет преувеличением сказать, что общественное мнение впродолжение всего времени войны вводилось в заблуждение...

...Органом воздействия на общественное мнение являлись цензурные аппараты.

...Все эти аппараты работали под общим руководством высшей цензурной инстанции, созданной при департаменте военной печати в Берлине.

Задача этой инстанции заключалась в... даче общих руководящих указаний, в наблюдении за деятельностью цензурных аппаратов.

---

[1] Демке, 250 дней в царской ставке.

Департамент военной печати был создан для руководства всем цензурным делом под непосредственным началом главного командования. Этому департаменту надлежало:

1) облегчить совместные действия на арене печати главного командования и гражданских правительственных органов;

2) давать информационные материалы этим органам и печати.

Военная цензура не затрудняла бы деятелей печати, если бы эта цензура не касалась политической цензуры. По действующим законам в Германии нет политической цензуры. Но в такой войне, как протекающая, каждый политический вопрос мог быть сделан, при желании цензора, вопросом военным»[1].

Пример политического использования военной цензуры.

«До поры до времени, по чисто военным причинам (это приходилось добавлять, так как ведь политической цензуры формально не было), необходимо давать перед опубликованием на просмотр цензуре все материалы по вопросам о мире, все равно—в ежедневной ли печати, в журналах или других изданиях»[2].

Цензурное наваждение.

«Помимо «конференций» прессы и предварительной цензуры практиковались еще и «доверительные сообщения» различных государственных органов, которые прямо-таки бомбардировали газеты и издательства. Существовало столько органов цензуры, что «наиболее опытные деятели печати до конца войны не научились различать компетенцию различных органов цензуры» (Мюзам).

Мюзам в своей книге приводит следующий список цензурных органов:

1. Высшая цензура.
2. Высшая цензура при Отделе военной печати.
3. Высшая цензура при генеральном штабе.
4. Высшая цензура при тыловом (?) генеральном штабе.
5. То же—при Большом генштабе.
6. Главная цензура.
7. Генеральный штаб.
8. Военное министерство.
9. Департамент морского флота.
10. Штаб морского командования.
11. Отдел печати при нем.
12. Главное командование.
13. Министерство иностранных дел.

---

[1] Мюзам, Как нас обманывали. (На нем. яз.)
[2] Там же.

14. Его цензурный орган.
15. Отдел военной печати.
16. Министерство внутренних дел.
17. Министерство торговли и промышленности.
18. Департамент по колониям.
19. Директорат государственного банка.
20. Департамент военного снабжения и так далее.

Все писали запрещения, пожелания, указания, советы и т. п.

Американская цензура.

Американский «закон от 15 июня 1917 г.» угрожал, между прочим, денежным штрафом не свыше 10 000 долларов или 20 годами тюрьмы каждому:

1. Кто намеренно составляет или распространяет ложные сообщения или ложные утверждения с целью помешать действиям или успеху военных сухопутных или морских сил Соединенных штатов или содействовать успеху неприятеля.

2. Кто наущает или *пытается* наущать к неповиновению, измене, возмущению или отказу от службы.

3. Кто намеренно мешает вербовке рекрутов и набору.

Кроме того карались тем же: издание, печатание, писание или публичное произношение нелойяльных, унижающих, позорящих или грубых речей; или речей, которые имеют в виду выражение презрения, поношения, издевательства; или обесчещение государственного строя, конституции, знамени, военной или морской формы Соединенных штатов и т. д.

Восемь заповедей цензора.

«Сообщения» требуют особого навыка и... ловкости, чтобы не сказать больше. Наставления Носкова я могу сформулировать в ряд таких положений:

а) начатая нами и не законченная операция по возможности должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана;

б) разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением о его замысле;

в) всякий наш успех должен быть сообщен вполне;

г) всякий наш неуспех в отражении удара—только в общих, неясных выражениях;

д) наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием;

е) когда мы бьем немцев—писать «германцев», а если австрийцев—«противника»;

ж) фамилий нашего командного состава и названий частей не упоминать;

з) пленных подсчитывать почаще, на разные даты, дабы создавать иллюзию более значительного успеха;

и) результаты действия неприятельских аэропланов обходить молчанием»[1].

Методы воздействия на читателей.

Хитрости, лживости, «методике» облапошивания читателя через печатные издания, в первую очередь—ежедневную газету и иллюстрированный журнальчик—можно составить реестрик с сотнями пунктов.

Приэтом не забывается ни один слой, возрастная группа населения. Всех с соответствующим подходом охватывает паутиной своей печатное слово.

Вот примерный список методов:

Преувеличение «своих» успехов и бодрого настроения.

Преуменьшение успехов противника и их стойкости.

Игра на отдельных героических поступках.

Простая ложь и вымышление «фактов».

Использование юмора, поэзии, беллетристической формы изложения.

Использование иллюстраций.

Детские заученные «патриотические» фразы превозносить перед взрослыми.

Игра на национальном чувстве.

Игра на религиозных чувствах, предрассудках и суевериях.

Превозношение «высоких» лиц, их «метких» слов, героизма.

Использование чувства любопытства о жизни и быте высокопоставленных.

Шельмование якобы непатриотических поступков.

Запугивание обывателей «страшными» противниками. И так далее.

Продажная, строчкогонная журнальная братия по заказу своих хозяев строчила, доходя в своем вранье до нелепости и детской наивности.

Одну черту, свойственную борзописцам, следует отметить: масса в их писаниях отсутствует, вместо нее—или «пейзанистые солдатики» (подыгрывание под крестьянский язык) или просто все описания касаются офицеров, интеллигенции, мещанства.

Ниже мы приводим наиболее характерные штришки газет и журналов времен главным образом начала войны.

Замечательно, что печать всех стран, как сговорившись, действует по одному образцу и рецепту. Ограничен-

[1] Лемке, 250 дней в царской ставке.

ность места не позволяет нам дать читателю исчерпывающие иллюстрации, как в любом вопросе все страны едины в своих методах. Возьмем для примера методы одурачивания читателей в самые горячие часы—в дни непосредственно перед мобилизацией и в самый мобилизационный период. Трафаретная схема действий печати здесь такова:

1. Дипломатия проливает крокодиловы слезы—все нас обижают, только мы стойко боремся за мир.

2. Все конкретнее становящиеся предмобилизационные мероприятия «нашего» правительства упорно замалчиваются.

3. Раздуваются мероприятия предмобилизационного значения в странах будущих противников.

4. Вспоминаются «старые», «исторические» грехи наций этих стран. Вообще читателя убеждают, что эти нации—самые паршивые в мире.

5. Сведения об агрессивных намерениях будущих противников вызывают «стихийный подъем в нашей стране, хотя мы воевать не собираемся».

6. Но вот враг *уже* готов драться с нами—он мобилизуется, он наводнил «нашу» страну шпионами.

7. Неужели «нам» зевать и быть захваченными врасплох?

8. Мы *вынуждены* тоже мобилизоваться, потому что враг «на нас» напал, объявил войну (или *вариант*—потому что мы вынуждены были объявить войну ему во имя предупреждения нападения, во имя защиты какой-либо слабой и подвергшейся нападению страны).

9. «Наша» страна приняла этот факт с колоссальным подъемом и едина в порыве *защитить* свою страну.

10. Все сведения из стран противника меняют свой тон на 180 градусов: раньше описывались колоссальные приготовления, тысячи эшелонов, а теперь (надо ободрять мобилизованных), оказывается, войско у них дрянь, в стране—завтра революция, паника населения. Война будет веселой прогулкой на фронт.

И все это, конечно, подкрепляется фотографиями зверств, портретами героев, письмами «очевидцев», «показаниями» первых пленных и т. д.

А дело сделано: сложнейший этап, кризисный этап на пути к войне—*мобилизация страны и армии*—благополучно пройден, массы брошены в пламя войны.

Характерные случаи лжи и „разоблачений“.

1.

Специально созданный на английские деньги комитет («Bryce-Comitée») [1] имел своей единственной целью соби-

[1] Bryce-Comitée—комитет, во главе которого стоял некий журналист Брайс.

рать, составлять и фабриковать материалы о немецких зверствах, нарушениях международного права, грабежах, расстрелах и т. д.

Этим комитетом в частности издан, в сотнях тысяч экземпляров, в газетах, журналах, листовках и т. д.—отчет о «зверствах немецких солдат в Бельгии».

Этот отчет состоит из следующих глав:

Насильное прохождение через Бельгию.

Крайние ужасы в самом начале.

Убийство штатских.

Поджигатели за работой.

Сотни убитых бельгийцев.

400 беженцев расстреляно.

Убийство стариков, женщин и детей.

Три ряда трупов.

Зверства—в ответ на успехи бельгийцев на фронте.

Массовые убийства.

Женщины, убитые «шутки ради».

Льежский университет сожжен.

Пленные принуждаются поджигать дома.

И так далее, и так далее.

Несколько иллюстраций «тона» «беспристрастных» сообщений комитета.

«4 августа,—сообщает свидетель,—увидел я, часа в два, после обеда, в деревне Герве пять уланов. Это были первые немецкие солдаты, которых я увидел. За ними следовали в авто офицер и несколько солдат. Последние подозвали к себе несколько парней, которые стояли от них на расстоянии 30 метров. Молодые люди в испуге убежали, в ответ на что немцы выстрелили и убили одного из парней по имени Д. (?)».

Другой пример.

«Систематические казни местных жителей, как доказывает дневник немецкого солдата К. Гофмана, обычно исходили из чистого недоразумения. На лугу, принадлежащем некоему Е. (?), было расстреляно 56 или 57 человек»... и т. д.

Что и немцы, и французы, и англичане, и русские солдаты, подзуживаемые офицерами, часто грабили, убивали невинных—отрицать не приходится. Но каждая страна в лице своих «Bryce-Comitée» доказывала, а печать это разносила во все углы света, что именно противник занимается этими зверствами.

На примере этого разоблачения можно установить следующие «уязвимые» места этого рода литературы.

Передержки. Так, например, приводимый в указанном отчете текст одного немецкого солдатского дневника не сходится с фотографией этого дневника, приложенного к отчету, а в результате—вместо имевшегося в дневнике

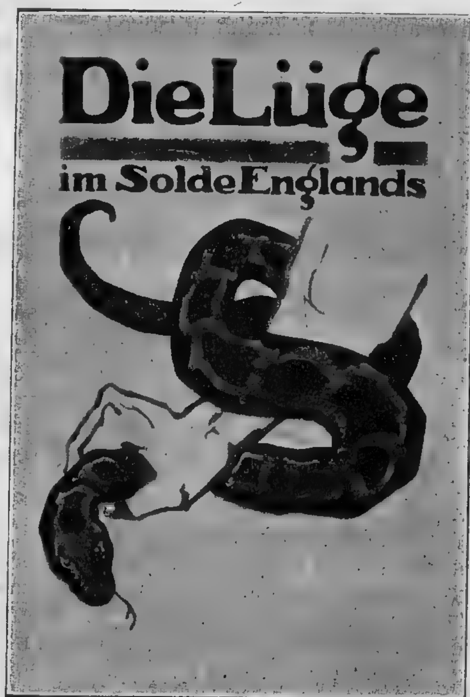
смысла получился расстрел 500 жителей, в то время как дневник, судя по фотографии, не утверждает этого.

Отсутствие точных дат, имен, названий местностей.

Ссылка на «свидетелей», на «кажется», «повидимому», «нужно полагать» и т. д.

2.

От имени некоего «Мирового союза друзей правды» (в Америке, на немецкие деньги) некий В. Мартен издал «разоблачения» вышеприведенных «разоблачений» англичан. Книга эта носит название «Ложь на службе Англии».

Характерная обложка „разоблачительной“ литературы (снимок с обложки книги В. Мартена).

Интересны методы такого рода «разоблачений»: главный метод—отплачивать той же монетой, т. е. приписывать противнику те же зверства, всякими хитростями (ложью) отрицая приписываемые своей стране преступления.

Интересно отметить, что, разоблачая разоблачителей, этот Мартен сам попадает в ловушку. Сравните помещен-

ные здесь два столбца. Справа—перевод одной страницы из книги Мартена. Последний приводит выдержку из отчета «Bryce-Comitée», но пропускает фамилии немецких офицеров, приведенных в левом столбце из английского текста.

Сопоставьте оба текста.

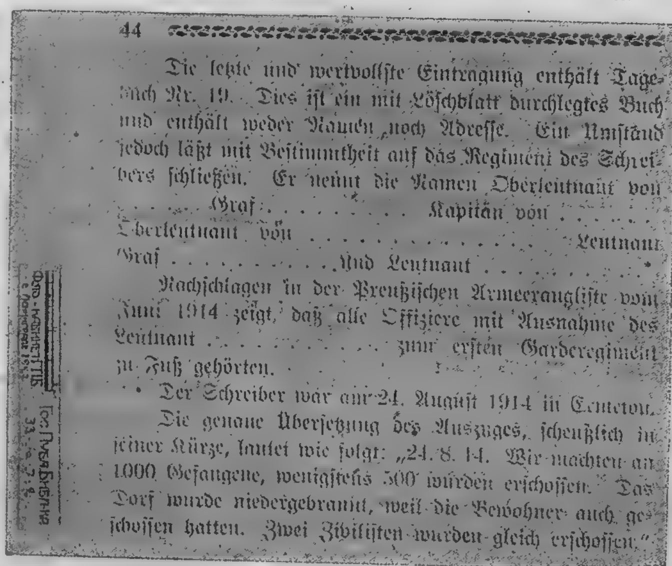
Английский текст.

„Последнее и наиболее ценное доказательство заключается в дневнике № 19. Это представляет собою книгу, проложенную промокательной бумагой, и не содержит ни имени ни адреса. Одно обстоятельство все же позволяет с уверенностью выяснить полк писавшего. Он называет имена супер-лейтенанта фон-Оппена, графа Эуленбурга, капитана фон Редера, супер-лейтенанта фон-Бокка и Полаха, лейтенанта графа Харденберга и лейтенанта Энгельбрехта. Справки в прусском списке должностных лиц армии за июнь 1914 г. показывают, что все эти офицеры, за исключением лейтенанта Энгельбрехта, принадлежат к 1-му гвардейскому пехотному полку“.

Передача этого отрывка у Мартена.

„Последнее и наиболее ценное доказательство заключается в дневнике № 19. Это представляет собою книгу, проложенную промокательной бумагой, и не содержит ни имен, ни адреса. Одно обстоятельство все же позволяет с уверенностью выяснить полк писавшего. Он называет имена супер-лейтенанта фон-. . . ., графа . . . ., капитана фон- . . . . , супер-лейтенанта фон- . . . ., лейтенанта графа . . . и лейтенанта . . . Справки в прусском списке должностных лиц армии за 1914 г. показывают, что все эти офицеры, за исключением лейтенанта . . . . . ., принадлежат к 1-му гвардейскому пехотному полку“.

Вот фотография немецкого текста.

44

Die letzte und wertvollste Eintragung enthält Tagebuch Nr. 19. Dies ist ein mit Löschblatt durchlegtes Buch und enthält weder Namen noch Adresse. Ein Umstand jedoch läßt mit Bestimmtheit auf das Regiment des Schreibers schließen. Er nennt die Namen Oberleutnant von . . . . . . Graf . . . . Kapitän von . . . . Oberleutnant von . . . . Leutnant Graf . . . . und Leutnant . . . .

Nachschlagen in der Preußischen Armeerangliste vom Juni 1914 zeigt, daß alle Offiziere mit Ausnahme des Leutnant . . . . zum ersten Garderegiment zu Fuß gehörten.

Der Schreiber war am 24. August 1914 in Cemeton.

Die genaue Übersetzung des Auszuges, scheußlich in seiner Kürze, lautet wie folgt: „24. 8. 14. Wir machten an 1000 Gefangene, wenigstens 500 wurden erschossen. Das Dorf wurde niedergebrannt, weil die Bewohner auch geschossen hatten. Zwei Zivilisten wurden gleich erschossen."

Повидимому, имена—подлинные, действительно существовавших немецких офицеров. Мартен имеет, повидимому, основания эти имена скрывать, чтобы не расхолодить своих читателей фактом подлинности английского документа.

Эффект получается обратный—подрыв веры в «разоблачения разоблачителей».

Все это—малюсенькая часть излюбленной буржуазией разоблачительной (читай: лживой) литературы. Этих примеров—тысячи, в каждой газете, журнале и т. д.

Враг — готовится! У врага — паника! Враг — слаб! Но враг — зверь и варвар!

1.

«31 июля 1914. «Frankfurter Zeitung» передает от «своего русского друга», что с воскресенья (какого числа?) все воинские части вернулись из лагерей и находятся в передвижениях. В Польше (русской) идет концентрация армии. Все железные дороги и мосты заняты, даже артиллерия приведена в готовность. Кто не видел эти многочисленные войска своими глазами, тому трудно представить себе действительное состояние, тем более что ни одна газета не упоминает об этих приготовлениях. Немецкие газеты не получаются, так как их конфискует цензура» и т. д.

2.

«Воздушный флот Германии». Снимок—дирижабли. Из подписи: «Тяжелые, неуклюжие дирижабли... составляют оплот Германии на воздухе. Их неповоротливость лишает их возможности производить быстрые разведки, а конструкция их такова, что опасность для них более значительна, чем для легких аэропланов...»

„Синий журнал“ (русский).

3.

«Париж, 26 июля. Сегодня перед австрийским посольством проходило около 100 парней с криками: «Долой Австрию! Смерть ей!»

Из немецкой газеты.

4.

«Берлин, 28 июля. Вчера мелкие группы (не более 50 человек) шлялись около французского посольства с криками: «Долой зажигательницу войны!»

Из французской газеты.

5.

«Письмо с курорта Сестрорецк, 24 июля 1914.

«Дорогие родители! Уже десять дней как в Петербурге делаются ужасные дела. Уже неделя как войска стреляют в народ. Уже имеется больше 500 убитых и свыше 1 000 раненых. Бастует 180 000 человек...

Очень опасно. Я не рискую ходить обедать... Рабочие и народ нападают на каждого хорошо одетого и забрасывают камнями. Везде скачут казаки и избивают народ нагайками.

В Петербурге—совсем ужасно! Трамваев нет, электричества тоже нет. 300 вагонов трамвайных уже уничтожено. Предполагают взорвать Невский мост... Был большой пожар, 6 000 человек осталось без крова.

Здесь царят холера и черная оспа...» и т. д. [1].

6.

Сообщение в «München-Augsburger Abendzeitung» от 28 июля 1914 г. рисует паническое состояние Сербии днем 25 июля:

«Россия нас предала!», «Нет спасения!»—говорят знающие положение дел журналисты. Ходят слухи о предательстве, покушениях и т. д. Заседание министров закончилось кулачным боем. Король Петр будто бы скончался от удара, а наследник Александр ранен кем-то кинжалом. Толпа увидела на улице наследника и последовала за ним. Оваций нет. Наоборот, кажется, что еще момент—и масса его задавит. Кругом его раздаются упреки. На вокзалах паника—все стремятся покинуть город и скрыться подальше на юг»... и т. д.

7.

В журнале «Война» (Петроград, 1914 г.) помещена фотография немецкой части, к которой обращается с речью офицер. Подпись под фотографией:

«Напутствие перед битвой. Офицеры призывают солдат не щадить жителей, сжигать и опустошать все на своем пути!»

8.

Французский генерал, будучи в немецком плену, написал книгу, изданную во Франции, под названием «Im Lande der Schurken». Описываются ужасы германского плена. Пленных, судя по этому сгустку вранья, только разве не варили живьем на недостающее в стране сало.

---

[1] „8 Uhr Abendblatt“, 5 августа 1914, Берлин.

Некий немецкий полковой врач описывает в «Süddentsche Monatshefte», № 9, 1920 г.—а) об ужасах французского плена; б) о «капризах» французских пленных офицеров, рассматривавших как жестокость отказ немцев выдавать им зеркальные шкафы; в) о французе солдате, после немецкого плена выпустившего якобы книгу с посвящением немцам за братское отношение к пленным.

Описываются: жестокости, раздевание, беспричинные расстрелы, розги, голодание «даже офицеров!», глумление над умершими и т. д.

„Героические“ издания.

Примерами их являются периодические выпуски журнала «Война» (Петроград, 1914 г. Иллюстрировано в красках).

Краткое описание этого журнала.

№ 1 вышел в конце августа 1914 г.

Редактор Н. Вольнцев.

Издатель И. Богельман.

Склад журнала «XX век».

Каждый номер посвящен специальной «теме».

№ 1. Немецкие зверства.

№ 2. Кайзер Вильгельм в анекдотах. Немцы в карикатурах.

№ 3. Наша союзница Франция.

№ 4. Наша союзница Англия.

№ 7. Неприятель в анекдотах.

№ 9. Палачи и мародеры.

№ 10. Русский офицер.

№ 11. Война в воздухе.

№ 12. Наши союзники в бою.

№ 13. Друзья человека на войне.

№ 14. Турки в анекдотах.

№ 15. Война под водой.

№ 16. Казаки в бою.

№ 17. Таинственное на войне.

№ 18. Гарем.

Вот основные выдержки из этого журнала.

1.

Обложка № 1. «Зверства над русскими, застрявшими за границей».

Фотография. «Русские женщины, замученные пруссаками».

Предисловие. «Настоящий выпуск—памятка этих зверских поступков «гуннов XX века». «Не странно ли, не смешно ли, что эти люди смели упрекать нас в вандализме, нас называть дикарями».

И тут же: «Не читали ли вы о русских солдатах, одаривавших кто чем мог немецкого пленного?»

2.

Описываются страдания русских путешественников в Германии.

Жена директора канцелярии министра путей сообщения, Туган-Барановская, погибла в Германии.

Н. И. Гучков (авторитет!) рассказывает... «со слов очевидцев» о зверствах.

Основной лейтмотив—зверства над женщинами и детьми.

Разрывные пули.

3.

В № 2—о Франции.

«По государственному устройству Франция—республика, т. е. управляется самим народом при помощи выборных представителей, во главе которых стоит президент, получающий власть не по наследству, как государи, а по избранию, и не на всю жизнь, а на известный срок».

Замечательно это восхваление в царской России французского демократизма, который следует защищать от немецкого вандализма.

Статья об Эльзас-Лотарингии: «Чисто немецкая грубость и жестокость, с которой относилась Пруссия к французам—жителям Эльзас-Лотарингии, постоянно заставляла Францию страдать за участь своих сынов». Возвратить родину эльзасцам стало мечтою всех их братьев во Франции, а национальная честь давно уже ждала случая отомстить немцам за все жестокости, совершенные ими во Франции за время войны. Словом, у Франции с Германией старинные счеты.

«И все же, не желая проливать кровь своих детей, Франция до сих пор не начинала войны с Германией. Только теперь, когда союзница Франции—великая Россия оказалась вторгнутой в войну, когда России пришлось с оружием защищать правое дело,—на помощь ей поспешил верная дружественному союзу, мощная и доблестная Франция».

4.

Пример ультра-патриотического, «шапкозакидательского» вранья собственного корреспондента.

„Машинное производство".

«Во время боя между Сокалем и Томашевым целый батальон австрийцев бросил ружья и выкинул белые флаги. Когда мы стали приближаться к «храбрым» воинам, они,

боясь расстрелов, полегли все на землю и вытянули перед собой фотографические карточки жен и детей, умоляя этим пощадить жизнь.

Русь не бьет лежачего, мы—не в немца; забрали мы весь батальон и отправили в Замостье.

В Замостьи при обыске некоторые офицеры засмотрелись из любопытства на фотографические карточки. Что же оказалось? Один и тот же снимок с милой жены и трех деток-малолеток имеется у десятков и даже сотен австрийцев».

5.

Пример «умилительной» стойкости родных.

«Отрывок из сцены в штабе (выдача справок об убитых и раненых).

«Около меня на жестком казенном диване сидит низенькая сухая старушка с лицом, четко прорезанным морщинами.

Офицер в дверях громко называет ее фамилию. Она вскакивает со своего места и быстро уходит из приемной...

Я жду ее...

Она выходит такая же спокойная, старчески трогательная, и только лицо ее несколько побледнело.

— Ну?!

Она живо крестится и улыбается какой-то покорной, светлой улыбкой.

— Убит!

Ни стона, ни слабого крика.

— Убит... генерал,—говорит,—умер героем... за родину.

И стала эта старушка, такая худенькая, такая маленькая, вдруг величественной и гордой.

— Что же, я не ропщу... Ведь он за Россию!

И когда она ушла, я думал:

«Страна, где есть такие матери, не может не победить!»

6.

Другим примером «героической» литературы является журнал

„ВОЙНА И ГЕРОИ".

Доблестному воинству русскому и союзному посвящается этот журнал.

Летопись войны, военные рассказы, разоблачения, рисунки, карикатуры.

Редактор А. И. Котылев.

Издатель Э. И. Валенский.

Цена 10 к.

Краткое описание журнала.

1. В № 1. а) Фотография коленопреклоненных воинских частей и парада—отправка на фронт.

б) Восхваление «бедной Бельгии».

в) Фотография открытки о германском иге в Польше.

г) Восхваление французского героизма в войну 1870 г.

2. Приведем, очень характерный для всех стран по тупости своей, рассказ, которым стремились поднять боевой дух.

Рядовой Капитонов.

«Рядовой Н-ского пехотного полка Степан Капитонов»,—прочитал дощечку обходивший палату врач и спросил:

— Где ранен?

— Под Солодовом,—ответил Капитонов.

— Только что перевязывали, тяжелый случай—начинается перитонит,—доложила сестра милосердия.

— Родных у тебя, братец, нет?—осведомился врач.

— Никак нет... Жена есть,—нехотя протянул раненый.

— Извести ее.

— Нет, она от меня отдельно живет...

Капитонова и в санитарном поезде и все время здесь, в госпитале, неотступно преследовала мысль о жене. Прежнее чувство острой неприязни к ней исчезло, и он, думая о своей неверной Нюше, был настроен жалостливо и примирительно.

— Пошла она, стало быть, в кухарки,—рассуждал он,—попала в господский дом... Там, известно, все иначе—и люди, и пища, и разговор. Ну, и случился грех—спуталась с кучером... И он, надо полагать, почище меня и побогаче, ну, вот и ошиблась баба. А теперь, поди, сама жалеет, убивается...

И когда сестра милосердия вновь спросила его, не хочет ли он написать жене письмо, он с радостью согласился и мучительно долго диктовал ей неуклюжие фразы.

(Письмо пришло к Нюше с опозданием—она переменила адрес, а Капитонов все ждал ее, наконец, не дождавшись, помер.)

— Вам к кому?—спросил госпитальный служитель.

— В шестнадцатую палату к рядовому Капитонову,—ответила свежая, миловидная баба лет трицати.—Муж он мне.

Служитель навел справку по телефону:

— Капитонов умер.

Нюша спокойно выслушала эту весть, постояла с минуту и медленно направилась к выходу.

У нее в руках краснел узелок с гостинцами—с большой коробкой папирос, фруктовой карамелью и пастилой».

Нравоучение: война исправляла людей, в частности изменниц-жен.

Руссификация, германизация, американизация...

1.

М. Гарден в книге «Война и мир» приводит ряд иностранных слов, которые подлежат «истреблению, как паразиты»:

«Кайзер, принц, канцлер, министр, секретарь, директор, президент, маршал, генерал, штаб, майор, лейтенант, офицер, армия, корпус, дивизия, бригада и т. д.» (приводится 53 слова).

2.

«Русские немцы—изменники».

Под заголовком «Русские пленные в Берлине» в журнале «Война» помещена следующая заметка.

«Газеты приводят симптоматический, хотя, к сожалению, далеко не полный список «русских» пленных в Берлине.

Бем Иоганн, Шульц Карл, Гохштейн Фриц, Гютнер Эдмунд, Вигштейн Франц, Крушман Вильгельм, Крук Шам и т. д.

«Мы тоже немношка рюски шелофек».

3.

«Обойдемся без немцев».

Этой теме специально посвящен выпущенный с началом войны журнал «Партизан», Вестник мировой борьбы с германизмом (редактор А. А. Карелин, издатель Т. К. Шевелева).

В выпуске первом, в статье «Россия не для немцев», находим следующую мысль в программной статье:

«Лишенные счастья с оружием в руках бороться с дерзким врагом за царя и отечество, мы, оставшиеся здесь, должны вооружиться иными средствами, чтобы дружно встать на защиту мощи и богатства России».

Ряд статей посвящен разбору тех продуктов, которые Россия может производить без Германии:

«Гигроскопическая вата, медикаменты, электрические лампочки».

Предлагаются как заповеди русского: «Пиши на русской бумаге, русским пером, русскими чернилами и приложи русскую пропускную бумагу!»

«Евреи—наши друзья!»

1.

Гражданский мир должен внести «умиротворение» и в национальную вражду внутри страны. Одним из примеров этого—расшаркивание перед евреями. Они вдруг оказываются и патриотами, и героями, и прекрасным народом. Травля прежняя куда-то запрятана до лучших времен.

Вот несколько примеров, как эта маскировка отражалась в печати.

«Рядом с бодрым наступлением, которое проявляет призванная еврейская молодежь, необходимо отметить и в духе любви к отечеству проявленное настроение тех, которые по возрасту, болезни и т. д. приговорены оставаться на месте.

Пожертвования и благотворительность, что всегда было главной добродетелью евреев, и в этой войне блестяще осуществляются.

В больших организациях, даже в «Красном кресте», находятся еврейские работники, в национальной и женской организации помощи находятся многочисленные еврейские женщины» [1].

2.

В России в конце 1914 г. начал выходить специальный журнал «Война и евреи» под редакцией некоего Куманова и с фактическим издательством в лице кадетских «Русских ведомостей».

Вот его краткое описание.

Обложки.

В № 1—еврейская звезда (два треугольника). Остальные номера—портреты евреев-героев, врачи-герои, отставной капитан Герцель Янкелевич Цам, генерал Гейман (Франция), Джузеппе Отолленги (бывший военный министр Италии), Альфред Тэрпер (Англия, генерал-майор), лорд Рэдинг (член английской палаты).

Из передовой в № 1 журнала.

«Наши антисемиты всегда в качестве веского довода приводили космополитизм евреев, их «анархические» стремления. Этот довод был блестяще разбит в первый же день призыва русского народа для борьбы с неметчиной.

... Руководители журнала всецело надеются на то, что им окажут содействие широкие слои еврейской молодежи.

---

[1] Kriegspolitische Einzelschriften. T. III.

...Нас интересуют отчеты о деятельности еврейских лазаретов и комитетов для оказания помощи лицам, пострадавшим от войны, сообщения о евреях-героях отечественной войны» [1] и пр.

3.

«Становится совершенно ясным, как правящие лица России, в армии которой сотни тысяч евреев отдают свою жизнь за родину, всеобщим обвинением евреев в измене и шпионаже подвергают евреев гонению со стороны низких инстинктов народа»... [2] и т. д.

4.

В русском журнале «Война» (в № 5 за 1914 г.) помещена замечательная фотография: раненые бородатые солдаты-евреи молятся в присутствии раввина о даровании победы русскому народу!

5.

«Полное» примирение. «Синий журнал» помещает в августе 1914 г. портрет самого оголтелого черносотенца-погромщика, богатейшего помещика Бессарабии Пуришкевича с подписью (его слова, сказанные в Государственной думе):

«Пусть отсохнет моя правая рука, если я что-нибудь скажу против поляков и евреев».

Игра на суевериях.

1.

Незадолго до войны, по несомненным директивам французского Министерства иностранных дел, шарлатана Шавель «осенило» свыше, и он предсказал следующее:

Предсказание на 1914 г. проф. окультиста Ю. А. Шавель.

«...Я... составил, между прочим, гороскоп 1914 г., который находится под преобладающим влиянием планет, приносящих людям слезы, волнения, неурядицы, крахи, кровопролития...

В 1914 г. произойдут важнейшие перегруппировки держав в отношении союзных действий, что коренным образом изменит направление международной политики и еще более усложнит международные отношения.

В 1914 г. предвидится тесное сближение Испании с Россией, Франции с Англией.

---

[1] Статьи кадетов—кн. П. Д. Долгорукова, проф. кн. Е. Трубецкого.

[2] „Kriegspolitische Einzelschriften", вып. III.

Тройственному союзу грозит разлад. Швабам придется переменить свою политику в отношении славян, так как они получат сильный отпор со стороны России и Франции.

Австрии грозит упадок торговли и промышленности; предвижу, что ей угрожает полное финансовое банкротство и предстоит массовое эмигрирование населения...

... В 1914 г. сгущается атмосфера, накопляются тучи, но грозы можно ожидать лишь в 1915 г.

Германия и Австрия по обыкновению будут бряцать оружием, но тем дело и кончится, так как в будущем году войны не предвидится.

Турция причинит еще много хлопот Европе, но предвижу, что из последней она совсем будет изгнана...

...В общем, будущий год—неблагоприятный для многих народов. Надвигаются тучи и с ними события, могущие всколыхнуть весь мир».

„Синий журнал“ за 1914 г.

2.

Один из номеров журнала «Война» (Петроград, 1914 г.) специально посвящен теме:

«Таинственное на войне».

Образец безвкусной патриотической открытки. Изд. Российского Скобелевского комитета.

Вот краткое описание.

1. Обложка — солдатам в окопах является «белый генерал» (Скобелев).

2. Рассказ — «Чудесное спасение церкви»: не утонула походная церковь при провале моста во время похода.

3. Одной части явилось «чудесное знамение на небе» (крест).

4. «Загадочный случай». «Дурной приметой для Германии послужило происшествие, случившееся три года тому назад в саксонском городе Артерне. В годовщину Седана, в полдень, без всякой видимой причины, большой меч у стоявшей в ратуше статуи Бисмарка свалился на землю, а вслед за тем отпала и рука, опиравшаяся на меч»... и т. д.

Подыгрывание под „народный“ язык.

«Наказ ратникам.

А и гой еси, вы, добры молодцы, сыны ратные нашей родины.

Знать, настала нам беда лютая, знать, терпеть не стало силушки: как одна душа, всколыхнулася и поднялася Русь великая. Старцы старые стали бодрыми и столетние на бой просятся. . . . .

Добровольцами идут тысячи, а орлы, сыны земли русския, наши воины чудеса творят дивной храбрости, каждый божий день забирая в плен врага сотнями.

Что ж случилось с нашей матерью, землей русскою? Кто ее разобидел так, что сыны ее, не щадя себя, рвутся в бой лихой, словно в славный пир?

А случилось диво дивное, лихо лютое, нестерпимое. Как репейники непосевные, паразитами несносными разрослись и расплодилися немцы пришлые, чужеземные на родимой нашей родине. На своей земле перестали мы быть хозяевами.

Трудовые наши денежки подбираются от нас немцами, и в земле своей, нам доставленной кровью прадедов, как полонные, платим дани мы все неметчине под различными предлогами.

Земли лучшие, плодородные позахвачены у нас немцами, а родный мужик земли русския по чужим краям, от лихой нужды, горе мыкает.

Банки, что от людской казны капиталами наживаются, управляются на святой Руси больше немцами.

Хочешь плуг купить или веялку—барыши отдай во неметчину; обувь справить ли хорошую—за товар лишок отдай немцу же; хлебца ль хочешь иметь белого—на немецкую зерно вези мельницу.

И колбасные и булочные больше все у нас немецкие.

Да и стоит ли терять времечко,—на обертке ли с иголками, на катушке ли на ниточной все названия немецкие—до иголочки, до ниточки все захвачено у нас немцами.

Кажись, будет бы немцу алчному. Нет. Потянул он свои лапищи на Варшаву да на Киев-град, двинул полчища в землю русскую. Полилася наша кровь неповинная.

И вот тут-то оборвалося наше крепкое терпение, и отсюда всколыхнулася наша сила богатырская.

Океаном-волной поднялась Русь православная, чтобы смыть долой с нашей родины чужеядную плесень немецкую, кровожадную силу вражию.

Так ступайте же, други ратные, и от нас скажите братьям-воинам; коль нужда придет, до последнего все на бой пойдем, а врага лютого, ненасытного, многолетнего прочь сотрем со святой Руси—нашей матери.

Бог—помощник вам, крепко веруйте, защищать идете дело правое—веру русскую православную и родимую землю русскую от засилия немецкого.

Пусть закажут немцы дерзкие своим детям, своим правнукам: «Велико терпение русское, но того дюжее ихняя силушка»[1].

Игра на обывательском любопытстве.

1.

«Berliner Tageblatt» сообщает 31 июля 1914 г. о состоявшемся накануне «военном венчании» (Kriegstraung) принца Оскара с графиней Базевиц ввиду призыва принца в войска: «Венчание привлекло в церковь массы манифестантов».

2.

«Агентству «Немецкая восточная корреспонденция» сообщают из Бухареста, что на-днях кронпринц Сербии, когда он интимно посетил дочь недавно умершего русского посланника фон-Гартвига, был сброшен с лестницы пришедшим после него женихом, сербским офицером!»[2].

3.

«Сама императрица показалась народу!»

«Berliner Lokal Anzeiger» описывает, как ночью 1 августа 1914 г. показалась на балконе королевского дворца «сама императрица, приветствовавшая манифестантов».

---

[1] „Величайшая из великих войн с австро-немцами и турками за правду божию, за свободу народов". 1916 г.

[2] „Weser Zeitung", 1 августа 1914 г.

4.

Интервью с генералом.

«В этом домике—штаб-квартира генрала Н. А. Рузского. Отсюда, из этой патриархальной глуши с талантливой мудростью командует и управляет он с помощью телефонных и телеграфных проводов миллионами славных русских бойцов...

Генерал гипнотизирует вас, набрасывает желанные перспективы скорых побед, зажигает вас манящими надеждами, в которые так хочется верить? Ничуть. Наоборот, он—лаконичен, скуп на слова. И, если можно так выразиться, веришь не в его слова, потому что «он ничего не обещает», а веришь, глубоко веришь в него самого. Пожалуй, это сильней, неотразимей...

Одно могу сказать—я уверен, что теперь мы застрахованы от всяких неприятных «сюрпризов» со стороны врага. Их не будет уже и не должно быть.

Ободренный, окрыленный верой, покинул я этот деревянный двухэтажный домик. Через каких-нибудь двадцать часов там, на фронте у Двинска я убедился, что генерал Рузский принадлежит к числу тех, которые мало говорят, но много делают. Нельзя не согласиться с этим—факты всегда красноречивее слов...» [1].

Использование юмора.

1. Надписи в вагонах железных дорог Германии.

«Приглашаем на стрелковые состязания в Париже 1915 г.».

2. «Я его знаю!».

Священник утешает на вокзале женщину, которая, провожая своего мужа солдата, горько плачет.

— Ах! Я плачу не по своему мужу. Он как-нибудь выберется из беды. Но мне жаль врагов, которые попадут под кулаки моего мужа!..

3. Маленькая беседа.

Гинденбург (во время наступления на Варшаву). Дороги в Польше баснословно схожи с «победными» сообщениями русских войск.

Генерал: Почему?

Гинденбург (вытягивая ногу из болота). Потому что и те и другие беспочвенны!..

---

[1] Лемке, 250 дней в царской ставке.

4. Дешевая покупка.

Из немецкого журнала.

Два русских офицера беседуют между собою.

— У тебя прекрасная теплая шаль. Откуда ты ее достал?

— Я купил в магазине в Алленштейне.

— Сколько она стоит?

— Этого я не мог спросить—в магазине как раз не было продавца!

Из русского журнала.

Два немецких офицера беседуют между собою.

— У тебя прекрасные желтые сапоги. Где ты их достал?

— Я купил их в магазине в Калише.

— Сколько ты заплатил?

— Не могу знать—в магазине как раз никого не было!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Школа, наука и искусство на службе у войны.

Школа, наука и война.

Старая, избитая истина, что войну 1871 г. выиграл народный учитель, превзойдена неизмеримым падением «аполитичной», «автономной», «свободной» и «беспристрастной» школы и науки.

Окрашиваясь (в одних странах больше, в других—меньше) в либеральные цвета, школа и наука, находившиеся целиком в монопольном владении капиталистов, делали свое дело подготовки патриотически настроенного пушечного мяса, а главное—организаторов и руководителей этого пушечного мяса, лучше и умнее казенных форм этой подготовки, т. е. кадетских корпусов, офицерских школ, солдатских масс.

В Мировой войне школа и наука в ряде патриотических действий, декларациях и практической работе показали свое истинное классовое лицо, скрывавшееся за ширмами «демократической» школы и «независимой» науки. Лучшие профессора, ученые, преподаватели, изобретатели, студенческая масса все свои силы предоставили в распоряжение своей «так горячо любимой родины».

Вот как Ленин характеризует это классовое лицо школы.

«Иные нас упрекают в том, что школу мы делаем классовой. Но школа и была таковой во все время своего существования. Если сейчас мы видим саботаж со стороны учителей высшей школьной ступени, так это показывает, что эти учителя хотят монополизировать нашу школу, сделать ее орудием классовой борьбы, сделать ее оружием, направленным против рабочих и крестьян. Да чем же, собственно, и вызвана хотя бы эта продолжающаяся уже пятый год война, как не тем, что школа была использована врагами трудового народа в своих целях [1]. В школах старого типа ребенку неминуемо внушаются национальные предрассудки;

[1] Разрядка моя. *Ф. Б.*

разжигается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности; юная мысль затемняется глупыми предрассудками. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии. Чувство ненависти к отдельным национальностям буржуазия как нельзя лучше использует в своих целях именно во время войны, которая дает им колоссальные барыши»[1].

Мало того, что школа и наука, ее учащиеся и руководители отдали себя целиком служению войне—научной помощью, живой силой на пополнение офицерского корпуса, помощью в тылу,—они еще делали все возможное, чтобы идейно, политически помочь своей буржуазии. Одним из ярких проявлений этого является кампания очернения друг друга, чем занялись с первых дней войны научные деятели каждой страны по отношению к научным деятелям враждебной страны.

Буржуазия прекрасно оценила роль и значение школы и науки, интеллигенции вообще, на которую выпадает главная задача идейной, политической и организационной подготовки страны и армии к будущим войнам и руководства страны и армии во время войны.

Вот как определяет эту задачу в своей книге упомянутый уже французский генерал Серриньи[2]:

«Совершенно не представляется возможным втечение нескольких месяцев службы привить войскам воинский дух, не разрешивши вполне предварительно вопроса о создании командного состава. Люди должны, с своей стороны, обогатиться этим основным качеством вне армии. Представители интеллигенции (преподавательский персонал, профессура и, до известной степени, промышленники, коммерсанты и пр.), сделавшись офицерами на время войны, покрыли свое звание неувядаемой славой, словно предназначаясь для этой роли.

Само собой разумеется, не может быть речи о том, следует ли, таким образом, дать нашей молодежи военную подготовку. Школьные батальоны уже давно свидетельствуют лишь о том, что они уродуют будущего солдата, вместо того, чтобы его готовить.

Преподаватели, профессора после интенсивной подготовки, которую они сами могли бы получить в военных школах со стороны физического воспитания, окажутся в свою очередь вполне соответственными, чтобы внедрить в сознание молодых людей доверие к своим собственным силам, привить им энергию, развить глазомер и воспитать дисциплину, являющуюся обычным продуктом груп-

[1] В. Ленин, т. XV, стр. 386—387.
[2] Серриньи, Размышления о военном искусстве.

пового спорта. Эти упражнения надо обобщить и сделать обязательными. В каждой сельской общине рядом со школой, лицеем, фабрикой должно функционировать спортивное общество с заботливо содержимой площадкой; многочисленные призы пусть станут предметом особого внимания со стороны общественных властей и крупных организаций. Всю подобную подготовку необходимо будет поставить под действительный контроль военных авторитетов, которые воспрепятствуют ей уклониться в сторону. В таких путях станет разиваться физически вся молодежь вплоть до своего поступления в войсковую часть, а затем и по выходе из нее, и это развитие окажет самое благотворное влияние на нравственность народа—одинаково успешно как с военной точки зрения, так и гражданской.

Едва ли имеется необходимость добавлять ко всему этому, что воспитание национального чувства будет осуществляться теми же самыми элементами. Чудесная постановка дела (!) со стороны преподавательского персонала во время последней войны лишний раз служит для нас гарантией того усердия, с которым он в будущем выполнит свое назначение. Рядом с ним «общества бывших участников войны» должны будут преследовать ту же цель и смогут добиться чего-то большего, а именно—сохранения чувств привязанности, которыми война соединила войска и корпус офицеров...

...Руководящая роль принадлежит, напомним еще раз, всей интеллигенции страны. Но в данном случае эта роль выпадает на долю лучших народных сил из гражданского слоя, которые должны выступить на арену, чтобы начать крестовый поход с патриотическими целями. Префекты, служащие всех категорий, гласные, служители религиозных культов и пр., словом, все те, которые в силу своих обязанностей имеют доступ к народной душе, все те, которые обладают известным престижем в глазах населения, все те, которые умеют разговаривать с массами,—должны посвятить значительную долю своей деятельности проведению соответственной пропаганды. Депутаты парламента более других, равно как и члены наших академий, могут здесь проявить все свое счастливое влияние; в особенности им следует предпринимать поездки по Франции... или по крайней мере по району своего избирательного округа».

Подготовка к войне через школы.

Еще до войны даже в России ставились перед школами задачи, перечисленные Серриньи.

«Духовная выработка солдата, или военное воспитание его, как и всегда, должно составлять первую цель, первую

заботу военной подготовки. Теперь, по причине осложняющейся обстановки боя, большей силы впечатления потрясающих боевых картин, все перечисленные качества нужны еще в большем развитии, должны возбуждать больший порыв, а между тем краткость сроков службы до крайности затрудняет эту нравственную выработку нижних чинов. Теперь если еще можно обучить нижнего чина, то воспитать его должным образом трудно. Вот тут-то и должна притти на помощь школа. На это и надо обратить в ней прежде всего внимание.

Воспитание в школах должно вестись в духе патриотизма, в принципах святой преданности престолу, горячей любви к родине, уважения к отечественной истории, в духе преклонения перед военными доблестями, в духе дисциплины, уважения к старшим, признания их авторитета; надо вселить в молодежь принципы чести, правдивости, бескорыстия, сознания долга, уважения к существующим постановлениям. В этом выражалась бы лучшая подготовка к военной службе, этим школы оказали бы великую услугу армии. Это представляется особенно дорогим в наше время, при возрастающей распущенности, расшатанности общества, при утрате в нем самых элементарных нравственных принципов. А между тем эта сторона дела в наших гражданских школах, как кажется, поставлена слабо. Ввиду бесспорной важности соответственного интересам дела воспитания молодежи в школах, было бы полезно обратить на это серьезное внимание, помочь нашим начальным и средним школам, дать им средства удовлетворять в этом смысле потребность армии, помня, что это одна из главных государственных нужд. Вместе с тем желательно принять решительные меры к ограждению наших школ от тлетворного влияния людей, по своему нравственному складу, понятиям, отсутствию всяких патриотических основ не соответствующих своему званию сельского учителя или наставника средней школы, которые скорее могут внушить подросткам не уважение к военной службе, а пренебрежение к военным доблестям. Надо оградить школу от отбросов общества, которые проникают в нее.

Рядом с этим школы должны воспитать в молодежи теплое религиозное чувство, которое, укрепляя моральное состояние людей, давая им спокойствие, вселяя в них чувство покорности судьбе, устраняя чувство страха смерти, делая более равнодушным к опасности, всегда имело немалое значение в военном деле»[1].

---

[1] **Ф. Гершельман, Военная подготовка в гражданских школах, 1911 г.**

Приведем наиболее характерные иллюстрации стопроцентного патриотизма, шовинизма школы и науки в Мировую войну.

Патриотизм ученых.

Воззвание представителей германской науки и германского искусства [1].

«В качестве представителей германской науки и искусства, мы, нижеподписавшиеся, торжественно протестуем перед всем цивилизованным миром против лжи и клевет, которыми наши враги пытаются загрязнить справедливое и хорошее дело, защищаемое Германией в ужасной борьбе, которая нам навязана и которая угрожает самому существованию нашему. Самый ход событий опровергает ту лживую пропаганду, которая объявила лишь о германских поражениях. Но с большой горячностью трудились также над извращением истины еще для того, чтобы вызвать к нам отвращение. Против этих именно махинаций мы и протестуем громко, и этот наш голос протеста есть голос правды.

Неправда, что Германия вызвала эту войну,—ни народ германский, ни правительство, ни император не хотели ее. До последнего момента, до последней возможности Германия боролась для поддержки мира. Весь мир не должен судить иначе как на основании доказательств, которые представляют ему подлинные документы. Много раз впродолжение своего двадцатишестилетнего правления Вильгельм II сохранил мир—факт, который много раз признавали даже наши неприятели. Они забывают, что этот император, которого они сравнивают с Аттилой, впродолжение многих лет был предметом их шуток за свою непоколебимую любовь к миру. И только тогда, когда сначала начали ему угрожать, а вслед затем и напали на него из засады три великие державы, наш народ поднялся, как один человек.

Неправда, что наши войска грубо разрушали Лувен. Подвергшись предательскому нападению в своей лагерной стоянке, они должны были, хотя и неохотно, прибегнуть к репрессалиям и обстрелять часть города. Значительно большая часть Лувена осталась нетронутой. Знаменитая ратуша целиком сохранена; с опасностью для своей жизни наши солдаты защищали ее от огня. Если в этой ужасной войне и были уничтожены предметы искусства,—вся Германия, наверное, будет оплакивать это. Оспаривая пер-

---

[1] Это и следующие воззвания взяты (в сокращ. виде) из книги М. Гришина, Помни о войне.

венство какой бы то ни было из наций перед вашей любовью к искусству, мы энергично отвергаем возможность купить сохранение какого-нибудь предмета искусства ценою поражения нашей армии. Неверно, что мы ведем войну с презрением к международному праву. Наши солдаты не совершают ни актов против дисциплины, ни жестокостей. В отместку на востоке нашего отечества земля напивается кровью женщин и детей, зарезанных русскими ордами, и на полях сражения у Узы пули дум-дум наших противников раздирают грудь наших храбрых солдат. Те, которые вступают в союз с русскими и сербами и которые не боятся возбуждать монголов и негров против белой расы, предлагая таким образом цивилизованному миру зрелище самое постыдное, какое только можно представить,—являются, несомненно, последними, которые имели бы право претендовать на роль защитников европейской цивилизации.

Неправда, что борьба против так называемого нашего милитаризма не направлена против нашей культуры, как утверждают наши лицемерные враги. Без нашего милитаризма наша цивилизация была бы давно уничтожена. Для ее поддержки и создан этот милитаризм в нашей стране, более других подверженной опасности нашествия, которая повторялась из столетия в столетие. Германская армия и германский народ—одно и то же. В этих чувствах единства и братаются ныне миллионы населения, без различия степени культуры, класса и партии».

Манифест французских университетов.

Немецкие университеты только что протестовали против обвинений, которые вызвала Германия со времени начала войны. Французские университеты ограничатся со своей стороны следующими вопросами:

«Кто хотел войны? Кто втечение короткого времени, пока еще были возможны переговоры, употреблял все усилия к тому, чтобы найти какую-нибудь примиряющую формулу? Кто, напротив, упорно отклонял все те предложения, которые исходили из Англии, России, Франции и Италии? Кто в тот самый момент, когда, казалось, уже стало возможно предупредить конфликт, обрушил на мир войну, как будто не желая упускать удобного и давно ожидаемого момента? Кто нарушил нейтралитет Бельгии, хотя сам же раньше этот нейтралитет гарантировал своей подписью? Кто выразился по этому поводу, что нейтралитет не более как слово, что «трактаты»—это клочки бумаги, что в военное время надо пользоваться «всеми возможными средствами»? Кто нисколько не считается с международными соглаще-

ниями, в силу которых договаривающиеся стороны обязались не пользоваться такими средствами, которые можно было бы считать проявлением «варварства» или «вероломства», обязались, далее, относиться с уважением к историческим памятникам и церковным зданиям, зданиям, служащим целям науки, искусства и благотворительности, кроме тех случаев, когда враг стал бы пользоваться такими зданиями для военных целей? При каких условиях был уничтожен университет в Лувене? При каких условиях был сожжен собор в Реймсе? При каких условиях были брошены бомбы в Собор парижской богоматери!..

Мы хорошо знаем цену этого образования, но нам известно также, что, порвав с традициями Лейбница, Канта и Гете, немецкая мысль провозгласила себя солидарной с прусским милитаризмом, мало того, ему подчиненной, ему служащей и что, увлекаемая последним, она претендует на мировое господство.

Доказательств для этого более чем достаточно. Еще на-днях один из столпов Лейпцигского университета писал: «Ведь на наши плечи возложено все бремя защиты и охраны будущей культуры Европы». Не так смотрят на это университеты Франции. Они думали и продолжали думать, что цивилизация, культура есть результат работы не одного какого-нибудь избранного народа, что она—результат труда всего человечества, что умственное и нравственное достояние человечества создается естественным разнообразием в дарованиях народов, что независимость нужна для проявления гения каждой национальности. Заодно с армиями союзников французские университеты защищают дело свободы мира».

Из обращения английских ученых.

«...Нам больно видеть под обвинительным актом против Великобритании имена многих германских профессоров и людей науки, которых мы уважаем, с которыми мы связаны в иных случаях узами личной дружбы. Выдвинутые ими против Великобритании обвинения настолько неосновательны, что мы с трудом верим, что это воззвание выражает их твердое, обдуманное мнение. Мы не сомневаемся ни на минуту в их личной искренности, когда они выражают ужас перед войной или свое внимание к «приобретениям культуры»...

...Германские профессора, как кажется, считают, что в университетском мире Великобритании многие симпатизируют Германии. Это полное недоразумение. Никогда еще наша страна не была так единодушна в вопросе политики. Мы глубоко уважаем германскую науку. Мы связаны с Германией узами дружбы, уважения и любви. Но глубоко скорбим, что Германия, которую мы уважаем, под влиянием

своей милитаристской системы и мечтаний о завоеваниях заняла положение общего врага всей Европы. Войну, которая теперь началась, мы должны довести до конца. Для нас, как и для Бельгии, эта война оборонительная, война во имя свободы и мира».

Протест русских ученых.

«Мы ожидали, что если не в Австро-Венгрии, то в Германии, кичащейся своей культурой, это гнусное поведение правительств и войск вызовет осуждение по крайней мере

Образец безвкусной патриотической открытки. Изд. Российского Скобелевского комитета.

со стороны просвещенных людей. Мы ошиблись. Вместо осуждения мы услышали оправдание и одобрение преступных деяний даже со стороны пасторов, немецких ученых и писателей.

Мы уверены, что доблестное воинство наше и наших союзников сумеет покарать преступников, оставаясь в ореоле благородства, чести и неомраченной славы. Но в ожидании желанного и грозного часа расплаты, во имя заветов божественного учителя, во имя своего прошлого христиан-

ской культуры, во имя светлых идеалов современной цивилизации—мы возвышаем свой негодующий и протестующий голос против деяний варваров двадцатого века».

«Докладная записка профессоров».

(Эта докладная записка была подана правительству.)

«Строго конфиденциально.

На правах рукописи.

Германский народ и его император охраняли мир втечение 44 лет, в конце концов даже дойдя до границы национального достоинства и безопасности. Германия, несмотря на растущее народонаселение и могущество, никогда не думала переступать тесных границ своих владений на континенте с целью завоеваний. Она должна была только выступить на мировом рынке, чтобы обеспечить свое хозяйственное существование путем мирной конкуренции наравне с другими народами.

Но наши враги захотели ограничить и эти тесные границы и эту, жизненно нам необходимую деятельность на мировом рынке. Они разработали планы уничтожения Германской империи. Но тогда мы, германцы, единодушно, от самого высшего до самого низшего, поднялись как один человек, в сознании, что мы должны защищать не только нашу внешнюю жизнь, но прежде всего и внутреннюю, духовную и нравственную жизнь Германии и культуру Европы против потока варваров с Востока и против вожделений мести и стремлений к владычеству с Запада. И с божьей помощью, рука-об-руку с нашими верными союзниками мы смогли победоносно противостоять враждебной нам половине света.

Но теперь мы уже не удовлетворяемся только обороной, хотя в лице Италии мы только что получили нового врага. Враги навязали нам в руки меч и бесчисленные жертвы достоянием и кровью. Ныне мы хотим всеми силами защищать себя против повторения такого нападения на нас со всех сторон, против целого ряда войн, против противника, который может оправиться. И мы хотим так крепко и так широко расположиться в нашем укрепленном и увеличенном отечестве, чтобы наше независимое существование было обеспечено на ряд поколений вперед.

Народ единодушен в этом решении. Настоящая и твердо установленная истина такова: все слои нашего народа боятся только одного, а именно—как бы из-за примиренческих иллюзий или в силу нервной нетерпеливости не был заключен преждевременный мир, т. е. мир половинчатый и неустойчивый; чтобы опять, как сто лет тому назад, перо дипломатов не испортило того, что завоевал меч, и как бы это не случилось в роковой исторический час

Германии, при наличии такого величия и единодушия народного настроения, какого в прошлом вообще не бывало и которое не так-то легко может повториться в будущем.

Мы, вне сомнения, не стремимся к мировому владычеству, но мы хотим полного признания нас со стороны всего света соответственно величию нашей культурной, хозяйственной и военной силы. Ввиду огромного численного превосходства наших противников мы, вероятно, не сможем осуществить всех целей такой национальной обеспеченности. Но мы используем все военные результаты этой войны, стоившие нам стольких жертв, до крайней границы достижимого. Такова—мы снова повторяем это—такова твердая воля всего германского народа.

Все те, кто в силу своего образования и положения призваны быть духовными вождями и передовыми борцами общественного мнения,—должны считать своей обязанностью и правом ясно сформулировать эту решительную волю народа, которая явится сильнейшей опорой для правительства, когда перед ним встанет тяжелая задача отстаивать необходимые для Германии требования, отстаивать их как перед малодушными одиночками внутри страны, так и перед упорным внешним врагом.

Мы призываем к выполнению этой обязанности.

Хорошо зная, что надо различать между желательными для нас целями войны и окончательными условиями мира, что все зависит от конечного успеха нашего оружия, несчитая своей задачей выяснение военных целей Австро-Венгрии и Турции,—в нижеследующем мы изложили согласно нашему глубочайшему убеждению, какие именно гарантии необходимы Германии для обеспечения продолжительного мира, т. е. к какой цели должны привести кровавые пути этой войны».

1. Франция.

«По прошествии столетий угроз со стороны Франции и после крика о реванше (мести), продолжавшегося от 1815 г. по 1870 и с 1870 по 1914, мы желаем наконец раз навсегда покончить с французской опасностью. Это убеждение охватывает все слои нашего народа. Тут примиренческие стремления ни у места, подобных стремлением Франция всегда противопоставляла отчаянный фанатизм. В этом пункте мы предостерегаем самым настойчивым образом от германских иллюзий. Франция будет жаждать мести и после ужаснейших уроков этой неудавшейся ей войны-реванша, если ее силы не будут окончательно разбиты. Мы должны беспощадно ослабить эту страну и политически и экономически

и улучшить нашу французскую военно-стратегическую границу, что совершенно необходимо в интересах нашего собственного существования.

Согласно нашему убеждению, для этого необходимо основательное улучшение нашей западной границы от Бельфора до моря.

Мы должны по возможности завоевать часть северо-западного французского берега канала для того, чтобы иметь стратегическую гарантию от нападения Англии и для того, чтобы получить более благоприятный выход к океану. Для того чтобы это географическое расширение Германии не принесло с собой затруднений внутреннего характера, необходимо принять соответствующие меры. Во избежание повторения эльзас-лотарингских порядков надо перевести важнейшие предприятия и земельные владения из рук враждебных Германии в руки германцев, причем прежние владельцы должны быть вознаграждены за счет Франции. Население присоединенных областей никоим образом не должно получить влияния империи.

Далее необходимо наложить на Францию (в первую голову именно на Францию из числа всех остальных врагов) беспощадно высокую сумму в виде военной контрибуции (ниже мы поговорим об этом подробно), хотя Франция благодаря своей собственной глупости и британскому эгоизму и без того уже понесла колоссальные финансовые жертвы.

Нам не следует также забывать, что эта страна обладает сравнительно чересчур большими колониями и что Англия при удобном случае сможет воспользоваться этими французскими владениями, если мы упустим момент и не предъявим претензий.

2. Бельгия.

«Бельгию, завоеванную такими потоками благороднейшей германской крови, мы должны будем укрепить за нами и в политико-военном и в экономическом отношениях, какие бы причины ни говорили против этого решения. Ни в одном другом пункте народная воля так не единодушна, как именно в этом: удержание Бельгии народ считает вопросом чести, не подлежащим обсуждению.

Иначе Бельгия, с политически-военной точки зрения, явится не чем иным как чрезвычайно опасной для Германии базой английского нападения, не чем иным как щитом, под прикрытием которого наши враги снова будут собирать свои силы. Присоединение Бельгии и в экономическом отношении будет означать грандиозное усиление нашего могущества» [1].

---

[1] Взято из книги Мюллера, Мировая война и германская революция.

Голос „либеральных“ ученых.

1.

Группа ученых и общественных деятелей прогрессивного направления, интересующихся иностранной политикой и сочувствующих славянам, собирающаяся в доме А. Н. Брянчанинова, в очередном заседании 22 июля 1914 г. выработала и приняла следующие резолюции.

«1. Преднамеренное нападение Германии сначала на Россию, затем на Люксембург, Бельгию, Францию и Голландию, без достаточных оснований и лишь в целях поддержать международный разбой Австро-Венгрии, ставит Германию вне закона международного общежития. Война, имеющая нанести по вине Германии неисчислимый вред цивилизации и культуре, не должна окончиться прежде, чем нравственному чувству мира не будут даны гарантии невозможности повторения международных разбоев в будущем. Для сего вопиющие за международное право и независимость европейских государств страны (Сербия, Россия, Бельгия, Франция и Англия) должны установить новый международный уклад в Европе не иначе как по взаимному уговору и при условии одновременного подписания мирного договора. Вильгельм Гогенцоллерн, которому едва не была поднесена, по проискам австрийца Фрида, Нобелевская премия мира и который унизил свое высокое звание монарха наглой ложью, заявив, что война вызвана нападением на Германию,—лично ответственен за кровь, которая прольется. Возмутительное отношение германцев к русским в Германии после объявления войны объясняет, хотя и не оправдывает некультурное поведение толпы, разгромившей здание германского посольства в Петербурге. С другой стороны, расстрел в Эльзасе председателя общества «Памяти Франции» заставляет опасаться, что немецкие варвары не остановятся ни перед чем, а это в свою очередь отразится крайне прискорбными ответными действиями. 2. Возмущаясь циничным нарушением гарантированного самой же Германией нейтралитета Бельгии и восторгаясь геройским поведением этой страны, нельзя не выразить пожелания скорейшего прибытия на помощь бельгийцам английского десанта. 3. В возгоревшейся войне, представляющей борьбу против милитаризма и насилия германцев над культурой остальных европейских народов, дело идет в то же время о праве на самостоятельное существование на материке Европы создавших самобытную культуру славянских и других народов. В этой борьбе среди славянских народов Польше, по условиям театра военных действий, суждено испытать особенно тяжелые последствия. Необходимо, чтобы удары, принятые на себя Польшей, были оценены по достоинству русским

обществом и правительством, и в результате войны польский вопрос должен быть наконец разрешен на началах славянского братства и справедливости. 4. Считая, что общественные учреждения и без того обременены расходами и затруднениями в связи с войной, необходимо всецело возложить обеспечение семейств воинов, оторванных от семейных очагов, на государственное казначейство. Дееспособность войск будет зависеть от их духа, а дух запасных в значительной мере будет зависеть от уверенности в поддержке государством их семей. Поэтому следует каждому семейству, лишившемуся кормильца, на все время мобилизации назначить и выплачивать немедленно и всем без исключения ежемесячное пособие от правительства в размере примерно по пяти рублей в месяц, что вызовет сравнительно с общими расходами войны совершенно незначительные затраты, примерно около тридцати миллионов рублей в месяц» [1].

2.

30 июля состоявшееся под председательством А. Н. Брянчанинова собрание группы ученых, профессоров и общественных деятелей прогрессивного направления, после выслушания ряда речей с участием профессора Бехтерева, профессора Плетнева, члена Государственной думы Велихова и других, приняло следующую резолюцию об отношении к текущему моменту.

«1. Зверства, учиненные и чинимые над русскими гражданами в Германии и Австрии и в занятых русских городах Калише и Андреевe, настолько возмущают не только правовое сознание, но и чувство человеческого достоинства всех культурных людей мира, что представляется неотложным и важным, точно установив все случаи, сделать перечень их предметом официальной ноты русского правительства союзным и нейтральным правительствам, сообщив его и печати тех же стран. Кроме сего надо просить «Русское общество мира», усиленное тремя делегатами группы, выработать воззвание с протестом ко всем «обществам мира», дабы сообщенный материал мог положить основание для выработки мер предотвращения в будущем столь гнусного проявления варварства. Делегатами избраны: А. Н. Брянчанинов, В. Г. Плетнев и Л. А. Велихов. 2. Мобилизация Турции, проводимая под руководством целого корпуса германских офицеров, с генералом Сандерсом во главе, и перечислением в турецкий флот двух кораблей с экипажем воюющих держав, недопустимые для нейтральных государств, являются открытым вызовом по адресу России. От-

[1] „Историческая летопись".

ветом на такое действие Турции со стороны русского правительства должно быть немедленное требование о разоружении германских судов и демобилизации. 3. Двусмысленное поведение болгарского правительства и части болгарской печати настолько резко противоречит общеславянским направлениям, что вынуждает нас в этот последний час напомнить Болгарии, что русское общество не сможет забыть и простить Болгарии в ее совокупности отступничества идее славянства в момент разрешения славяно-германской борьбы. О сем довести телеграфом до сведения газет через Бобчева. 4. Мы надеемся, что румынский народ будет достаточно проницателен, чтобы понять, что ни пяди русской земли никому и ни при каких обстоятельствах уступлено быть не может. Цель румынской национальной политики лежит в присоединении Трансильвании, немедленное освобождение которой будет тем легче, чем скорее Румыния активно примкнет к коалиции держав, ставшей на защиту права национального самоопределения народов. 5. В соответствии с патриотическим единением, обнаруженным Государственной думой и правительством в общем стремлении победить внешнего врага, нельзя не указать на неотложную необходимость немедленного проведения в жизнь на местах ряда мер к облегчению работы общественных организаций, свободная патриотическая деятельность которых необходима как для народного воодушевления, так и для предотвращения возможных тяжких последствий войны. 6. Во избежание превратных толкований и нервного настроения масс в городах и деревнях, вызываемых неведением и вздорными толками, желательно более широкое осведомление русского общества компетентными учреждениями о ходе военных действий русской армии и наших союзников и о тех доблестных поступках частей русских войск и отдельных лиц, коих сообщение, не клонясь к ущербу военных интересов, может служить к вящшему подъему народного воодушевления» [1].

Группа ученых, профессоров и общественных деятелей прогрессивного направления, интересующихся иностранной политикой и сочувствующих славянам, в очередном своем заседании 6 августа, под председательством профессора А. И. Введенского, по выслушании ряда речей и продолжительных дебатов, приняла следующую резолюцию.

«1. Воззвание верховного главнокомандующего к полякам и галицким русским открывает новую эпоху в жизни славянства и России. Разрешение русско-польского вопроса путем возрождения и объединения Польши, неразрывно связанной с державной Россией, составляло всегда в глазах

[1] „Историческая летопись“.

всех просвещенных славянофилов краеугольный камень будущего славянского объединения и возрождения. Право политического самоуправления должно быть признано за поляками под условием, конечно, гарантии прав русского меньшинства. Галицко-польское меньшинство должно вовремя понять, что лояльность к славянству выше лояльности к Францу-Иосифу, как ни велики его корыстные благодеяния к этому меньшинству. 2. Сосредоточение болгарских войск на границе Сербии составляет в данной обстановке преступный вызов не только Сербии, но и России. Болгарский народ, имея достаточно полную конституцию, должен считаться ответственным за свою внешнюю политику. А посему, если болгарский народ желает избежать последствий разрыва с Россией и даже вооруженного столкновения с нею, он должен принудить свое правительство, не торгуясь, примкнуть к России и Сербии во имя общих славянских задач. 3. Гнусности, чинимые над русскими и славянами в Австрии и Германии, вынуждают нас выразить несвойственное нам пожелание, которое в данной обстановке разделит с нами весь цивилизованный мир, а именно: официально предупредить правительство Германии и Австро-Венгрии, что за каждое убийство, насилие и экзекуцию, учиненные над русскими или славянами, будут отвечать жизнью и имуществом как сами насильники, так и начальствующие над ними попустители и подстрекатели, до самых высших включительно. 4. Все потери и прямые и косвенные убытки, причиненные русским и славянам, германцами и венграми, должны будут быть возмещены пострадавшим помимо военной контрибуции за счет государственных средств и имуществ Германии и Австро-Венгрии» [1].

Студенчество — по стопам своих учителей.

1.

«В Москве 9 октября (1914 г.) в 12 часов дня в новом здании университета после лекции проф. Каблукова состоялась летучая сходка студентов, на которой была принята резолюция о необходимости выразить отношение студенчества к акту о призыве в армию. Около 2 часов в аудитории № 1 нового здания университета проф. А. А. Байков во время своей очередной лекции высказал свой взгляд на переживаемые Россией и Европой события и в частности указал на Положение Совета министров о призыве студентов в ряды армии. Один из студентов, Л. К. (почему-то все-таки настоящую фамилию буржуазные газеты скрыли. Такой хороший патриотический акт—и все-таки одни буквы Л. К.!),

[1] „Историческая летопись“.

поднялся и произнес речь, указав, что студенты восторженно встречают акт о призыве их на защиту родины и смело идут навстречу врагу. По предложению оратора присутствовавшие в аудитории студенты пропели «вечную память» всем павшим на полях сражения, а затем с пением «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя» вышли на улицу. С пением национального гимна и с портретами государя и государыни в руках студенты университета прошли по Моховой и Тверской и по Тверскому бульвару к дому градоначальника. Перед зданием градоначальника студенты снова пропели «Боже, царя храни». На террасу вышел главноначальствующий г. Москвы генерал-майор Адрианов. Когда пение гимна закончилось, один из студентов обратился к главноначальствующему с речью: «Ваше высокопревосходительство, ознакомившись с высочайше утвержденным положением о призыве студентов высших учебных заведений в ряды армии, студенты университета дружно, с горячим чувством любви к родине просят вас повергнуть к стопам его императорского величества государя императора наши верноподданнические чувства и нашу готовность вступить в ряды армии, двинуться вместе с нею на врага и грудью сломить упорство дерзкого неприятеля. Мы надеемся вступить в бой с немцами уже не под Варшавой, а под Берлином». Главноначальствующий г. Москвы генерал-майор Адрианов ответил: «Я сегодня же сообщу его императорскому величеству о выраженных вами верноподданнических чувствах и горячем желании вступить в ряды армии. Вместе с вами желаю, чтобы армия и вы вступили героями в Берлин». Слова Адрианова были покрыты восторженными криками: «Ура! В Берлин, в Берлин!» [1].

2.

«Вчера утром проф. Эренерт вывесил в Страсбургском университете следующее объявление:

«Коллеги! Группа студентов, среди них и эльзасцы, просили меня посодействовать им, в случае объявления мобилизации, поступить добровольцами на военную службу. Я присоединяюсь к ним и приглашаю всех также присоединиться к нам во имя и честь нашей дорогой «Альма матер» [2].

3.

18 сентября в студенческой столовой на Моховой улице было собрание представителей от студенческих экономических организаций с целью выяснения вопроса по ока-

---

[1] М. Покровский, Очерки русского революционного движения XIX—XX веков, изд. 1924 г.

[2] „Kreuz-Zeitung", 1 августа 1914 г.

занию студентами помощи запасным и их семействам. На собрании было 57 человек студентов и курсисток.

«Ввиду того что настоящий кризис несет с собой стихийное бедствие, связанное с ужасами войны, и вся демократическая Россия, весь народ потрясен не только материально, но и духовно,—собрание находит необходимым сплотиться в общестуденческую легальную организацию для того, чтобы нести посильную помощь, не ограниченную только целями помощи раненым, но захватывающую широкую область борьбы с экономическим потрясением страны, вызванным войной и особенно остро сказывающимся в положении крестьян в пораженных неурожаем губерниях и населения пограничных областей. Необходимо также внести идейную струю в эту помощь, достойную русской интеллигенции, достойной общечеловеческих идеалов, носителем которых она является» [1].

Через детей к „сердцу" родителей.

Колеблющихся взрослых усовещивают «высоким патриотизмом» детей, которые без колебаний—под давлением школы, церкви, специально детской литературы, военизированной игрушки и т. д.—стоят на «патриотической» платформе. Колеблющиеся родители, умиляясь гражданской стойкости детей, должны по замыслу готовых услужить писак уверовать в правоту дела войны.

Наиболее характерными являются две немецкие книги, собравшие основное, что печаталось в газетах, журналах и т. д., как якобы имевшие место беседы, шутки детей.

1. «Дети и война». Изречения, действия, жертвы и рисунки (Мюнхен, 1915).

2. «Наши дети и война». Опытные обследования во время мировой войны. Р. Шульца (1918 г. Лейпциг).

Вот выдержка из предисловия к первой из названных книг:

«Храбрость, воинственный дух, симпатии и любовь к войне, несмотря даже на ее цель,—вот основная духовная черта немцев, этих первых рыцарей и борцов всего мира. Поэзия восхваляла войну. Война изменяла домашнюю жизнь, захватывая женщин своим прекрасным дуновением. Война изменяла религию, сделав бога великим богом войны...

Наши ребята—совершенно такие же, как наши предки. Мы можем радоваться как неоценимому фактору выработки и воспитания характера, что они (ребята) получают особенно сильное воздействие от событий на западных, восточных, северных и южных границах нашего государства».

---

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов 1914 — 1917), т. I, 1925.

В книге приводятся следующие характерные анекдоты, якобы подслушанные у детей, а по нашему мнению сочиненные и показывающие, в каком направлении стремятся воспитать среди детей воинственный, рыцарский дух.

1.

«Тяжелое расставание».

«Маленькая Ильза ласкает и целует своего громадного Мишку, шепча ему: «Доброго здоровья! Возвращайся назад здоровым!» На вопрос матери, почему она прощается с Мишкой, маленькая патриотка отвечает: «Мамочка, разве ты не знаешь? Мишка тоже должен пойти на фронт храбрым бойцом, чтобы помочь нашему папочке поколотить этих русских!»

2.

«Милый боженька—немец!»

«На улице 2 мальчика беседуют о войне. Первый разъясняет второму, как для нас плохо обстоит дело. Но другой возражает: «Ну, парень, дела не так плохи, ведь нам поможет боженька, а он ведь немец!»

3.

«На улице Берлина, в толпе зевак, мальчишка объясняет, почему русские солдаты плохо стреляют: «Они ведь могут только одной рукой стрелять».—Почему же?—спрашивают его удивленно.—«Потому что другой рукой... они чешутся в голове!» и т. д.

4.

Детская песенка.

Русский—убит,
Русский—убит,
Франция лежит при смерти.
Франц и Вилли очень рады—
Есть что унаследовать!!!

Искусство и война.

Недалеко от научных деятелей ушли и служители «чистого» искусства. Ведь оно, по буржуазному катехизису демократических свобод, «независимо», свободно и аполитично.

Между тем работники искусства—художники, литераторы, артисты, скульпторы, музыканты—одни идейно, большинство за презренный металл—продались буржуазии. Протестанты предавались остракизму. Все—на оборону, ко-

нечно, защищающейся, конечно, подвергшейся нападению, конечно, борющейся за культуру, красоту жизни и свободу родины, нации!

Ученые, технические силы, врачи, служители искусства всех областей, служители религиозного культа—единый фронт интеллигенции, фронт, о котором мечтает генерал Серриньи для блага Франции, английский генерал—для Англии, немецкий генерал—для Германии и т. д., и т. д.

Плакат, скульптура, портрет, художественно разрисованная посуда, музыка, стихи, роман, опера, драма, кинолента, карикатура, анекдоты и многое другое—все окрашивается в патриотические цвета.

Французский куплетист высмеивает немецкого императора и сосиску; немецкий карикатурист высмеивает русского царя и грязь; русский поэт предает проклятию австрийского царя и венские булочки; австрийский опереточный артист высмеивает английского короля и иоркширскую свинью и т. д.

Все вместе используют свое духовное оружие для одурманивания, развлечения от тяжелых дней окопного гниения, для подъема уставших на походе, для подогревания угасающего патриотического духа трудящихся, которые запускают друг другу в брюхо штыки и пули.

Если полиция, охранка, генералы, суды своими мерами и способами держат население в своих руках, заставляя драться, то ведь на то и власть буржуазная.

Но куда грязнее, низменнее, позорнее та предательская работа, которую проделывают своим тончайшим оружием работники искусства. Ибо они берут доверчивого человека и играют на невидимых струнах его душевных переживаний, не крикливо, а незаметно—от картины к картине, от стиха к стиху, вливая яд, отравляя сознание порабощенных трудящихся масс.

Вот примеры этого рода деятельности «аполитичного», «чистого» искусства.

Литература.

1.

Еще до войны имелось много художественной литературы, задачей которой было не только общепатриотическое, общебуржуазное воспитание «народа», но и прямая подготовка сознания читателей к будущей войне. Укажу на следующие примеры.

В России в 1913 г. вышла книга некоего «Петра Р—цкого» под названием «Война «кольца» с «союзом». Содержание

этого «романа»—фантазия о войне Англии, Франции, России (кольца) с Германией, Австрией и Италией (союзом).

Или другой пример. В Германии в 1913 г. вышел роман Августа Ниманна под названием «Мировая война. Немецкие сны».

Такой литературы можно найти очень много. Не затрудняя здесь читателя перечислением названий такого рода беллетристики, особенно периода самой Мировой войны, отсылаю к указателю литературы (в конце книги).

2.

«Г. Д. Уэльс, знаменитый писатель, должен был посвятить выполнению этой задачи свою богатую фантазию. Он должен был изобразить перед немецким народом картину будущей Германии, которая, отказавшись от стремления к мировому владычеству, развивает свою мирную работу в области искусства, науки и промышленности. Кроме того, он должен был еще показать, что прежнее промышленное владычество Германии неуклонно переходит к Англии, которая постепенно научилась сама производить все продукты научной промышленности—краски, химические вещества, которые раньше ввозились из Германии» [1].

Характерен пример следующей книги:

«О немецком бытье. Импрессии соплеменника. 1914—1917 гг.». Бьерна Бьернсона, предисловие Г. Гауптмана. Издание Эстергельд и К°. Берлин, 1917 г.

Вот выдержка из предисловия Гауптмана.

«Б. Бьернсон оказывает мне честь, желая получить для этой книги мое предисловие.

Это прекрасная и убедительная книга...

Мы все знаем, что Бьернсон сделал и с какой решительностью он защищал дело немецкого народа против врагов.

Он не принимал участия в качестве бойца—ведь он принадлежит к нейтральному государству!—а лишь как секундант, который только держит оружие наготове, чтобы отпарировать удары бесчестной руки.

Бьернсону пришлось, как и другим скандинавцам, принять на себя ненависть наших врагов. Он это предвидел. И это не поколебало его решимости отдать должную честь правде.

Этим произведением, которое с благодарностью будут читать в хижинах и дворцах, Бьернсон надолго оставит память о себе в сердцах немцев».

---

[1] **Штерн-Руберт, Пропаганда как орудие политики.**

Книга, так горячо рекомендуемая Гауптманом, является образчиком самой махровой ура-патриотической, шовинистической литературы, с зверствами врагов, гуманностью немецких солдат и т. д.

Стихи и песни.

Эта область искусства была особенно излюбленной в смысле использования с военными целями. Вчерашние репортеры о происшествиях становились «поэтами». Но не отставали и именитые поэты.

Приведем несколько примеров.

1.

ДОБРОВОЛЕЦ [1].

Зачем же плакать, провожая,
И надрывать слезами грудь?
Благослови меня, родная,
В молитвах не забудь.
Я б мог остаться... Но позорно
Не быть участником борьбы,
В которой родины, бесспорно,
Навек решаются судьбы.
России целость защищая,
Стеной все встанем... Будь-что будь.
Благослови меня, родная,
В молитвах не забудь.
Пусть враг силен и льет, как воду,
Кровь наших братьев и отцов, —
У русских хватит за свободу
Самоотверженных бойцов.
Все на пути своем сметая,
С врагом сойдемся грудь на грудь...
Благослови меня, родная,
В молитвах не забудь.
Прощай... надейся, что героем
Твой сын вернется в отчий дом, —
Тогда дела мы все устроим,
Вдвоем счастливо заживем.
Но если весть домчится злая,
Что пал в бою я где-нибудь, —
Оплакавши меня, родная,
В молитвах не забудь.

2.

Германцы, да зажжется ваше сердце опьянением мировой войны,
Войны, по праву названной „священной",
Что изрыгает горы рвущихся гранат из глоток огненных,
Рвет человечество на части кровавыми руками,
Летит, как смерть, над государствами, озерами, морями...

[1] Из книги: „Величайшая из великих войн с австро-немцами и турками за правду божию, за свободу народов", 1916 г.

Но если наши миллионные войска сей смерч несут с собой на гибель, —
Он пробудил зато Германии единство.
О, дайте мне найти слова святые нашего родного языка,
Ведь наш орел взлетел опять с гнезда на бой,
И я сплету из слов тех золотой венок,
О, чудные слова: „Война Германии — Германии победа“.
И это — наш завет во дни нужды и горя,
И вера в то поможет отобрать нам у врага и землю да и честь,
Поможет нам перенести невзгоды и близких смерть:
Ведь за отечество они пролили кровь,
Пурпуровую кровь их сердца... она взывает всюду к небу:
Мы отомстим за их святую кровь,
За кровь Германии родных сынов,
Последнее пожертвуем за них...
А потому-то гнев и ненависть мы сеем.
Тащите пушки! Гранатами, шрапнелью
Набейте крепко жерла пушек, гаубиц, пулеметов
И превратите каждый вражий город, крепость
В обломков кучу, даже если он построен из гранита.
Пусть месяц, солнце лишь „побитым“ во Франции сияют,
В России ж взбороздите всю страну снарядами.
Да будет это утешеньем для тех, кто здесь взывает к мести,
Для тех, кто плачет о родных, погибших.
А Англия, привыкшая к победам, что жертв ей никаких не стоят,
Зальется пусть волнами горя, ужаса, кровавого огня,
И пусть гранаты наши там себе присвоят право.
Пахать, да так, что в будущем году крестьянину пахать уж не придется.
Ведь на листе заглавном книги по исторьи мировой
Стоят еще те грозные слова: „Исторья мира — суд над миром“.
Последняя ж страница говорит: „Весь мир перед Германией склонил колена“.
И потому помолимся: „О, бог земли и неба,
Пошли Германии победу в той борьбе, что ей навязана врагами,
Благослови войска ее в опасностях сражений,
Прими к себе всех тех, кто без вести пропал на поле битвы.
О, помоги, подай святую силу страдания с блаженством претерпеть.
О, научи понять, сознать и помнить:
„Гигантские следы истории германской и вечность вечностей
Стереть с лица земли не сможет“.
„О, бог сражений, тебе мы доверяем, ты поможешь
Нам оправдать слова чудесной песни: „Германия, Германия всех выше“.

Воззвание Конрада Астфалька из Берлина-Вильмерсдорфа. По высочайшему приказанию распоряжением военного министра автору было разрешено распространить это воззвание среди солдат [1].

3.

Для Франции характерен сборник Эммануила Дюкро (Ducros) «Flammes de guerre. De l'invasion. Vers la Victoire, 1914—1915».

Издано в Париже в 1915 г. Издатель—A. Lemerre.

[1] Р. Мюллер, Мировая война и германская революция.

Театры, кино, музыка.

Кино и театры, меньше—музыка, были наводнены изготавливаемыми или по специальным заказам или по инициативе ловких драматургов, кинофабрикантов ультра-патриотическими фильмами, пьесами, водевилями, опереттами и т. д. Размеры книги не позволяют на этом долго останавливаться. Укажу только, что все историки и «историки» Мировой войны отмечают колоссальное значение, которое играл в первую очередь киноаппарат. Простота устройства экрана, возможность массового обслуживания масс, возможность экспорта фильм, возможность подлогов—делают последние весьма сильным средством политической пропаганды буржуазии.

И, конечно, все ненемецкое изгонялось со сцен германских театров, нерусское—с русских, нефранцузское—с французских.

«Дирекция столичного театра пригласила вчера—накануне мобилизации (1 августа 1914 г.)—на премьеру. Шел французский фарс «Тайна ателье» Генри Бегуэн» [1].

Дальше—ругань за такой непатриотический поступок.

В журнале «Партизан» (1914 г.) изображена следующая картина.

Группа композиторов сидят с громадными кружками пива, немцы—Шуман, Бетховен, Шуберт, Вагнер и другие. Сзади стоят и пытаются пройти вперед русские—Глинка, Чайковский и другие с возгласом:

«Гг. немецкие композиторы! Дайте дорогу и подобающее место нашей, славянской музыке» [2].

Кино.

1.

«В Берлине был создан громадный картинно-фильменный департамент (руководимый военным ведомством), который снабжал всякого рода аппаратами, приобретал подходящие фильмы, сдавал на прокат, создавал кинотруппы, которые посылались повсюду для съемки. Такие фильмы распространялись на родине, на фронте и даже в нейтральных странах и находили самый живой отклик.

Как радовались солдаты, видя на полотне старые знакомые места и события на тех участках фронта, куда сам не попал.

---

[1] „Tägliche Rundschau", 2 августа 1914 г.
[2] Журнал „Партизан", № 1, 1914 г.

L'HUMOUR ET
LA GUERRE
1914 – 1916

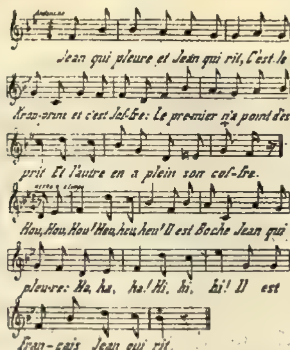
Le Trophée du KRONPRINZ

CHANSON DE LA REVANCHE (Air Populaire)

PAROLES DE JULES CÉLÈS
Illustrations de O'GALOP
IMAGERIE D'ÉPINAL. N° 85

Jean qui pleure et Jean qui rit.
C'est le Kronprinz et c'est Joffre
Le premier n'a point d'esprit
Et l'autre en a plein son coffre (Ref.)

- REFRAIN -
Hou, hou, hou! Heu, heu, heu!
Il est Boche, Jean qui pleure:
Ha, ha, ha! Hi, hi, hi!
Il est Français, Jean qui rit.

Jean qui pleure est un méchant
N'ayant que morgue et jactance;
Jean qui rit, toujours charmant,
Rit en toute circonstance (Ref.)

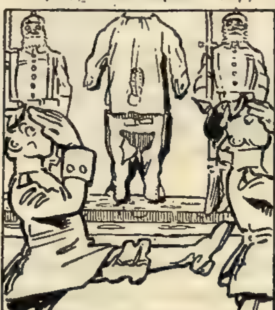
Jean qui pleure avait juré
Qu'il asservirait la Gaule
Donc, de brigands entouré,
Il part, son arme à l'épaule (Ref.)

Jean qui rit — en rigolant —
L'attendait: sur la rivière (Marne)
Un grand coup de pied au.. vlan!
Voilà mon pleurard par terre (Ref.)

Jean qui pleure alors sentit.
En tâtant, le coup de botte
Que son linge était sorti
Par le trou de sa culotte (Ref.)

Jean qui rit lui dit « Malin
« Va-t'en vite avec tes Guides
« Vous ferez mettre à Berlin
« Ton trophée aux Invalides! » (Ref.)

Jean qui pleure et Jean qui rit.
C'est le Kronprinz et c'est Joffre
L'un est dépourvu d'esprit
Et l'autre en a plein son coffre (Ref.)

Пример карикатуры и музыкального произведения на военные темы,
(Из французского журнала.)

Правда, находили сочувствие солдат только правдоподобные картины. Все... искусственно снятые фильмы вызывали только насмешки» [1].

2.

Кино в Америке.

«Во время войны недельные обозрения служили, кроме информации, прежде всего для подбадривания, укрепления воли к войне, для науськивания. При каждом удобном случае на полотне появлялся американский флаг, а оркестр или тапер разражался национальным гимном. Все вставали. Это была патриотическая демонстрация, которой только усиливалась пропаганда, собственно через фильму.

После вступления Америки в войну кино-промышленность, естественно, вооружалась всем газетным враньем и преимущественно бельгийскими зверствами, чем злостной лжи была придана еще более соблазнительная видимость действительности. Во многих фильмах показывали «бельгийские сцены», которые были засняты где-нибудь в штате Нью-Йорк» [2].

Плакаты, обложки, карикатуры и пр.

По тем же дорожкам шла и эта работа. Разбросанные по книге иллюстрации дают представление об использовании изобразительного искусства в военных целях.

1.

«Одно время отливали художественные бронзовые изображения народных вождей и полководцев Франции и союзных стран. Шесть оптовых партий этого бронзового товара направлены были в целях пропаганды—куда бы вы думали... в Грецию, чтобы разохотить ее к борьбе за свободу, право и т. д. Затем шли маленькие шелковые флажки, десятками тысяч посылавшиеся в Америку. Трогательная щедрость для сурового времени, когда миллионы женщин не знали, как прокормить и одеть детей» [3].

2.

«В мае 1915 г. на фронты, не исключая и кавказского, был отправлен особый военно-художественный отряд, сформированный с высочайшего соизволения. Начальник отряда—делопроизводитель военно-походной канцелярии, гвардии полковник В. К. Шенк, состав: профессор батальной

---

[1] М. Шварте, Большая война.

[2] Ф. Шенеман, Искусство влияния на массы в С. Ш. Америки.

[3] „За кулисами французской печати", стр. 164 — 165.

живописи Н. С. Самокиш, ученики Высшего художественного училища при академии Петр Котов, Петр Митурич, Петр Покаржевский, Карп Трофименко и Рудольф Френц, фотограф А. Штюрмер, матросы А. Герасин и П. Линник, ратники А. Селиверстов и А. Молодцов»[1].

Мотив все тот же: враги—звери, идиоты, низшая раса; «мы»—высшая нация, у нас подъем, у нас победы.

Вот характерный пример идиотизма журналистов-художников.

В одном французском журнале изображена следующая карикатура.

Сидит зуав, солдат французской армии, тоже защищающий «свободу и справедливость»; он пишет письмо в Африку своей невесте. Вот что он пишет: «Если бы ты знала, моя дорогая Мага-беба, какие дикари эти немцы!..»

Художники во время войны особенное внимание обращали на проникновение художественной пропаганды войны в домашнюю жизнь, быт. Отсюда—дешевые лубки, разукрашенные тарелки, миски, патриотические игрушки.

---

[1] Лемке, 250 дней в царской ставке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Общественные организации и война.

В главе о работе государственных органов мы уже указывали, что государственные органы во многих случаях предпочитают проводить свою пропагандистскую работу через общественные добровольные организации. Это часто бывает и удобнее и лучше действует на население.

Такими общественными организациями являлись или существовавшие еще до войны, или созданные по частной инициативе уже во время войны, или созданные тоже во время войны руками или с поддержкой правительства той или иной страны.

Общества эти имели самые различные задачи и объекты работы—от общего обслуживания дела обороны (Земсоюз, Союз городов в России) до узких задач «разоблачительной» работы в нейтральных странах.

Вот несколько штрихов из этой области работы.

Общественные организации во Франции.

«Образовались давно подготовлявшиеся в мирное время «латинские содружества», которые были утверждены на торжественном празднестве в Сербии. Там состоялись: «франко-румынская манифестация», «манифестация Латинского союза», демонстрация в честь Сербии, французско-бельгийская и ряд других. Далее в Копенгагене, Афинах и др. странах были организованы телеграфные агентства, которые ежедневно снабжали нейтральных «беспристрастной» информацией из французских источников. И всем перечисленным далеко не исчерпывается та система распространений известий, которая проводилась Францией» [1].

Воззвание Земского союза.

«Вот уже год как волна за волной кидаются немцы на выставленные нами людские утесы и разбиваются о них бешеной, стальной пеной злобы. Но до внутренних покоев

---

[1] Штерн-Руберт, „Пропаганда как орудие политики“.

необъятной России долетают только глухие раскаты ударов, и не поколебали они ее богатырского спокойствия. Послала она сынов своих всего только пятерых от сотни, а дома остались девяносто пять сильных. Уже не так-то сильно мы здесь терпели, мало сдались с мирного положения и дождались, бог дал, обильного, богатого урожая. Чего дома не хватает? Только сердце болит за своих на позициях.

Гроза божия с бурей разрушения несет и благодать оживления, гром и молния разит одного, а очищает воздух для всех и ободряет тысячи. Так и людская буря. Гибнет один—встают миллионы.

И встанем. Не готовились мы ни на кого итти войной, а лишь бы врага в дом не пустить. Но если он вламывается в нашу землю—не защищаться, а наступать на него надо.

Что нужно вам, сыны наши, на позициях, наша гордость, наша любовь? Снарядов, боевого снаряжения. Все, что готовится годами, вам нужно в один месяц. Постойте же еще несколько—все будет, все будет. Руки все сделают, был бы дух крепок и бодр. Стойте крепко, а мы здесь, дома, сольемся, как отдельные куски железа в горне, в одно целое и дадим вам боевое снаряжение вдоволь.

Земства, города, крупная промышленность—весь мир русский принялся за новую работу.

Железо, медь и всякая сила несметная раскинута по всей великой и богатой земле нашей, и дух сильный мечет искры из всех углов ее. Вздохнем всем миром, сберем искры этого духа сильного в один пламень, сплавим в нем металлы, отольем снаряды.

Вздохнем же миром русским—все вместе, дружно, сильно, враз.

Вы—рабочие, мастера, монтеры, ученые и не ученые, чуете ли вы, что каждый станок в ваших руках связан с нашей дорогой армией? Слышите ли вы, как забились сердца в окопах при вести, что дома заговорили о заготовке боевого снаряжения всем миром? Много добра надо армии. Не одни пушки и снаряды изнашиваются и тратятся. Нет той вещи, нет того инструмента, которые не потребовались бы—если не на самом фронте, то в тылу для заготовки снаряжения. Пусть пушки и снаряды можно отливать только на огромных, сильных, сложных заводах. Но пусть каждая рабочая рука знает, что она может помочь армии не только на сильном заводе. Не только без колес, но и без чеки с места не сдвинешься.

Напрягайте же свои силы, натягивайте свои жилы. Ищите сами такой работы, чтобы она шла не на ту сторону, а в армию, не пропадала даром, а шла в общее дело, на одну единую цель. Поставьте сами свою работу так, чтобы станки вертелись все 24 часа в сутки, чтобы не было

ни минуты простоя. Организуйте свою работу так, чтобы она шла вровень со строевой работой в бою. Организуйте мирную армию, достойную нашей несравненной, доблестной боевой армии. Вложите в работу всю душу, внесите в нее всю свою добросовестность. Наляжем всем миром не только плечами, но сердцем и мыслью. За нами правда, за нами сила, с нами бог. В конечной победе и одолении врага нет сомнений. Надо только собраться мирской силе. Не собрались утром—соберемся квечеру. Дай только отбить косы, смахнем—не заметим».

Главноуполномоченный Всероссийского земского союза
князь Львов [1].

Военно-промышленные комитеты.

«Идейная смычка, установившаяся с первых дней войны между империализмом и социал-соглашателями, о которой мы говорили выше, неизбежно должна была принять организационные формы.

Сближение между русскими социал-шовинистами и буржуазией особенно сильно проявляется в момент так называемой мобилизации промышленности на «оборону», совпавшей с подъемом забастовочного движения летом и осенью 1915 г.

Буржуазия попыталась привлечь рабочих к участию в работе буржуазных организаций созданием рабочих групп при военно-промышленных комитетах.

В своем приглашении к выборам рабочих представителей Центральный военно-промышленный комитет следующим образом определял задачи рабочих делегатов.

«Участвуя в трудах Центрального военно-промышленного комитета, представители рабочих будут содействовать великому и святому делу помощи нашей армии. Они помогут выяснению условий повышения производительности заводского труда и будут содействовать более успешной работе на оборону страны» [2].

Итак, руководящие круги буржуазии прекрасно учитывали необходимость сохранения гражданского мира в интересах успешного ведения войны. К тому же использование войны для получения прибылей требовало такой «дисциплинированности» рабочих, которая обеспечила бы безропотное подчинение капиталистической эксплоатации всей рабочей массы.

---

[1] „Русские ведомости", № 160, 12 июля 1915 г. (Заимствовано из книги И. Меницкого, Революционное движение военных годов, ч. 2.)

[2] Б. Граве, К истории классовой борьбы в России, 1926 г.

На этот путь гораздо раньше русской буржуазии встала европейская, где сотрудничество буржуазии и рабочего класса дошло до участия «представителей рабочих» не только в организациях по работе на «оборону», но и в буржуазных правительствах. Эти «социалисты» должны были помочь идейно поработить рабочий класс. Та же работа началась и в России. Меньшевистские вожди горячо взялись за это дело» [1].

Спекуляция общественно-национальным флагом.

„Славянские трапезы".

«Ввиду серьезности переживаемого исторического момента и ввиду того, что соединение течений польской мысли является в настоящее время существенно необходимым, депутаты-поляки Государственного совета и думы сочли нужным, чтобы в Петрограде находилось постоянное представительство обоих польских коло. 8 августа на очередной 131-й славянской трапезе (!) постановлено было:

«1. Обратиться к верховному главнокомандующему всеми военными русскими силами великому князю Николаю Николаевичу с нижеследующей верноподданнейшей телеграммой: «Великим благовестом по всему славянскому миру пронеслись призывы верховного главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами к славянским народам, возвестившие грядущую свободу всему славянству. Лучшие заветы русской истории, высшие чаяния всей России звучали в этих призывах, воспламеняя сердца восторгом и счастьем. Участники 131-й славянской трапезы просят ваше императорское высочество повергнуть к стопам его вели-

---

[1] Военно-промышленные комитеты — буржуазные организации царской России, созданные решением Государственной думы от 27 августа 1915 г. с целью обеспечить наибольшее приспособление промышленности к нуждам империалистической войны. Закон предоставлял и рабочим право представительства в этих организациях, чтобы ослабить революционное движение рабочих масс, увлекши их на путь сотрудничества с буржуазией и правительством. Рабочие поняли смысл создания указанных комитетов. В Петрограде 27 сентября на собрании выборщиков от фабрик и заводов, по предложению большевиков, было постановлено отказаться от посылки рабочих представителей в комитеты. Правительство все-таки созвало новое собрание выборщиков после того, как были произведены многочисленные аресты среди большевиков, и добилось выбора представителей, сформировавших так назыв. рабочую группу. Во главе ее стоял меньшевик-оборонец Гвоздев. Рабочие массы отказали в какой бы то ни было поддержке этой группе, и в противовес ей требовали свободы профессиональных союзов. Рабочая группа была ликвидирована в конце января 1917 года, как „слишком революционная организация", причем члены ее были арестованы.

Из „Малой энциклоп. по проф. движению".
Изд. Профинтерна. 1927 г.

чества государя императора, верховного покровителя всех славян, чувства беспредельной любви и преданности и просят вас принять выражения их всеподданнейшего восторга и пламенной уверенности в победе и славе русского оружия».

2. Осведомившись из письма, прочитанного генералом Поповичем-Липовацем, о чрезвычайной и безысходной нужде геройской черногорской армии в медицинском персонале и перевязочных средствах, которые теперь выражаются всего лишь в двух полевых госпиталях по пятидесяти коек, при отсутствии даже полевых аптек, фельдшеров и перевязочного материала, так что наблюдаются уже случаи гниения ран,—собравшиеся обращаются ко всему русскому народу с горячим призывом о пожертвованиях на отряд Красного креста для Черногории, организацию же отряда просят принять на себя Петроградское славянское благотворительное общество.

3. Обратиться к бельгийскому посланнику в Петрограде с телеграммой: «В глубоком восхищении небывалым сопротивлением Бельгии могущественному врагу, участники трапезы выражают всему бельгийскому народу, доблестной армии и ее верховному руководителю чувства своего беспредельного восторга и полной уверенности, что соединенная франко-англо-бельгийская армия даст надлежащий отпор воинствующему германизму».

4. Послать приветствие петроградскому чешскому вспомогательному обществу: «Чешско-словацкому народу, ставшему за непоколебимую преданность славянству очередной жертвой кровавой расправы австрийцев, разгромивших Золотую Прагу, собравшиеся шлют свое сердечное и полное сочувствие и выражают твердую уверенность, что настал час окончательного освобождения всего славного чешского народа».

5. Обратиться с телеграммой к сербскому королевичу Александру: «Беспримерная, сопровождаемая постоянным успехом борьба сербской армии с превышающим числом противником окрыляет собравшихся за трапезой надеждой, что сербский народ до конца доведет свою историческую задачу полного объединения всего сербского племени. Да здравствует сербский народ, армия и доблестный ее вождь!»

6. Обратиться с телеграммой к болгарскому царю Фердинанду: «Участники славянских трапез, среди которых много деятелей войны, освободившей Болгарию от турецкого ига и возродившей ее как самостоятельное славянское государство, находят безусловно необходимым засвидетельствовать перед вашим величеством о том в высшей степени тягостном настроении во всем русском народе и обществе, которое создалось вследствие невыяснившегося до сих пор

отношения Болгарии к настоящей войне, когда весь славянский мир во главе с Россией вместе с Францией и Англией объединился в напряженной борьбе с нескрываемым стремлением германского мира к всеевропейской гегемонии и разгрому славянства. Собравшиеся не считают возможным, чтобы в этот решительный для всего славянства час все славянские народы не объединились в этой последней войне для полного объединения всех славян согласно высочайшей воле, выраженной государем императором в обращении к русскому народу. Россия ждет от Болгарии решительного и скорого ответа».

7. Обратиться к вождям всех болгарских политических партий с нижеследующей телеграммой: «Участники славянских трапез, среди которых много деятелей войны за освобождение Болгарии, считают долгом русской и славянской совести засвидетельствовать, что в случае дальнейшего колебания Болгарии—примкнуть ли к стану врагов славянства или к борцам за освобождение всех славянских народов—Болгария может оказаться вне славянской семьи и рискует не только не достигнуть объединения своих раздробленных земель, но и остаться без поддержки в момент, когда Болгарии будет грозить потеря ее самостоятельности. Помните, народные представители, что на вас больше чем на комнибудь лежит ответственность за будущность страны и народа».

Председатель Б. Б. Глинский, редактор журнала „Исторический вестник". Секретарь П. В. Лавров [1].

Национальное примирение.

«К немецким евреям! В роковой час отечество призывает своих сынов под знамена. Что каждый немецкий еврей готов на жертвы добром и кровью—само собой понятно. Товарищи по вере! Мы взываем к вам отдать сверх всякой меры отдавать все силы отечеству. Спешите добровольно под знамена. Все мужчины и женщины—поставьте себя на службу отечеству личной помощью, жертвами, деньгами и вещами».

Берлин, 1 августа 1914 г. Союз немецких евреев.

„Общественные силы" привлечены во-всю.

Трудно привести и сотую долю тех организаций, которые возникли втечение войны в разных странах. Кроме упомянутых в приводимых выше документах, вот наиболее характерные организации.

---

[1] **„Историческая летопись".**

Общественные организации по обслуживанию фронта и тыла.

Шварте приводит следующие организации, заботившиеся в Германии о фронте:

1. Фронтовые общества.

а) «Народное объединение».

б) Секретариат студенческой общественной деятельности.

в) Общество святого Карла Борромеуса.

г) Рабочий комитет по распространению литературы.

д) Церковная помощь на войне.

И так далее.

2. Касса помощи войне Союза защиты немецких писателей.

Эта «касса» издала между прочим с благотворительной целью книгу под названием «Благословение войны» Германа Баара.

3. Специально военного значения были еще следующие организации в Германии:

а) Исполнительный орган солдатских и железнодорожных домов (убежищ) на Восточном и Западном фронтах.

б) Национальное объединение евангельских юношеских союзов.

в) Саксонский исполнительный орган по созданию солдатских домов.

г) Общество товарищеских солдатских домов.

д) Генеральный секретариат католических юношеских союзов.

е) Северо-германский юношеский союз.

ж) Центральное правление отечественного женского общества.

з) Центральный комитет прусского Красного креста.

Все эти и подобные организации, иногда возникавшие поквартально, посемейно и т. д., плодившиеся, как грибы, и быстро исчезавшие, занимались полезным делом: они являлись источником и руслами притока общественной материальной помощи, они заполняли и обеспечивали те участки военных нужд, до которых государству трудно было самому добираться. Эти организации работали в области санитарной, пошивочно-починочной, бытового и политического обслуживания фронта, усиления хозяйственного состояния страны (добровольные группы косарей, сборщиков ягод, лечебных трав и т. д.). Их помощь была необходимым для правительств дополнением к организации победы, что вытекало из нового характера войны—ее расширения до слияния фронта и тыла.

Assiette de module moyen, avec type de Gallia et refrain de chanson patriotique.

Tasse a Café.

Cendrier.

Образцы патриотической посуды.

4. Особое значение имеют общественные организации, помогавшие правительствам влиять и использовать нейтральные организации. Например, упоминавшийся уже «Союз правды», или «Мировой союз друзей правды». Этот союз работал на немецкие деньги в Америке и занимался главным образом разоблачением и опровержением английской пропаганды против Германии.

Или—«Лига чужеземцев в России», которая издала следующую книгу.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РОССИЮ?

Составлено

двенадцатью русскими подданными.

Немецкий перевод шведского и американского издания.

Издано „Лигой чужеземцев в России".

Стокгольм и Лозанна, Берлин, 1916 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Церковь и война.

Стоит ли убеждать читателей, что церковь не отставала от своих господ, капиталистов, и тоже внесла свою долю энергии в подлое дело войны?

Полагаю, что слова излишни—доказывать не стоит, ибо сомнений ни у кого нет.

Стройная система вырисовывается окончательно.

Государство воспитывает, карает, поощряет, организует.

Социал-демократия политически доказывает массам необходимость войны и организует их под флагом классовых интересов, на самом же деле ведет их на аркане в ярмо капиталистов.

Печать питает возбужденный войной ум ядом лжи и обмана.

Наука «научно» и своим авторитетом помогает войне и воздействует на массы.

Искусство размягчает волю народа.

А церковь, покропив всю эту шайку святой водой, доказывает, что смерть—лучше жизни, что «нашему» богу все это угодно, что запах гниющих трупов, застрявших на колючей проволоке, приятен святому носу нашего старого бога.

И доказывая это, немецкие пасторы, католические ксендзы, еврейские раввины германского правительства (ибо они—просто купленные агенты) выступают против доказывающих то же самое немецких пасторов, русских попов, католических ксендзов, еврейских раввинов русского правительства. Ибо и в той и в другой стране были православные, лютеране, католики, иудеи. Ибо каждому из них ведь надо доказать, что бог—на их стороне, бог даст им победу, бог покарает их врагов и т. д., и т. д.

Перейдем к иллюстрациям.

Ирония истории.

«Констанца. 23 июля. В дни между первым и четвертым августа здесь собирается всемирная конференция мира. Организация ее исходит от Англии. Всего примет

участие около 120 представителей. В большинстве это высшие церковные власти главным образом католической церкви—епископы, архиепископы и кардиналы. Но дипломаты тоже примут участие. Конгресс будет носить имя «International Wordls Peace Conference» или «Churc Peace Conference» [1].

Духовенство на фронте.

«Шавельский [2] довольно часто бывает на фронте, говорит там солдатам проповеди и речи, довольно храбро ходит в полосе огня, за что получил наперстный крест на георгиевской ленте. В японскую кампанию он пошел простым полковым священником, потом получил дивизионного благочинного и наконец выдвинулся главным священником 1 Манчжурской армии. Затем его назначили в совет протопресвитера, где он и мог заместить его при увольнении уже как обращавший на себя внимание. Немало людей обращается к нему, помимо своего строевого начальства, за содействием по получению наград и пр.

Теперь ходит еще басня о том, что когда, по приказанию генерала Шварца, взрывали Ивангородскую крепость и город, то ворота с иконой Николая-чудотворца так и не удалось взорвать, несмотря на все старания и технические средства: ясно де, что бог указывает этим путь русским войскам в город, который они вернут с его помощью назад... А по-моему, если только ясно, так только чудотворная сила угодника, который столько сотен лет хранит Россию от всяких, еще больших бед, являясь ее постоянной надеждой и крепостью, особенно во время войн, когда офицеры и генералы штаба сами полагаются на него, превыше всяких стратегий и здравого смысла.

Некоторые полковые священники умеют сдерживать отступающих своим примером и увещанием. Характерно, что в полковые священники в начале войны просилось несколько епископов—насколько велико было желание состоять в армии. Для приходского духовенства есть особое мобилизационное расписание, и в мирное время они знают, какие части должны будут ехать военными священниками при объявлении мобилизации» [3].

Деятельность церквей в армии.

Католическая церковь в германской армии.

«Католический «полевой» ксендз Г. Иеппен, «титулярный» епископ, объединял в своем лице главное руковод-

---

[1] „Dresdener neueste Nachrichten", 24 Juli, 1914.
[2] Один из попов в царской армии, в „высших чинах".
[3] Лемке, стр. 477, 478.

ство всего военного обслуживания католической церкви— на фронтах, этапах и на родине» [1].

К концу войны количество духовенства (католического) на фронте достигло (только в Пруссии):

1. В полосе боевых действий	581
2. В занятых областях	83
3. На этапах	322
Итого	986 человек.

Кроме этого—413 в городах глубокого тыла, 42—во флоте. Таким образом, только католического духовенства только в Пруссии, только в армии, достигло цифры в 1 441 человек.

Громадный штат католического «агитпропа»!

А лютеранского духовенства—в десятки раз больше! Такие же десятки тысяч попов во Франции, в Англии, России и т. д.

Церковь отмобилизовалась полностью и в срок. И не смущались ксендзы «немецкие» восхвалением немецкого бога, в то время как их друзья, ксендзы «французские» восхваляли галльского бога. За то и деньги получали.

Важнейшие формы работы духовенства.

1. На полях сражения:
а) работа среди «живых» (перед, после и во время боя);
б) заботы о раненых;
в) заботы об убитых.
2. В местах расквартирования:
а) богослужения;
б) причастия и исповедания;
в) погребения;
г) работа в лазаретах;
д) солдатские убежища;
е) распространение литературы;
ж) забота о пленных;
з) забота о гражданском населении (обслуживание и связь с армией) [2].

Распространение литературы.

1.

Распространение духовной литературы на фронте было одним из главных способов деятельности церквей.

Приэтом каждая церковь (особенно католическая) опиралась на «общественные» организации.

---

[1] Шварте, Большая война.
[2] Там же.

Так, например, католическое духовенство в германской армии имело следующих «помощников»:

1. Народное общество.
2. Секретариат социальной деятельности студенчества.
3. Общества святого Карла Борромеуса.
4. Исполнительный комитет по распространению литературы.
5. Церковная военная помощь.

2.

Как пример церковного издания укажу на русское издание:

> **Величайшая из великих войн с австро-немцами и турками за правду божию, за свободу народов.**
>
> **Петроград, 1916 г.**

Единый фронт враждебных церквей.

«Берлин, 1 августа. В синагогах сегодня произнесена была во время утреннего богослужения следующая молитва:

«Братья и сестры! Тяжелые события надвигаются на наше отечество (!).

...Именно мы, евреи, хотим показать, что в наших жилах течет кровь героев и что мы не напрасно учились тысячелетиями приносить жертвы. До сих пор мы находились под защитой нашей страны; теперь, так как страна должна быть нами защищена, она может на нас рассчитывать.

На это да благословит и поможет нам всемогущий бог! Аминь» [1].

---

[1] „Magdeburgische Zeitung", 2 August 1914.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

трудов, рекомендуемых для изучения затрагиваемых в книге вопросов[1].

Бауер Л. — „С полей сражений Галиции“. 1914 г. Лейпциг. На нем. яз.

+Бернстдорф Иоганн. — „Германия и Америка. Воспоминания о пятилетней войне“. 1920 г. Изд. Ульштейн и К°. Берлин. На нем. яз.

Бухнер Е. — „Документы войны в десяти томах“. Мировая война 1914 г. в отражении печати. 1917 г. Мюнхен. На нем. яз.

Волгин А. — „Об армии“. 1907 г. Петербург. На нем. яз.

+Гарден-Максимилиан. — „Война и мир“ (2 части). 1918 г. Изд. Эрих Рейс. На нем. яз.

Гельвич А. — „Мировая война и суеверие“. 1916 г. Лейпциг. На нем. яз.

+Гершельман Ф. — „Военная подготовка в гражданских школах“. 1911 г. Петербург.

+Гришин М. — „Помни о войне“. 1924 г. Гиз.

+Грюнберг. — „Интернационал и Мировая война“ под ред. Зиновьева. 1919 г. Гиз.

+Данилов Ю. — „Россия в мировой войне“. 1924 г. Берлин.

" " „За кулисами французского журнализма“. 1926 г. ГИЗ.

+„Историческая летопись“. (Периодические выпуски. Россия. Начали выходить с начала войны. Цель — фиксировать важнейшие документы и события войны. Ярко-патриотическое направление.) 1914 г. Петербург.

+Калинин. — „Под знаменем Врангеля“. 1925 г. Ленинград.

+Каутский К. — „Как возникла мировая война“. 1924 г. ГИЗ.

Керженцев. — „Газета“. 1923 г. Изд. Красная новь. Москва.

Колонтай А. — „Отрывки из дневника 1914 г.“ 1924 г. Л.

Кордэ М. — 1. „За кулисами войны“. 1924 г. ГИЗ.

" 2. „Красный уголь“. 1924 г. ГИЗ.

Ланда М. — „Политическая подготовка страны к обороне“. 1926 г. „Военн. Вестник“.

+Лебель — „Как противодействовать социалистической пропаганде в армии“. 1907 г. Петербург.

+Лемке. — „250 дней в царской ставке“. 1920 г. Петроград.

" „Ложные сведения о войне в печати“. В семи томах. 1917 г. Париж. На фр. яз.

+Луначарский А. — „Италия и война“.

+Людендорф. — „Мои воспоминания о войне 1914—1917 гг.

" — „Ведение войны и политика“. На нем. яз.

+Мартен В. — „Ложь на службе Англии“. 1915 г. Издание „Мирового союза правды“. Берлин—Нью-Йорк. На нем. яз.

---

[1] Отмеченные + упоминаются в книге.

+Меницкий И. — „Революционное движение военных годов (1914—1917)". т.т. 1 и 2. 1924 г. ГИЗ.
+Мюзам К. — „Как нас обманывали". (Обман немецкого народа государственными органами.) 1918 г. Мюнхен. На нем. яз.
+Мюллер Р. — „Мировая война и германская революция".
„ „Начало мировой войны 1914—15 гг. в официальных документах. 1916 г. На нем. яз.
Павлович (Вельтман) — Гл. обр. т.т. V, VII, VIII, X. ГИЗ. М.
Пахер Г. — „Пресса тройственного согласия". 1915 г. Лейпциг. На нем. яз.
+Пленге И. проф. — „Немецкая пропаганда". Учение о пропаганде, как практической общественной науке. 1922 г. Бремен. На нем. яз.
+Покровский М. — „Франция до и во время войны". 1924 г. ГИЗ.
„ — „Царская Россия и война". 1924 г. ГИЗ.
+Потапов. — „Печать и война". 1925 г. ГВИЗ.
Рейнгольд А. — „Лживая пресса". 1916 г. Лейпциг. На нем. яз.
+Серриньи. — „Размышления о военном искусстве". 1924 г. Ленингр. Воен. изд.
Фрейлих. — „Из истории германской революции". 1927 г. ГИЗ.
Фукс Э. — „Мировая война в карикатуре". На нем. яз.
+Шварте М. — „Большая война 1914—1918 гг." т. X, ч. 3. „Организация духовной жизни в армии". 1922 г. Берлин. На нем. яз.
+Шенеман Ф. — „Искусство влияния на массы в Соединенных штатах Северной Америки". 1924 г. Берлин и Лейпциг. На нем. яз.
Штиве Ф. — „Как наши враги друг друга хвалят". 1915 г. Мюнхен. На нем. яз.
Штиве Ф. — „Как наши враги сами себя хвалят". 1915 г. Мюнхен. На нем. яз.
Штиве Ф. — „Наши враги в их ненависти к немцам". 1915 г. Мюнхен. На нем. яз.
+Штерн-Руберт. — „Пропаганда, как орудие политики". 1922 г. Берлин. На нем. яз.
Юнг А. — „Седьмая держава в войне". 1915 г. Берлин. На нем. яз.
Якоби Р. — „В борьбе с военной ложью". 1915 г. Берлин. На нем. яз.
Эрнель. — „Фильма и политика". 1924 г. июль. Немецкий справочник. На нем. яз.

---

1 р. 25 к.

